

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T

Том 3 | № 4
Volume 3 | 2017

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 3, №4. 2017

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 3, № 4. 2017

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL

First published online: 2014
ISSN 2409-1634

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Ляшенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolatin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmman, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University, Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Благоевич М., Матич З.
Религиозные перемены: православный
катихизис в школьной системе
Республики Сербии (2001-2017) 3

Mirko Blagojevic, Zlatko Matić
Religious changes: orthodox Catechism in
the school system of Republic of Serbia
(2001-2017) 3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Епихина Ю.Б.
Образовательная мобильность и первое
место работы 13

Yulia B. Epikhina
Educational mobility and
the first job 13

Гусейнова К.Э.
Анализ измерения научной новизны в
авторефератах кандидатских работ 29

Ksenia E. Guseynova
Analysis of the measurement of scientific
novelty in the abstracts of master's theses 29

**Богданов В.С., Гусейнова К.Э.,
Почестнев А.А.**
Социокультурная (цивилизационная) и
институциональная обусловленность
технологий обратной связи в работе
звеньев властно-управленческой
вертикали 35

**Vladimir S. Bogdanov,
Ksenia E. Guseynova,
Aleksandr A. Pochestnev**
Conditionality of the feedback
technology in work of the elements
power-management
vertical 35

Шилова В.А.
Исследование коммуникативных
аспектов сплоченности: теоретико-
методологические основания и
результаты поискового исследования 51

Valentina A. Shilova
Research of communicative aspects of
cohesion: theoretical and methodological
foundations and the results of the basic
research 51

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Погорелый М.Ю.
Исследование предпочтений
потребителей Smart Watches как
предпосылка для необходимости
социального элемента в маркетинговых
исследованиях 60

Mark Pogorelyy
Scrutinizing the consumers preferences
of Smart Watches as the prerequisite
for substantiating the need for
a social element in marketing
research 60

Тихонов А.В.
Реформирование работы органов
власти и управления как неотложная
национальная проблема 70

Aleksandr V. Tikhonov
The reform of authorities
and management as an urgent national
problem 70

Давтян Д. В., Селюков М. В.
Ценность справедливости как основа
потенциала консолидации населения в
современной России 107

Dianna V. Davtyan, Maksim V. Selyukov
Value of justice as the basis for building
consolidation of the population in modern
Russia 107

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE**

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-3-12

Благоевич Мирко¹
Матич Златко²**РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ПРАВОСЛАВНЫЙ КАТИХИЗИС
В ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ (2001-2017)**

¹) Институт общественных наук
ул. Кралице Наталие, 45, Белград, 11000, Сербия
blagomil91@sbb.rs

²) Православный богословский факультет Университета в Белграде
ул. Мие Ковачевича, 11б, Белград, 11060, Сербия
zlatkomatic@yahoo.com

Аннотация. Одним из важных индикаторов десекуляризации сербского общества в процессе общественной трансформации несомненно является и возвращение учебного предмета «Закон Божий» в школьную систему Сербии, которое произошло в 2001 году. В статье последовательно анализируется противоречие, возникшее в современном сербском обществе вокруг преподавания в светских школах «Закона Божия», в контексте права, теоретико-философском и социологическом контекстах. Доказывается, что именно последовательная реализация ценностно-смысловых оснований этого учебного предмета имеет значительный потенциал снятия противоречий между нациями и религиями, религиозным и научным видением мира, традиционным и «транзитивным» состоянием общества. Утверждается важность анализа современного социального и религиозного контекста, в котором осуществляется конфессиональное образование. Соответствующий контекст определяется понятием транзисии, чьей ключевой характеристикой является неуверенность; оторванностью личности от традиции, индивидуализмом и консьюмеризмом в ценностной сфере. Сознание молодых людей характеризуется через противоречие между влиянием потребительско-рыночной логики и неприятием мира как «монотонного и скучного места, лишённого магичности». Как следствие этого, показывается ложность ключевой предпосылки основных субъектов – инициаторов возвращения «Закона Божия» в образовательную систему Сербии, поскольку христианство и христианский взгляд на мир не являются больше тем, что под этим подразумевается, особенно среди молодежи. Обосновывается необходимость войти с ней в личностное *отношение*, которое, как правило, актуализируется через диалог. «Закон Божий», по его замыслу, в этой связи должен был бы являться существенным звеном в формировании ценностной, а не когнитивной, системы контингента обучающихся, в развитии образованной, а не сформированной личности. Этот предмет призван выявлять сущность христианской катихизации, представляющей собой воспитание молодежи на основе важнейших социально-культурных ценностей. Планы и программы «Закона Божия» предполагают, как основные цели, гармонизацию ценностей современного общества с основными религиозными (христианскими) ценностями и показать, что мир и Церковь (религиозное объединение) находятся на общем пути к открытию Смысла.

Ключевые слова: религиозные перемены; десекуляризация; Сербия; «Закон Божий»; Церковь.

Mirko Blagojevic¹
Zlatko Matic²

**RELIGIOUS CHANGES: ORTHODOX CATECHISM IN THE
SCHOOL SYSTEM OF REPUBLIC OF SERBIA (2001-2017)**

¹) Institute of Social Sciences
45, Kraljice Natalije Str., Belgrade 11000, Serbia
blagomil91@sbb.rs

²) University of Belgrade, Faculty of Orthodox Theology
11b, Mije Kovacevica Str., Belgrade, 11060, Serbia
zlatkomatic@yahoo.com

Abstract. One of the important indicators of desecularization of serbian society in the process of social transformation is certainly the return of religious education (catechism) to the serbian school system in 2001. In the article, the contradiction that has arisen in modern Serbian society around the teaching in secular schools of the "Law of God", in the context of law, the theoretical and philosophical and sociological contexts, is consistently analyzed. It is proved that it is the consistent realization of the value-semantic bases of this academic subject that has a significant potential for the removal of contradictions between nations and religions, the religious and scientific vision of the world, the traditional and "transitive" state of society. The importance of analyzing the contemporary social and religious context in which confessional education is carried out is affirmed. The corresponding context is defined by the notion of transition, whose key characteristic is uncertainty; the isolation of the individual from tradition, individualism and consumerism in the value sphere. The consciousness of young people is characterized through the contradiction between the influence of consumer-market logic and the rejection of the world as a "monotonous and boring place devoid of magicity." As a consequence, the falsity of the key premise of the main actors initiating the return of the "Law of God" to the educational system of Serbia is shown, since Christianity and the Christian view of the world are no longer what this means, especially among young people. The need to enter into a personal relationship with her, which, as a rule, is actualized through dialogue is substantiated. "The law of God," according to his plan, in this connection should be an essential link in the formation of a value system, not a cognitive system of students, in the development of an educated and not formed personality. This subject is called upon to reveal the essence of Christian catechesis, which is the education of youth on the basis of the most important social and cultural values. Religious education should be a key element of the formation of values and the formation of personality: the main task of the plan and programme of catechism should be the attempt to harmonize the values of contemporary society with the basic values of religion (christianity), and also to show that the world and the Church (religious community) are together on the same path of discovering Meaning.

Keywords: Religious Changes; Desecularization; Serbia; Catechism; Church.

Введение (Introduction). *Возрождение православия как вид религиозных перемен.* Социологические данные, полученные в Сербии, показали устойчивую тенденцию возрождения православия, как на уровне религиозного сознания, так и на уровне культового поведения и религиозных объединений. Конечно, такое возрожденное традиционное православие обладает не только общецерковным значением, важным для верующих и церковной организации, но и общественным, что важнее с

точки зрения социологического подхода к изучению религиозно-церковного комплекса. Выход православия из подполья общественной и духовной жизни социалистического общества на публичную сцену постсоциалистического трансформируемого общества связан, прежде всего, с его ролями в социуме, которые до периода последних двух десятилетий были немислимы, как в социалистической Югославии, так и в бывшем Советском Союзе. Ситуационный фактор начала 90-х гг. обусловил вы-

ход на поверхность общественной жизни некоторых функций религии и Церкви: в Сербии начала 90-х гг. актуализируются, прежде всего, защитно-интегративная, гомогенизирующая, этномобилизирующая функции религии, а также компенсаторная и этическая функции.

Методология и методы (Methodology and methods). Социалистический режим, установленный в бывшей Югославии и в бывшем Советском Союзе, создал схожую неблагоприятную атмосферу для религии и церкви в целом. Первым следствием такого отношения социалистических властей к религиям и их институционализированным организациям была их культурная, а впоследствии и в целом – общественная демонополизация и маргинализация. Отделение Церкви от государства тяжелее всего отразилось на православии (по сравнению с другими религиями) уже потому, что состояние отчуждения и отделения от государства было прямо противоположно сущности восточного христианства. Последнее исторически всегда тяготело к развитию различных видов отношений с государством: будь то отношение согласия, сотрудничества, взаимной поддержки (симфония), или отношение служения и реализации многочисленных социальных функций. Эти схожие неблагоприятные общественные рамки и доминирующий атеистический культурный шаблон социалистического общества достаточно пагубно воздействовали на действительное состояние религиозности, ее свободное выражение, равно, как и на связь людей с религией и церковью вообще. Последствия выявлялись, по крайней мере, в трех сферах: религиозно-церковный комплекс стремительно начал терять свое общественное значение, ослабли традиционные религиозные верования и, что было заметнее всего – церковно-обрядовая практика. В эмпирических исследованиях православия обнаруживались непрерывно низкие показатели носителей религиозного языка, затем совершенно явственный распад догматического содержания веры и процесс разложения, эрозии традиционного религиозного поведения (Đorđević, 1984).

С событиями в Косово начала 80-х гг. в бывшей Югославии сербское православие возвращается на общественную и политическую сцену с периферии общественной и политической жизни, из изоляции, в которой оно находилось в течение последних десятилетий. Эмпирических свидетельств этого еще не существовало в начале возрождения православия в Сербии, но уже начиная с конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века социологические исследования показывают повышение уровня религиозности и сближение все большего числа людей с религией и церковью во всех географических и религиозно-конфессиональных пределах бывшей Югославии. В том числе это характерно для православной религиозности, которая на территории бывшей Югославии начала возрождаться позднее по сравнению с католицизмом. Преимущественно возрождение религиозно-церковного комплекса в то время совпало с периодом войны, взрывом невероятной ненависти, насилия и страдания на значительной части территории социалистической Югославии. Социологи часто связывали такое возрождение с ключевыми общественно-политическими сдвигами. Оно в общем обнаруживало себя как продукт явного и длительного общественного кризиса и в этом контексте как результат (и одновременно причина) краха социализма, а также как результат общественной, территориальной, национальной, конфессиональной гомогенизации населения в каждой из республик бывшей Югославии. На втором плане общественной жизни такое возрождение истолковывается как высший религиозный процесс в смысле подлинной и глубокой перемены духовной жизни людей через возвращение к забытому Богу и религиозной морали, их поиском духовности и изменению практического повседневного поведения.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Изменения, которые коснулись православия в Сербии за последние тридцать лет, эмпирически зафиксированы во всех аспектах, относящихся к православию и СПЦ: в аспекте религиозной идентификации, доктринальной веры и религиозно-обрядового поведения.

Обобщение этих и других, неупомянутых здесь эмпирических данных (Blagojević, 2005) позволяет выявить несколько релевантных индикаторов, которые с начала 90-х гг. прошлого столетия отражают актуальный процесс религиозных изменений в сербском обществе и стабильную тенденцию религиозной реструктуризации. Анализ качественных данных показывает, что характерные религиозные изменения выражаются в росте готовности людей к самоопределению в религиозных терминах, в признании своей конфессиональной принадлежности и вере в Бога; в религиозности молодежи (некогда наименее религиозного поколения); в радикальном снижении числа людей, декларирующих свои атеистические убеждения. Перемены в религиозном сознании населения в течение 90-х гг. обладали и вполне практическими следствиями для религиозной веры и поведения большого числа людей. Широкое распространение традиционного отношения к религии и Церкви, которое и ранее было наименее проблематичным, приводит к тому, что подавляющее большинство населения в моноконфессиональных православных пространствах связано с религией и церковью. Возродились и такие сущностно важные религиозные практики, как молитва, присутствие на литургии и пост перед главными церковными праздниками. Для однородно православного сербского пространства на данном этапе более не характерны эрозия обрядов религиозного характера и бегство населения от религии и Церкви. В контексте описанных таким образом религиозных трансформаций портрет типичного верующего практически полностью отличается от портрета верующего из 80-х гг. Ранее он включал следующие социальные характеристики: происхождение из сельской местности; преимущественно женский пол; крестьянин или рабочий; малообразован; представитель самого старшего поколения и социально-маргинализированного и непривилегированного общественного слоя. На данном этапе среднестатистический верующий происходит как из сельской, так и из городской среды; представляет все возрастные категории; является представителем женского и мужского пола; обладает как начальным, так

и высшим образованием. В измененном портрете типичного верующего кристаллизуются все релевантные индикаторы социологического анализа кардинальных религиозных перемен в современном сербском обществе.

«Закон Божий» в школьной системе Сербии. Одним из важных индикаторов десекуляризации сербского общества в процессе общественной трансформации несомненно является и возвращение «Закона Божиего» в школьную систему Сербии. Это возвращение произошло в 2001 году, когда Правительство Республики Сербии вынесло краткое Постановление об организации и реализации преподавания религии и альтернативных предметов в начальных и средних учебных заведениях (Службени гласник РС, №46/2001), ровно 50 лет спустя после его насильственного устранения из школ (что произошло в декабре 1951 года). Святейший патриарх сербский Павел провел первый урок «Закона Божиего» 2 ноября 2001 года в одной из белградских начальных школ. Несмотря на то, что преподавание религии происходит уже 16 лет, оно все еще является серьезным вызовом не только для церковного и государственного образования, а и для юридической науки, социологии, в первую очередь социологии религии, философии и политологии. Полувековой насильственный перерыв совместной работы Церкви и образования на поле интеллектуально-духовного воспитания и образования молодежи вовлек оба института в многочисленные резкие полемики, которые нередко несли на себе печать негативных, необоснованных и, прежде всего, обоюдно вредных конфронтаций. В этом разделе текста мы попытаемся схематически показать некоторые из проблемных секторов, которые выявились и еще сопровождают существование «Закона Божиего» в школах.

Мы выделяем, в первую очередь, **группу проблем**, которые появились в связи с возвращением Закона Божиего в школы. Это, с точки зрения профанного права, вполне легитимные вопросы:

1. Обязывает ли ведение религиозного образования как факультатива, а затем и обя-

зательного предмета по выбору, даже при возможности выбора альтернативного предмета (который со временем получил наименование «Гражданского воспитания»), хотя бы и эксплицитно, ученика заявить о своей религиозности? Может ли такой выбор быть противопоставлен гражданскому праву в том, что никто не обязан изъясняться о своих религиозных убеждениях и позициях?

2. Могут ли содержание и цели указанного предмета религиозного образования являться дискриминирующими для тех религиозных объединений, которые законом не определены как традиционные¹?

3. Нарушены ли этим фактом основные принципы отделения Церкви от государства, принцип секулярности в Сербии?

Очень скоро было возбуждено дело об нарушении Конституции этим Постановлением и самим проектом религиозного образования в Сербии. В связи с этим отреагировал и Конституционный суд, который 4 ноября 2003 года положительно оценил конституционность такого постановления правительства и подтвердил, что включение религиозного образования не является нарушением принципов конституции об отделении Церкви от государства, и не является дискриминацией так называемых нетрадиционных религиозных объединений. Но это не прекратило дискуссий. На высоком академическом уровне изложил свои позиции профессор Сима Аврамович, декан Юридического факультета Белградского университета. Он категорически отбросил все замечания об нарушении Конституции включением религиозного образования в государственные учебные заведения (Аврамовић, 2005). Он доказал, что сравнительное право не отбрасывает автоматически всякое отсутствие любых видов сотрудничества Церкви и государства, и что принцип отделения Церкви от государства все больше осуществляется кооперативным и комплементарным способами. Организация конфессионального религиозного образования в европейских государствах осуществляется в соответствии с этим принципом,

а также с правом родителей давать образование своим детям в соответствии с их религиозными убеждениями. В конце он похвально отозвался об сербском законодательстве, которое, по его мнению, сделав этот храбрый шаг, пошло по пути согласования с правовыми системами ведущих стран Европейского союза.

Теоретико-философский контекст непонимания проявился в позиции, что с возвращением «Закона Божиего» произошла тихая смена идеологий – вместо марксисткой, на передний план вышла религиозная онтологическая платформа. Ответы главным образом сводились к убеждениям, что «Закон Божий» в школах призван существенно способствовать ускорению процесса закрепления демократических ценностей, культуры диалога и религиозной толерантности и, таким образом, противостоять узкому национализму и религиозному фундаментализму. Вторая часть философских возражений относилась к коллизии библейской веры и современных научных теорий, а также их носителей (преподавателей естественно-научных школьных предметов с преподавателями «Закона Божиего»). Опыт работы и сотрудничества преподавателей «Закона Божиего», как с учениками, так и с коллегами-преподавателями в школах указал, главным образом, на возможность развития ситуации в совсем другом направлении. Конкретно, страстное желание современного научного мира постичь целостного холистического подхода ко всем актуальным проблемам человека, осознание, что пути развития истории, искусства или философии европейского континента не могут полноценно изучаться и преподаваться без их глубоких и прямых связей с христианством, поставило искренних работников образования перед необходимостью взаимного сотрудничества с другими.

Богословские принципы взаимоотношений, связей, общности как постулаты христианской веры, сами по себе представляли прямые ответы на упомянутые стремления современной цивилизации к общности. Говоря о Церкви как о все-

¹Традиционными Церквями и религиозными объединениями в Сербии являются: Сербская православная Церковь, Ислам, Католическая церковь, Словацкая еванге-

листическая церковь, иудаизм, Реформатская христианская церковь, Евангелистическая христианская церковь а.в.

объемлющем содружестве, преподаватели катехизиса призывают своих учеников к открытости и любвеобильности по отношению к другим, а не к изоляции и эгоизму, зная, что Церковь – поприще спасения для всех людей, невзирая на пол, расу и особенно на нацию. «Закон Божий» предлагает совсем новую форму существования, которая не укладывается в «потребительский менталитет» современного одномерного человека и мира, но которая очень близка молодежи. Учебные план и программа ориентируют преподавателей «Закона Божиего» на уроках религиозного образования на то, чтобы не пытаться путём перечисления фактов из области богословия и навязывания этических норм и правил поведения создавать образованных личностей или будущих миссионеров. Такой подход к катехизису, который существовал между двумя мировыми войнами в Королевстве Югославия, не дал никаких результатов, кроме того, что являлся сатирическим материалом для печати и литературы. Предлагая слушателям новую этику, этику свободы в любви, в которой отсутствуют любой фанатизм, предвзятость, ненависть и эгоизм, авторы нового Плана и программы «Закона Божиего» (всех религиозных объединений) предложили именно то, к чему они подсознательно тяготели, ища смысла существования, когда задавали «неловкие» вопросы или когда восставали против всех догм и авторитетов, которые им навязывали.

Весьма серьезный анализ проводился в **социологической плоскости**. Многочисленные исследования показывали принятие со стороны большинства опрошенных возвращение «Закона Божиего» в государственные сербские школы. Переписи населения показывали, хотя бы формально, но вполне ясно, математически реально наличие абсолютно религиозно оформленной среды, с более чем 90% граждан, которые заявляют о конфессиональном самоопределении, а также с более чем 70% из числа опрошенных, которые в социологических исследованиях самоопределяются как верующие. Им гос-

ударство обязано гарантировать одно из основных прав человека – право на вероисповедание, а также на образование в соответствии с конфессиональным религиозным самоопределением. Таким образом, «Закон Божий» должен включиться в процесс интеграции общества, в силу чего, являясь частью образовательной системы, выполнить одну из важнейших социальных функций (Шијаковић, 2011). Таким образом, перед всеми участниками анализа проекта религиозного образования возник очень важный вопрос, как-то: какой вклад Церкви, а с ней и «Закона Божиего», может быть сделан в развитие современного сербского общества? Некоторым образом, перед нами вызов, состоящий в том, что успешность Церкви в транзитивном обществе, в незавершенном междупроцессе измеряется успехами «Закона Божиего». Нам представляется, что ни религиозные объединения, ни государство не были подготовлены к такому «соревнованию», отчего никто из них не доволен результатами. Поэтому возникает вопрос о сущности этого недопонимания. Важная часть ответа на этот вопрос кроется в анализе современного социального и религиозного контекста, в котором осуществляется конфессиональное образование.

Современный общественный и духовный контекст. Современный контекст общественной жизни в Сербии помечен понятием транзитивности, чьей ключевой характеристикой является неуверенность. Научно-технологическая цивилизация подняла на небывалую высоту мощь деятельности человека, но исключительно низко опустила порог предпосылок. Нет больше верных целей, деградация ценностей отождествляется с равнодушием по отношению к ним. Современная духовность, же, по сути индивидуалистична – субъект (индивид, одиночка) является носителем активности без посредства традиционных норм и предпосылок¹ (Dotolo, 2011). «В нестабильные времена верен лишь отход от традиций и традиционного, предмодерного общества, его (не всех) ценностей и понятий, что, в общей сущности

¹«При кризисе посредствования авторитетов и принципов традиции, значит, является конец

предмодерной системы обозначенной сознанием о постоянном взаимоотношении с трансценденцией, с божественной сущью».

вызывает серьезные последствия для нашей религиозности» (Крстић). Индивид, далее, измеряя собственным разумом, вооруженным знаниями, большое число возможностей на рынке «духовных предложений», свободно, но поверхностно выбирает тот товар, который наилучшим способом будет соответствовать его наиболее глубоким сиюминутным потребностям. Этим выбором субъект по *психологическим* predispositionам, по неустойчивым эмоциональным образцам, эклектически создает конструкцию своей коктейль-духовности. Так, консюмеризм питается синкретизмом, а все вместе облачается в личину счастья одиночки. «Сегодняшняя духовность не с той стороны повседневности, а на службе повседневности – поэтому понятно, что (именно, как и эта повседневность) она несет на себе консюмеристические признаки» (Dragun, 2008). Это конкретно означает, что ключевая предпосылка, которая была существенна и для политической, и для церковной сторон в Сербии, в момент, когда решался вопрос о введении «Закона Божиего», была ошибочной: христианство и христианский взгляд на мир не являются больше тем, что под этим подразумевается, особенно среди молодежи.

Совершенно ясно, что религиозные объединения, которые обращаются к слушателям «Закона Божиего», имеют перед собой новый тип человека, у которого преобладает потребительско-рыночная логика, который неспособен к встрече и диалогу с другими и который, порвав с традицией *vita contemplative* (Lakroa, 2001), утратил и ключ к пространству потустороннего. Все чаще упоминается «четвертый тип человека» (выражение, которое неоднократно употреблял итальянский социолог Джанфранко Морра) (Morra, 1996), тот, который, после человека эллинизма, христианства и модерна, отвернулся от трех своих предшественников. Его не интересует их наследие, он не желает ни их, ни чей-либо другой философии, религии или истории. Для него этот мир «монотонное и скучное место,

лишенное магичности» (синтагма Тейлора) мир на закате¹ (Vattimo, 1998). Оказалось, что труднее всего обратиться к такому человеку, потому что он нам неизвестен. Такая личность, находящаяся перед нами, не верит в «золотые средние века»: и политические, и церковные. Она предоставляет плохим богословам и еще более плохим политикам мечтать об идеальном прошлом, а сама движется в будущее.

Существовавшие до сих пор план и программа православного «Закона Божия» имели целью вести диалог с конкретными молодыми людьми, чтобы этот разговор был экзистенциально важным, и чтобы он касался жизни молодежи. Они исходили из имплицитного определения, что возврата к монолитному обществу или к религии больше не будет, а это приводило к выводу, что религиозный плюрализм тождествен с высшим вызовом переосмысления онтологического статуса всех религиозных объединений. Вместо борьбы с новым миром, «новым режимом» и вместо пустой ностальгии по прошлому, такая концепция «Закона Божиего» исследовала то, что плюрализм предлагает религиозным системам, принимая во внимание потребности молодых людей. Автор плана и программы ординарный профессор Богословского факультета в Белграде, епископ браничевский Игнатий (Мидич) считал, что «Закон Божий» должен вступить в борьбу с новой системой, а не закрываться в себе, в своей ложной уверенности или закрытом догматическом гетто. Учебникам, которые он писал, был присущ сократовский метод рождения истины, а не выступление с позиций утвержденных и застывших знаний. Диалогический вызов, соответственно, ставит христианство и мир перед задачей изменения, что отнюдь не чуждо христианству, если осознать Церковь как живое объединение, а не стерильный институт.

Таким образом, «Закон Божий» должен был бы являться существенным звеном в фор-

¹Синтагму «закат Запада» мы понимаем по определению итальянского философа Дж. Ваттимо, который считает идею, что истории присуще прогрессивное

направление, что ею руководит рациональная предпосылка, считает существенным признаком современности, но полагает, что идея эта рассредоточилась.

мировании ценностной, а не когнитивной системы, образованной, а не сформированной личности, выявлять сущность христианской катехизации, а именно – воспитание молодежи на основе важнейших социально-культурных ценностей. После пятнадцати лет реализации такого плана «Закона Божиего», носители церковного просвещения первоначальную программу отменили и заменили иной, более простой. Был сделан вывод, что современные кадры законоучителей не в состоянии реализовать такую требовательную программу. Но в новом плане и программе остается прежнее задание: попытаться привести в гармонию ценности современного общества с основными религиозными (христианскими) ценностями и показать, что мир и Церковь (религиозное объединение) находятся на общем пути к открытию Смысла. Если учитывать, что одно из значений чудного греческого слова «логос» именно «смысл», и что христианство этим именем называло Христа Спасителя, тогда методология церковного образования может прижиться в государственных школах.

Заключение (Conclusions). Об отношении христианства и современной духовности эффективно говорит богослов Иоганн-Баптист Мец (J.V. Metz): «Сейчас довольно часто можно услышать, что наше время «постхристианское время». Это бы было время, в котором христианство можно видеть лишь со спины, что у некоторых вызывает печаль, у других – ироничность, а, пожалуй, большинство остаются равнодушными. А я хотел говорить о времени – опять об том еще модерном, или постмодерном, но это пока оставим в покое и нерешенным – какому христианству смотреть в лицо, а

не в спину, если еще хотим говорить о способности в будущем людей и человечества. А это время – именно сейчас, это наше время» (Gibellini (ed.), 2006).

Это возможно, только если и Церковь готова посмотреть миру в глаза, войти с ним в личностное *отношение*, которое, как правило, актуализируется через диалог (Матича, 2013). Это труднее всего осуществить в период общественных и религиозных перемен, но ведь время, в котором мы будем жить, мы не выбрали сами. Кризисы крупных перемен – в то же самое время и время максимальных возможностей. Принятие другого, при всей его отличности, и формирование истины в процессе и действии – единственный возможный метод действий и катехизации, как в церковном, так и в государственном образовании.

Приложение

Таблица

Посещаемость «Закона Божиего»
в Епархии Браничевской СПЦ

Table

Religious education attendance
in the Branicevo eparchy of SPC

Учебный год	Процент учеников, изучающих Закон Божий		
	начальные школы	средние школы	ВСЕ школы
2010/2011	53,3	41,4	49,4
2011/2012	54,2	44,0	51,0
2012/2013	56,0	44,6	52,4
2013/2014	56,0	47,6	53,3
2014/2015	57,6	51,4	55,6
2015/2016	59,8	54,0	57,9
2016/2017	60,7	55,5	59,1

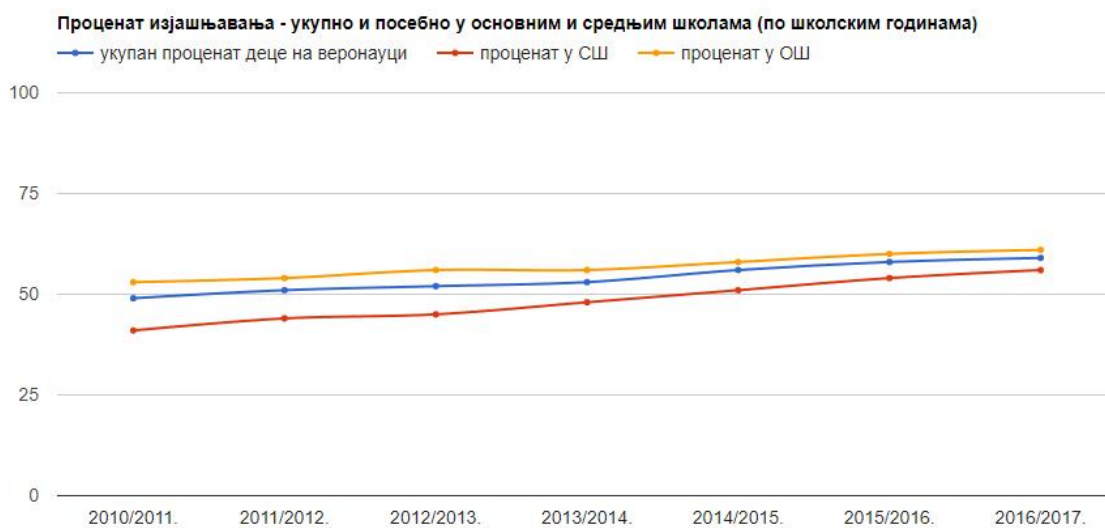

Рис. Процент принявших – в общем и отдельно в начальных и средних школах (по учебным годам)

- общий процент детей, изучающих Закон Божий;
- процент в начальных школах;
- процент в средних школах.

Fig. General and specific percentage of pupils by school year who attend religious education in elementary and high schools

Список литературы

1. Đorđević B. D. *Beg od crkve*. Knjaževac: Nota. 1984.
2. Blagojević M. *Religija i crkva u transformacijama društva*. Beograd: IFDT, Filip Višnjić, 2005.
3. Аврамовић С. Право на верску наставу у нашем и упоредном европском праву // *Анали Правног факултета у Београду*. 2005. Vol. 1. Pp. 46-64.
4. Шијаковић Б. Вјеронаука као култура и право, и Огледање у контексту. // *О знању и вјери, предању и идентитету, цркви и држави*. Београд: Службени гласник, 2011. Pp. 478-490.
5. Dotolo C. *Mogućće kršćanstvo. Između post-moderniteta i religioznog traganja*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, 2011. P. 23.
6. Крстић З. Веронаука у служби васпитања за вредности [Online]. URL: <http://veronauka.sabornost.org/zoran-krstic-veronauka-u-sluzbi-vaspitanja-za-vrednosti> (Accessed 25.5.2017).
7. Dragun M. *Konzumeristička obilježja današnje sinkretičko-eklektičke duhovnosti* // *Druš. Istraž.* Zagreb. 2008. Vol. 17, Pp. 1047-1068.
8. Lakroa M. *New Age. Ideologija novog doba*. Beograd: Clio, 2001. P. 65.

9. Morra G. *Il quarto uomo. Postmodernità o crisi della modernità?* Roma: Armando, 1996.
10. Vattimo G. *La filosofia e il tramonto dell'Occidente* // *Colloquium Philosophicum*. 19983. Pp. 197-209.
11. Gibellini R. (ed.) *Prospettive teologiche per il XXI secolo*. Brescia: Queriniana, 2006. P. 26.
12. Матича З. *Да истинујемо у љубави*. Званични богословски дијалог Православне и Римске Католичке Цркве. Пожаревац. 2013.

References

1. Dzordzevich, B. D. (1984), *Beg od crkve* [Escaping the Church], Nota, Knazevac, Serbia. (in Serbian).
2. Blagoevich, M. (2005), *Reliya i crkva u transformacijama drustva* [Religion and Church in transformations of society], Filip Visnich, Institut za filosofiju i drustvenu teoriyu, Beograd. (Institute for philosophy and social theory, Filip Visnic, Belgrade), Belgrade, Serbia. (in Serbian).
3. Avramovich, S. (2005), "Right to religious education in Serbian and comparative European law", *Anali pravnog fakulteta u Beogradu*, 1, 46-64, Belgrade, Serbia. (in Serbian).

4. Shiyakovich, B. (2011), *Vyeronauka kao kultura i pravo i ogledane u kontekstu. O znanu i vyeri, predanu i identitetu, crkvi i drzavi*, [Religious education as culture and right and Reflecting in context. On knowledge, faith, tradition and identity, church and state], *Sluzbeni glasnik*, Beograd, Serbia, 478-490. (in Serbian).

5. Dotolo, C. (2011), *Moguće krscanstvo. Između postmoderniteta i religioznog tragana* [Possible Christianity, Between postmodernity and religious seeking], *Krscanska sadasnost*, Zabreb, Serbia, 23. (in Serbian).

6. Krstich, Z., *Veronauka u sluzbi vaspitana za vrednosti* [Religious education in service of upbringing for values], [Online], available at: <http://veronauka.sabornost.org/zoran-krstic-veronauka-u-sluzbi-vaspitanja-za-vrednosti> (Accessed 25.5.2017). (in Serbian).

7. Dragun, M. (2008), “Consumerist features of today’s syncretic-eclectic spirituality”, *Drustvena istrazivanya*, 17, 1047-1068. (in Serbian).

8. Lakroa, M. (2001), *New Age. Ideologija novog doba* [New age. An ideology of the new era], *Clio*, Beograd, Serbia, 65. (in Serbian).

9. Morra, G. (1996), *Il quarto uomo. Postmodernità o crisi della modernità?* [The fourth man. Postmodernity or the crisis of modernity?], *Armando*, Roma, Serbia. (in Serbian).

10. Vattimo, G. (1998), “Philosophy and the decline of the West”, *Colloquium Philosophicum*, 3, 197-209. (in Serbian).

11. Gibellini, R. (ed.) (2006), *Prospettive teologiche per il XXI secolo* [Theological perspectives for the 21st century], *Queriniana*, Brescia, Serbia, 26. (in Serbian).

12. Matich, Z. (2013), *Da istinuyemo u ljubavi. Zvanicni bogoslovski diyalog Pravoslavne i Rimske Katolicke Crkve*, [To be truthful in love. Official theological dialogue of the Orthodox and Roman Catholic Church], *Pozarevac*, Serbia. (in Serbian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Благоевич Мирко, ведущий научный сотрудник Института общественных наук Белграда.

Матич Златко, доцент Православного богословского факультета Университета Белграда.

Mirko Blagojevic, senior research associate of the Institute of philosophy and social theory, Belgrade.

Zlatko Matic, associate professor, Orthodox theological faculty of the Serbian Orthodox Church, Belgrade.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.44

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-13-28

Епихина Ю. Б.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ
И ПЕРВОЕ МЕСТО РАБОТЫ

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
boddhi@yandex.ru

Аннотация. В отечественной социологии большое внимание уделяется проблематике трудоустройству молодежи. Как критический оценивается переход от получения образования к выходу на рынок труда и начало трудовой деятельности. При этом особенно акцентируется такой аспект, как соответствие квалификационных параметров рабочего места полученному образованию. Такой аспект представляется важным в свете консистентности двух социальных институтов – образования и рынка труда. Вместе с тем при изучении проблем трудоустройства молодежи зачастую упускаются такие структурные факторы, как параметры образовательной мобильности и позиция первого рабочего места в социально-профессиональной структуре общества. В статье анализируется взаимосвязь указанных факторов: каким образом взаимосвязаны образовательная мобильность, понимаемая как изменение образовательного статуса в сравнении с родительским, и социально-профессиональный статус первого рабочего места. Выдвигается гипотеза о том, что восходящая образовательная мобильность связана с высокими статусными позициями в профессиональной структуре. Анализ проводится на данных исследования «Социальные различия современного российского общества», полученных на основе репрезентативной общероссийской выборки объемом 5335 респондентов, в разрезе 4 поколений. Статья состоит из трех частей: в начале дается обзор исследований образовательной мобильности и проблематики трудоустройства молодежи преимущественно в отечественной социологии, затем излагаются результаты анализа; третья часть посвящена выводам.

Ключевые слова: социальная мобильность; образовательная мобильность; профессиональная мобильность; трудовая мобильность; рынок труда; первое рабочее место; трудоустройство; когортный анализ.

Благодарность. Статья написана в рамках работы по проекту «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории», грант РНФ № 14-28-00217.

Yulia B. Epikhina

EDUCATIONAL MOBILITY
AND THE FIRST JOB

State Academic University for the Humanities,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
boddhi@yandex.ru

Abstract. The Russian sociology provides extensive coverage of youth employment problems. The transition from an educational institution to the labor market and the start of the work career is

regarded as critically important. The correspondence between workplace skills and education is emphasized as have special relevance to mobility issues. This is viewed as important in view of the correspondence of two basic social institutions – education and labor market. However, in the studies dedicated to youth employment there are lacunae related to structural changes such as parameters of social mobility in relation to the first job position in the socio-professional structure. The article analyzes the interrelation of the given factors. It deals with a linkage between educational mobility viewed as a change of educational status in comparison with parental level and the occupational status of the first job. It is hypothesized that upward educational mobility is related to high parental status positions in the occupational status. The analysis uses the data obtained in the study «Social distinctions in modern Russia» based on a representative sample of 5335 respondents. The sample is divided into 4 generations. The article consists of three parts. The first one provides a summary of the studies of social mobility and youth employment in Russian sociology. Then it concentrates on the analysis of available data. In the third part it contains speculation and conclusions.

Keywords: social mobility; education mobility; occupational mobility; workplace mobility; labor market; first job; employment; cohort analysis.

Acknowledgements. The article is based on the data generated in the project «Transgenerational social mobility from XX to XXI century: Four generations in Russian history», grant of RSF No. 14-28-00217.

Введение (Introduction). В название статьи вынесены два понятия, ключевых для структурных исследований. Образовательная мобильность, понимаемая как изменение образовательного статуса, по популярности уступает исследованиям неравенства как социально обусловленных различий в доступе к разным видам образования и образовательным ресурсам. Иначе говоря, в современных исследованиях социальной структуры больше внимания уделяется не столько изменениям образовательного статуса, сколько наследуемой совокупности неравенств в сфере образования. Даже в тех работах, где заявлен анализ образовательной мобильности, исследовательский фокус сосредоточен на оценке шансов на получение образования в зависимости от уровня образования родителей (Roshchina Y, 2012).

В российской социологии очень популярна тема трудоустройства молодежи, но при этом, за редким исключением, не рассматриваются параметры первого рабочего места. Трудоустройство молодежи изучается как один из аспектов перехода от получения образования к профессиональной деятельности.

В предлагаемой статье делается попытка проанализировать структурные характеристики первого рабочего места в зависимости от параметров образовательной мобильности. Статья состоит из трех частей: в начале дается

обзор исследований образовательной мобильности и проблематики трудоустройства молодежи преимущественно в отечественной социологии, затем излагаются результаты анализа, проведенного на данных исследования «Социальные различия в современном российском обществе»; третья часть посвящена выводам.

Методология и методы (Methodology and methods). *Исследования образовательной мобильности.* Под образовательной мобильностью понимается любое изменение образовательного статуса либо социальным субъектом, либо социальной группой. В том случае, если изменение образовательного статуса наблюдается относительно предшествующего поколения (условного «поколения родителей») речь идет о межпоколенной образовательной мобильности. Изменение образовательного статуса относительно разных временных точек (периодов) одного и того же поколения принято называть внутривоколенной образовательной мобильностью.

Как сказано выше, исследования собственно образовательной мобильности в отечественной социологии немногочисленны. Как правило, они проводятся на локальных выборках, либо образовательная мобильность анализируется в рамках более обширного сюжета – социальной мобильности.

Примером первой группы может служить исследование Ч. И. Ильдархановой (Ильдарханова, 2013), в котором изучаются образовательные достижения членов сельских семей, проживающих в республике Татарстан, на протяжении трех поколений: старшего поколения, или «прародителей» (условно «бабушки и дедушки» 1942-1951 гг. рождения), «родителей» (1968-1977 гг. рождения) и «старшекласников» (1997 г.р.). Объем выборки составил 900 респондентов. Вывод о восходящей образовательной мобильности делается на основе изменения доли лиц в конкретной поколенческой группе, получивших образовательный статус. Так, например, от поколения «прародителей» к поколению «старшекласников» доля лиц, получивших только начальное образование, уменьшилась на 55 п.п. (Ильдарханова, 2013: 79). В каждом из поколений увеличивалась доля сельских жителей, получивших среднее специальное образование: в поколении «прародителей» таковых было 8,6%, в поколении «родителей» – 36,0%, в поколении «старшекласников» – 59,3%. В данном исследовании под образовательной мобильностью понимается межпоколенное изменение образовательного статуса локальной общности, рассматриваемой как единое целое.

В. М. Барсебян провел сравнительный анализ показателей образовательной мобильности на данных двух исследований: во-первых, собственного исследования политических активистов, опрошенных в ходе работы лагеря «Селигер-2013», и исследования ИС РАН, осуществленного на основе общероссийской выборки объемом в 1600 респондентов (Барсебян, 2014). В данном исследовании образовательная мобильность понимается как изменение образовательного статуса социального субъекта относительно родительского. Согласно результатам анализа, в целевой выборке политических активистов наблюдаются более высокие значения образовательной мобильности, чем в общероссийской молодежной группе (коэффициент чистой мобильности составил соответственно 8,45 и 2,65) (Барсебян, 2014: 172).

Моделирование факторов, приводящих к межпоколенной образовательной мобильности, привело к различиям в получаемых результатах. В группе политических активистов, в число факторов, значимых для межпоколенной образовательной мобильности вошли такие показатели как уровень образования матери (чем ниже уровень образования матери, тем выше вероятность того, что уровень образования респондента будет выше, чем родительский) и тип населенного пункта. Согласно данным упомянутого исследования, в группе молодых россиян вероятность межпоколенной образовательной мобильности также зависит от уровня образования матери. При этом в числе значимых переменных оказался пол респондента, а незначимых – тип населенного пункта, но значим пол респондента (Барсебян, 2014: 173).

Л. А. Беляева (Беляева, 2011) рассматривает особенности образовательной мобильности в России в числе факторов, определяющих воспроизводство культурного капитала. Анализировались данные Европейского социального исследования (ESS) по России за 2008 г. Л. А. Беляева делает следующие выводы относительно тенденций межпоколенной образовательной мобильности. Во-первых, наиболее высокие показатели восходящей межпоколенной мобильности наблюдаются в группах родителей, имеющих низкий образовательный статус (соответствует незаконченному среднему образованию либо отсутствию образования): «Если в поколении родителей более 40% имели незаконченное среднее образование или совсем не учились, то в поколении детей такой уровень образования только у 16%» (Беляева, 2011: 10). Во-вторых, в России наиболее высокий уровень воспроизводства наблюдается на уровне среднеспециального образования: «По данным ESS-2008 наиболее часто наследуемое образование в нашей стране – среднее специальное, а это значит, что *слои людей средней квалификации в России практически воспроизводятся*» (Беляева, 2011: 11).

Следует отметить, что вывод, сделанный Л. А. Беляевой относительно воспроизводства среднеспециального образования, согласуется

с приводимыми В. М. Барсегяном таблицами образовательной мобильности, рассчитанными по данным общероссийского опроса для молодежной подвыборки. Согласно таблицам образовательной мобильности, на долю воспроизводства в группе респондентов со среднеспециальным образованием приходится 45,7%, в группе с высшим образованием – 33,1%.

Вторая группа публикаций рассматривает образовательную как часть социальной мобильности. В этих публикациях делаются ссылки на следующие исследования. В исследовании М.Н. Реутовой показатели социальной мобильности (профессиональной и образовательной) анализируются на данных квотной выборки объемом в 350 респондентов. Объем выборки наложил определенные ограничения и не позволил автору провести когортный анализ. Межпоколенная социальная мобильность рассматривается как сравнение статусов «родителей» и «детей». И хотя объект исследования и обозначен как «молодежь», в исследовании отсутствует его предметное описание (интервалы). Не известно, каковы возрастные рамки, в которых отбирались респонденты, неясно, каков был возраст родителей, по отношению к которым производилось сравнение профессиональных и образовательных статусов. Согласно данным М. Н. Реутовой, общая образовательная мобильность составила 0,53 (Реутова, 2004: 140), восходящая – 0,38, нисходящая – 0,15, нулевая (воспроизводство) – 0,47. Согласно приводимым в статье данным, профессиональная мобильность опережает образовательную: общий показатель профессиональной мобильности равен 0,60.

В статье М. Н. Реутовой анализируются, кроме того, направления образовательной мобильности: наиболее интенсивны перемещения в группы с высшим и средним специальным образованием: «При этом степень самовоспроизводства указанной группы весьма велика, особенно по линии «отец-сын». Так, 48,6% сыновей специалистов со средним специальным образованием получают такой же образовательный статус. Аналогичный пока-

затель в группе специалистов с высшим образованием составляет 63,1%». (Реутова, 2004: 142). Реутова делает вывод о том, что стартовые позиции, измеряемые по уровню образования родителей, определяют возможности восходящей мобильности. Невысокий уровень образования родителей сдерживает восходящую мобильность до определенного уровня: «Сыновья отцов с неполным средним образованием в основном получают среднее образование (42,8%), но их нет среди окончивших вузы» (Реутова, 2004: 142).

Образовательную мобильность как аспект социальной мобильности рассматривает М. А. Буланова на основе данных, полученных по Хабаровскому краю. Проводя анализ показателей образовательной мобильности, М. А. Буланова приходит к выводам, схожим с выводами М.Н. Реутовой: общий показатель интенсивности образовательной мобильности находится в диапазоне 48-52% (соответственно по линиям «отец-сын», «мать-дочь») (Буланова, 2011: 211). Наиболее интенсивные перемещения наблюдаются на уровень высшего образования. При этом сама группа с высшим образованием обладает достаточно высокими показателями воспроизводства (Буланова, 2011: 211).

Г. А. Ястребов (Ястребов, 2016а; Ястребов, 2016b) наряду с общими показателями приводит также результаты логлинейного анализа данных по образовательной мобильности. Общая оценка и логлинейный анализ проводятся на данных представительных опросов (1994-2013) в разрезе трех поколений. Прежде всего, по оценке Г. А. Ястребова, образовательная мобильность демонстрирует тенденцию к стабильности. В постсоветский период шансы на восходящую и нисходящую образовательную мобильность уравнились (Ястребов, 2016а). Делается вывод о том, что вероятность повышения образовательного статуса в сравнении с родительским была выше в советское время, чем в постсоветское.

Таким образом, исследования образовательной мобильности в отечественной социологии представляют собой пестрое исследовательское поле, в котором широко используются как небольшие локальные выборки, так и

масштабные общероссийские опросы. Исследовательский фокус сосредоточен на определении общих показателей мобильности, ее направлений, выявлении групп, характеризующих наиболее высокими показателями воспроизводства (закрытости).

Первое рабочее место в структурных исследованиях. Первое рабочее место, фиксируя начало трудовой деятельности, равнозначно первичному выходу на рынок труда. В исследованиях мобильности первого поколения (Ganzeboom, Treiman, 1991) первое рабочее место рассматривалось как наиболее важный предиктор последующей трудовой карьеры (Lipset and Malm, 1955: 247). До исследования П. Блау и О. Данкана (Blau and Duncan, 1967) считалось, что первая работа обусловлена двумя переменными социального происхождения – уровнем образования и профессиональным статусом отца (Lipset and Malm 1955: 252).

Первое рабочее место стало одной из структурных переменных в модели достигнутого статуса, разработанной П. Блау и О. Данканом (Blau and Duncan, 1967). Модель П. Блау и О. Данкана представляет собой путевой анализ (path-analysis) социально-экономического жизненного цикла индивида, в котором каузальная последовательность начинается с позиции, занимаемой семьей индивида в стратификационной системе, и измеряемой по уровню образования и роду деятельности отца. Далее она концентрируется на двух поведенческих переменных, характеризующих уровень образования индивида и уровень престижа его первой работы, а конечной точкой модели стала престижность работы индивида в 1962 г.

В отечественных структурных исследованиях первое рабочее место обычно не рассматривается как значимая, самостоятельная часть социально-профессиональной траектории. Как показывает анализ литературы, отчасти это связано с пониманием первого рабочего места как случайного, незначущего, «проходного» этапа профессиональной карьеры. Анализ первичного трудоустройства и его влияния на последующую мобильность можно

встретить в немногих публикациях. Например, в исследовании Ю. С. Панфиловой по Ростовской области показано, что характеристики первичного трудоустройства имеют значение для последующей мобильности. В частности, имеет значение, в каком именно сегменте экономики была начата профессиональная деятельность: «66,8% повысивших социально-профессиональный статус по сравнению с родителями начали трудовой путь в первичном секторе, характеризующемся более стабильной занятостью, широкими социальными гарантиями и возможностями карьерного роста» (Панфилова, 2017: 252).

В определенной степени подобная исследовательская ситуация связана с тем, что в отечественной социологии сложилась собственная традиция изучения проблем первичного трудоустройства молодежи. Прежде всего, рассмотрению подлежит проблема консистентности двух институтов – образования и рынка труда; изучается вопрос о соответствии полученной в учебном заведении специальности или квалификации содержанию выполняемой работы. В основе подобного исследовательского интереса лежит представление о наличии такой социальной проблемы, как трудоустройство по специальности. Результаты подобных исследований становятся основой для суждения об эффективности институтов системы образования, которая тем выше, чем ближе к 100% соответствие трудоустройства выпускников профилю образования.

Подобное представление о взаимосвязи института образования и рынка труда сложилось в советское время. Связь производства, трудовой деятельности и учебных заведений была заложена еще в самой концепции трудовой школы, принятой на заре становления советской системы образования, и затем подтверждалась с каждой реформой образовательной системы (Социальная политика в России и Китае, 2016: 180-209). В постсоветском обществоведении концепция связи двух институтов – рынка труда и образования – трансформировалась в концепцию дисбаланса и избыточности российских образовательных ресурсов.

Одним из аспектов подобного изучения взаимосвязи двух институтов стали исследования мобильности молодежи, в которых можно выделить, по крайней мере, три частично пересекающихся направления исследований.

Во-первых, это исследования **социальной мобильности молодежи**. Например, В. М. Дьяконовой (Дьяконова, 2007) было проведено исследование социально-экономической мобильности молодежи, по г. Петрозаводску в 2002 г. Опрос проводился среди 208 городских домохозяйств, было опрошено 666 респондентов, из которых была отобрана молодежь в возрасте 15-30 лет. Объем молодежной подвыборки составил 219 респондентов. Методом факторизации на основе 4 видов показателей, относящихся к социально-демографическому блоку, сфере занятости, трудовой мобильности и безработице была построена типология социально-экономической мобильности. В. М. Дьяконовой удалось обнаружить 6 типов социально-экономической мобильности, различающихся по экономической активности, а также интенсивности трудовой мобильности, под которой понимается смена места работы или специальности.

В исследовании пензенских социологов, проведенном в 2005-2006 гг. среди учащихся учебных заведений разного типа, социальная мобильность рассматривалась как одна из форм социальной активности индивидов (Буккин, Мананникова: 205) и представляла собой совокупность показателей, прежде всего мотивационного характера (планы по трудоустройству, интерес к учебе и др.). На основе полученных данных авторы исследования выделили четыре вида мобильности, которые, по сути, представляли собой интегральный мотивационный индекс: прогрессивную вертикальную мобильность, свойственную тем учащимся, которые стремились к повышению статуса, в том числе и образовательного, мотивирующую на трудоустройство по специальности; транслирующую вертикальную мобильность, при которой студенты стремятся получить образование и трудоустроиться по специальности, но не имеют мотивации в дальнейшем повышении социального статуса;

неустойчивую (затрудненную) социальную мобильность, которая характеризует студентов, не проявляющих интереса ни к учебе, ни к трудоустройству по специальности и не имеющих определенных планов на будущее; регрессивную социальную мобильность, которой свойственно отсутствие интереса к учебе, мотивации к достижению социального статуса и планов на будущее.

Помимо социальной мобильности молодежи, существует направление, изучающее **профессиональную мобильность молодежи**. Под профессиональной мобильностью понимается не столько изменение профессионального статуса в ходе трудовой деятельности, сколько соответствие полученной квалификации содержанию работы. При этом за точку отсчета принимается полученный уровень квалификации. Соответственно, под нисходящей профессиональной мобильностью понимается ситуация, при которой имеющаяся квалификация ниже, чем содержание выполняемой работы либо квалификационные условия занимаемой должности (Реутова, 2008: 191). Восходящая профессиональная мобильность интерпретируется как ситуация, при которой наблюдается повышение квалификации и усложнение выполняемых задач.

Под профессиональной мобильностью может также пониматься изменение структурных характеристик – «уровня оплаты труда, удовлетворенности различными сторонами жизни, связанными с профессиональной сферой» (Довготько, Михеева, 2008: 63). Профессиональная мобильность при этом может рассматриваться предельно широко – как любое изменение характеристик рабочего места (квалификации, должностной позиции): «Профессиональная мобильность молодых людей проявляется в изменении профессии или переквалификации в рамках имеющейся специальности, реализации служебной карьеры (карьерный рост, служебное продвижение), повышении квалификации, получении более высоких разрядов и других» (Реутова, 2008: 188). В рамках такого подхода при определении направления профессиональной мобильности (восходящей или нисходящей) учитывается не

только соответствие полученной квалификации или специальности выполняемой работе, но и удовлетворенность работой. Например, на основе данных всесоюзного опроса, согласно которым 46,6% опрошенных работали не по специальности и в числе причин, повлекших смену рабочего места, указывали неудовлетворенность работой, низкую оплату труда по специальности, М. Н. Реутова делает вывод о нисходящей профессиональной мобильности, свойственной «значительной части молодых людей 1980-х гг.» (Реутова, 2008: 192).

И третье направление изучает **трудо­вую** или **социально-трудо­вую мобильность** молодежи. Причем, данное понятие не имеет устойчивого определения. Часть авторов под трудовой мобильностью понимают «совокупность взаимодействий по поводу расстановки, перестановки и высвобождения рабочей силы, обеспечения соответствия рабочей силы изменяющимся требованиям развития производительных сил» (Потуданская, Новикова, Цыганкова, 2009: 93). В проведенном исследовании на основе выборки в 1226 респондентов, занятых на 5 промышленных предприятиях, частью трудовой мобильности оказывается межпрофессиональная мобильность. Вывод о ее достаточно высоком уровне делается на основе данных о доле респондентов, имевших опыт смены работы, а также о доле респондентов, работающих по специальности и сменивших специальность. Фактором, оказывающим влияние на смену работы, выступает уровень образования: чем он выше, тем меньше доля респондентов, сменивших место работы (Потуданская, Новикова, Цыганкова, 2009: 95). Обсуждаемое исследование позволило выявить не только разную степень интенсивности перемещений, но и различия в их оценках, которые давали молодые работники, получившие дипломы разного уровня. Так, оценка изменений, даваемая выпускниками вузов, была более оптимистичной, чем в группе выпускников средних специальных учебных заведений или учреждений начального профессионального образования.

Под трудовой мобильностью молодежи подчас понимается ее миграция (Попов, 2014: 54). Трудовая мобильность интерпретируется

как подвижность рабочей силы в целом; своего рода текучесть кадров на предприятии, изменение его состава, прием и увольнение, их причины становятся предметом исследования при таком прочтении трудовой мобильности (Кабалина, 1999).

Ряд исследователей занимается изучением социально-трудо­вой мобильности молодежи, определяемой как «процесс изменения молодежью своей социальной и трудовой позиции в структуре общества» (Иванова, 2016: 247). Понятие социально-трудо­вой мобильности используется как комплексная характеристика для интерпретации данных, полученных при опросе студенческой молодежи с целью выяснить ее мотивационные установки на построение карьеры, получение образования и пр. (Логинов, 2015).

Предложенный анализ литературы по проблематике статьи позволяет сделать следующие *выводы*. Образовательная мобильность изучается реже других видов мобильности как в зарубежной, так и в отечественной социологии, в которой исследования образовательной мобильности ведутся либо в рамках более общего сюжета социальной мобильности, либо имеют локальный характер.

В отечественной социологии существует направление исследований мобильности, объектом которых выступает преимущественно молодежь. При этом в фокусе исследовательского внимания оказываются изменения в профессиональной траектории молодого поколения, связь содержания работы с полученным образованием, мотивационные установки. Несмотря на относительное сходство, предмет исследования может обозначаться как профессиональная, трудовая или социально-трудо­вая мобильность. Тем не менее, анализ литературы позволяет заключить, что речь идет об одном и том же комплексе исследовательских проблем, связанных, с одной стороны, с консистентностью двух социальных институтов – образования и рынка труда, с другой – с трудоустройством молодежи и сменой ею места работы. При этом в большинстве случаев речь идет о внутр поколенной профессиональной мобильности. В отличие от

зарубежной социологии, в которой первое место работы выступает как один из параметров, ключевых пунктов в исследованиях мобильности, в отечественной социологии данная точка карьерной траектории не составила самостоятельного предмета изучения.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы выяснить взаимосвязь образовательной мобильности с первым рабочим местом. Как было показано выше, в отечественной социологии активно исследуется тема перехода от получения образования к трудовой деятельности. В таких исследованиях предпринимаются попытки выяснить роль образования в трудоустройстве, согласованность получаемого образования и будущей профессии, значение мотивации и образовательных ценностей и др. В данной статье рассматривается устройство на первое рабочее место не с точки зрения полученного образования, его содержательных характеристик, а с точки зрения образовательного статуса, прежде всего, как структурной характеристики. Иначе говоря, мы предполагаем, что место в профессиональной структуре, определяемое по первому рабочему месту, зависит не просто от полученного образовательного статуса, но и качественной характеристики в сравнении с родительским. Соответственно, изменение образовательного статуса в сравнении с родительским, оборачивается социальным преимуществом или отсутствием такового, что сказывается на результатах трудоустройства. Речь идет не столько об институциональной консистентности, сколько о конвертации двух структур – образовательной и профессиональной – при этом, предполагается, что приобретенное преимущество в одной из них приводит к получению преимуществ в другой.

В связи с этим, мы предполагаем, во-первых, что параметры образовательной мобильности определенным образом сказываются на характеристиках первого рабочего места. А именно группа с восходящей образовательной мобильностью или «нулевой» мобильностью (воспроизводством) занимает более высокую статусную позицию по первому рабочему месту, чем группа с нисходящей образователь-

ной мобильностью. Иначе говоря, более выгодные начальные позиции в профессиональной траектории обусловлены, в том числе, и характером образовательной мобильности. Во-вторых, мы предполагаем наличие значимых когортных различий, как в самом трудоустройстве на первое рабочее место, так и во взаимосвязи образовательной мобильности и характеристик первого рабочего места.

Эмпирическую базу анализа составили данные исследования «Социальные различия в современной России», проведенного на базе опроса российского населения по случайной стратифицированной выборке, объем которой составил 5335 респондентов 1939-1997 г.р.

Массив данных, полученный в исследовании «был поделен на 4 когортные группы: 1939-1960 г.р. (доля в массиве – 24,2%), 1961-1974 г.р. (25,9%), 1975-1984 г.р. (19,1%) и 1985-1997 г.р. (30,8%).

Научные результаты и дискуссия. (Research Results and Discussion). *Средний возраст начала трудовой деятельности и средняя продолжительность обучения.* Согласно данным исследования, средний возраст начала трудовой деятельности, устройства на первое рабочее место составляет 19,5 лет. Причем, наблюдаются когортные различия по возрасту начала трудовой деятельности. Так, наиболее ранним вступлением в трудовую жизнь характеризуется самая старшая когорта (1939-1960 г.р.), начавшая работать в среднем в 19,2 года. Позже всех – в среднем в 19,9 лет – на рынок труда вышла когорта 1974-1985 г.р. Две когорты – 1961-1974 и 1985-1997 г.р. – значимо не различаются по среднему возрасту начала трудовой деятельности (соответственно 19,6 и 19,5 лет). Подобные различия в среднем возрасте выхода на рынок труда связаны, в первую очередь, с изменениями, касающимися института образования, а именно образовательной экспансией, выражающейся в максимальном охвате населения различными уровнями образования и увеличении продолжительности обучения.

Согласно данным исследования, наименьшая средняя продолжительность обучения – 12,8 лет – характерна для самой старшей ко-

горты (1939-1960 г.р.), наибольшая – для когорты 1975-1984 г.р., для которой она составила 14,2 года. Когорта 1961-1974 г.р. обучалась в среднем 13,5 лет, когорта 1985-1997 г.р. – 13,8. Указанные различия в средних статистически значимы (однофакторный дисперсионный анализ, $F = 43,040$ при уровне значимости 0,000). Необходимо отметить, что более короткий период обучения, характерный для когорты 1985-1997 г.р., связан с особенностями выборки, которая включает в себя в том

числе и молодых респондентов, еще не окончивших свое обучение либо окончивших только один из его этапов (полную среднюю школу). Коэффициент корреляции Пирсона для двух показателей – возраста начала устройства на первое рабочее место и продолжительностью обучения – составляет 0,242 (при уровне значимости 0,000).

Первое рабочее место. Вопрос о профессиональной деятельности задавался в открытой форме и кодировался по ISCO-08 (табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Социально-профессиональные позиции первого рабочего места по когортам и по массиву в целом (% от числа ответивших)
Social occupational position of first job by cohorts and array as a whole (% of respondents)

Профессиональные группы (ISCO-08)	Поколения				Всего
	1939-1960	1961-1974	1975-1984	1985-1997	
Руководители	2,0	2,3	2,1	1,0	1,9
Профессионалы	13,9	14,9	13,9	10,2	13,3
Специалисты	12,0	12,8	11,6	14,4	12,7
Служащие	9,1	9,8	9,5	8,8	9,3
Рабочие в сфере обслуживания	8,3	13,1	22,3	28,4	17,4
Фермеры и др.	0,2	0,4	0,3	0,2	0,3
Рабочие ручного труда	25,6	22,7	18,6	16,3	21,0
Рабочие индустриального труда	16,8	13,5	10,0	7,6	12,2
Неквалифицированные рабочие	12,1	10,5	11,6	13,2	11,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

На основе данных, представленных в табл. 1, профессиональные позиции первого рабочего места, можно подразделить на три группы: во-первых, это профессиональные позиции, по которым не наблюдается значимых когортных изменений: это «специалисты», «служащие» и «неквалифицированные рабочие». Доли молодежи, начавшей трудовую деятельность с указанных позиций, значимо не различаются по когортам. Во-вторых, профессиональные позиции, по которым наблюдается резкое снижение доли молодежи, выбравшей именно такое начало трудовой деятельности. К ним относятся «профессионалы», а также рабочие – как ручного, так и индустриального труда. Если в когортах 1939-1960 г.р.

и 1961-1974 г.р. доля устроившихся на первое рабочее место рабочими ручного труда составляет 25,7 и 22,7% соответственно, то в более молодых когортах доля таковых – 18,6 и 16,3% (соответственно для когорт 1975-1984 г.р. и 1985-1997 г.р.). В-третьих, профессиональные позиции, по которым наблюдается резкое увеличение доли выбравших подобное рабочее место в качестве первого трудоустройства. Прежде всего, это «рабочие сферы обслуживания». Если в самой старшей когорте 1939-1960 г.р. доля работавших в качестве рабочих в сфере обслуживания насчитывает 8,3%, то в самой младшей (1985-1997 г.р.) таковых 28,4%.

Отмеченные различия связаны со структурными изменениями в экономике и изменением параметров занятости молодежи по ее отраслям. В конце 1980-х гг. в реальном секторе экономики было занято почти $\frac{3}{4}$ работающей молодежи (Реутова, 2008: 190). В результате начавшегося в 1990-е гг. оттока молодежи из сферы материального производства ее доля в данном секторе экономики сократилась до 41,4%, по данным 2002 г. (Реутова, 2008: 190). К 2009 г. этот показатель еще более сократился и составил 32,9%¹. Наряду с этим увеличивалась доля работающей молодежи в сфере нематериального производства (в финансово-банковской сфере, оказании услуг, сфере посреднической деятельности, торговле: в 2002 г. – 20,9% (Реутова, 2008: 190). М.Г. Бурлуцкая также связывает интенсификацию межпоколенной социально-профессиональной мобильности «поколения тридцатилетних» в 1990-е гг. с реструктуризацией эко-

номики, приведшей к увеличению доли занятых в сфере торговли и услуг при одновременном сокращении доли занятых в реальном секторе экономики (Бурлуцкая, 2000: 309). Оценку масштабных изменений в структуре рабочих мест в период с 1991 по 2015 г. дает Н.Е. Тихонова, по оценке которой резко сократилась численность рабочих мест: «с 73,8 млн в 1991 г. до 64,5 млн к февралю 2015 г., при 1,2 млн вакантных рабочих мест» (Тихонова, 2015: 22). При этом в промышленности число рабочих мест уменьшилось более чем в два раза, в строительстве – в 1,6 раза, в сельском хозяйстве – в 1,5 раза. «Основной же прирост рабочих мест пришелся на торговлю и сферу бытового обслуживания, занятость в которых выросла с 5,6 млн в 1991 г. до 12,3 млн в 2012 г.» (Тихонова, 2015: 22).

Способы трудоустройства. В табл. 2 приведены данные о способах трудоустройства на первое рабочее место.

Таблица 2

Распределение ответов представителей разных когорт на вопрос о способе трудоустройства на первое рабочее место (%)

Table 2

Cohort distribution of respondents' answers to the question about the way of employment on the first job (%)

Способы устройства на первое рабочее место	Поколения				Всего
	1939-1960	1961-1974	1975-1984	1985–1997	
С помощью друзей или родственников	29,5	33,0	45,2	42,7	36,9
По направлению вуза, училища	29,7	27,4	10,6	7,3	19,7
Самостоятельно предлагал свои услуги разным организациям	18,2	17,0	16,6	17,3	17,3
Ответил на объявление предприятия	6,0	7,2	7,5	8,3	7,2
Меня нашел сам работодатель	3,7	4,7	4,9	3,9	4,3
Ответил на объявление в газете	2,3	2,5	5,4	5,7	3,8
Нашел через агентство по трудоустройству	2,1	2,8	2,8	3,6	2,8
Через Интернет	0,1	0,3	2,4	7,9	2,5
Создал это рабочее место сам	1,9	1,0	1,4	1,6	1,5
Другое	3,1	2,8	1,9	1,6	2,4
Сейчас не помню	4,2	2,8	3,2	2,0	3,0
Всего	100,8	101,3	101,9	102,0	101,5

¹ Рассчитано автором по: Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ. «Статистика России», 2010. С. 109. URL:

http://www.gks.ru/free_doc/doc_2011/МО-LODEG_RUS_2010.pdf (дата обращения: 27.11.2017 г.).

Во всех четырех когортах основные способы трудоустройства, к которым наиболее часто прибегали респонденты, связаны с получением поддержки – семьи или учебного заведения. Самостоятельный поиск работы является третьим по популярности. Так, в старших когортах (1939-1960 и 1961-1974 г.р.) доля тех, кто при первичном трудоустройстве воспользовался помощью семьи, и доля трудоустроившихся по направлению от учебного заведения примерно равны и составляют около трети. В младших когортах основная роль в получении первого учебного отводится семье и неформальным связям: доля тех, кто трудоустроился

с помощью семьи или родственников превышает 40%. При этом резко снижается роль институтов образования в первичном трудоустройстве.

Вертикальная образовательная мобильность и первое рабочее место. Рассмотрим, каким образом связаны образовательная мобильность и первое рабочее место. В таблице 3 представлено распределение социально-профессиональной позиции первого рабочего места в зависимости от типа мобильности. При этом указаны данные, касающиеся двух «крайних» когорт – самой старшей и самой младшей.

Таблица 3

Социально-профессиональная позиция первого рабочего места в зависимости от типа мобильности (% от числа ответивших)

Table 3

Social occupational position of first job depending on the type of mobility (% of respondents)

Профессиональные группы (ISCO-08)	Поколение 1939-1960			Поколение 1985-1997		
	Мобильность			Мобильность		
	Нисходящая	Воспроизводство	Восходящая	Нисходящая	Воспроизводство	Восходящая
Руководители	1,8	2,1	2,0	0,4	1,1	1,3
Профессионалы	5,3	16,8	14,6	3,4	12,4	12,2
Специалисты	10,6	11,4	12,8	9,0	15,6	17,1
Служащие	9,7	5,7	10,3	8,1	7,4	9,6
Рабочие в сфере обслуживания	8,8	10,4	7,8	32,9	26,4	27,8
Фермеры и др.	0,9	0,4	0,1	0,0	0,0	0,2
Рабочие ручного труда	28,3	20,0	26,6	17,1	17,2	15,4
Рабочие индустриального труда	18,6	16,4	16,0	9,8	7,7	6,5
Неквалифицированные рабочие	15,9	16,8	9,8	19,2	12,4	9,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Представленные в таблице данные позволяют сделать несколько выводов, касающихся как сходства, так и различий, свойственных первичному трудоустройству двух когорт. Образовательная мобильность оказывается важной для первичного трудоустройства не во всех случаях. Можно говорить, по крайней мере, о двух профессиональных позициях, для которых различия в образовательной мобильности оказываются существенными: это две крайние позиции «профессиональной шкалы»

ISCO-08, в основе которых заложены квалификационные характеристики, – профессионалы (самый высокий квалификационный уровень) и неквалифицированные рабочие (самый низкий квалификационный уровень). При этом можно наблюдать схожие тенденции, присущие как самой старшей когорте, так и самой младшей. Как следует из данных, представленных в табл. 3, для двух когорт в равной степени характерна ситуация, при которой трудоустройство по первому рабочему

месту на позицию «профессионала» сопряжено главным образом с восходящей образовательной мобильностью или воспроизводством образовательного статуса. Иначе говоря, первое рабочее место, сопряженное с высокими квалификационными требованиями, связано с сохранением или улучшением образовательного статуса. На противоположном «полюсе» находится позиция «неквалифицированный рабочий», не предполагающая квалификационных требований. Попадание на данную позицию в качестве первого рабочего места сопряжено как с воспроизводством, так и со снижением образовательного статуса. Таким образом, в двух когортах наиболее чувствительными к типу образовательной мобильности оказались те социально-профессиональные позиции, основу которых составляет квалификационный ресурс.

Когортные различия касаются таких профессиональных позиций, как «рабочие ручного труда», «специалисты» и «рабочие в сфере обслуживания». В старшей когорте основная доля первичного трудоустройства приходилась на позицию «рабочий ручного труда». При этом, как следует из табл. 3, тру-

доустройство на эту позицию было чаще связано с образовательной мобильностью (как восходящей, так и нисходящей), чем с воспроизводством. Эта связь «рабочего» трудоустройства с образовательной мобильностью исчезает в младшей когорте.

Для того чтобы выяснить, насколько значим факт образовательной мобильности для структурных характеристик первого рабочего места, в исследовании был выполнен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA, см. табл.). В качестве зависимой переменной выступала переменная, собравшая значения международного социально-экономического индекса (Ganzeboom and Treiman, 2003), являющегося количественной характеристикой позиции социального субъекта в социально-экономической иерархии. Определяющим фактором стала переменная вертикальной образовательной мобильности, принимающая три значения: -1 – восходящая мобильность, 0 – воспроизводство (отсутствие мобильности), 1 – восходящая образовательная мобильность. Мы предполагаем, что в каждой из групп, различающихся типом мобильности, среднее значение ISEI будет также значимо различаться.

Таблица 4

Влияние образовательной мобильности на характеристики первого рабочего места: результаты однофакторного дисперсионного анализа

Table 4

The impact of educational mobility on the characteristics of the workplace: results of ANOVA

Поколение	Образовательная мобильность	Среднее значение ISEI, критерий Дункана		F	Значимость
		1	2		
1939-1960	Восходящая		37,99	4,358	0,013
	Воспроизводство		38,7		
	Нисходящая	32,5			
1961-1974	Восходящая		39,0	6,063	0,002
	Воспроизводство		41,5		
	Нисходящая	35,1			
1975-1984	Восходящая		39,2	8,477	0,000
	Воспроизводство		41,6		
	Нисходящая	33,3			
1985 и моложе	Восходящая		40,2	19,559	0,000
	Воспроизводство		39,1		
	Нисходящая	31,3			

Как следует из полученных данных, изначальная гипотеза подтвердилась частично: значимые различия по среднему значению ISEI, характеризующего позицию социального субъекта в социально-экономической иерархии по первому рабочему месту, наблюдаются в отношении нисходящей образовательной мобильности. Это означает, что нисходящая образовательная мобильность (понижение образовательного статуса в сравнении с родительским) приводит к значимому снижению социально-экономической позиции. При этом, не наблюдается значимых различий по среднему значению ISEI в отношении восходящей образовательной мобильности и воспроизводства образовательного статуса. Среднее значение ISEI в этих группах значимо выше, чем в группе с нисходящей образовательной мобильностью. Важно подчеркнуть, что отмеченная тенденция наблюдается во всех рассматриваемых когортах.

Заключение (Conclusions). Согласно данным исследования, средний возраст выхода на рынок труда увеличивается, что, в первую очередь, связано с постепенным увеличением средней продолжительности обучения. Отложенный выход младших когорт на рынок труда компенсируется увеличением периода обучения. Структурные характеристики первого рабочего места существенно изменились. В старших когортах (1939-1960 г.р. и 1961-1974 г.р.) чаще всего начало трудовой деятельности было сопряжено с такими профессиональными позициями, как рабочий ручного труда или рабочий индустриального труда, которые в совокупности составляли от 42,4 до 36,2%. Совокупная доля этих позиций снизилась в когорте 1975-1984 г.р. до 28,6%, в когорте 1985 и моложе – до 22,9%. Подобные изменения связаны прежде всего с масштабными изменениями в структуре рабочих мест. Таким образом, характеристики начала трудовой деятельности (возраст и структурная позиция первого рабочего места) обусловлены состоянием двух социальных институтов – образования и рынка труда. Образовательная экспансия привела к увеличению продолжительности обучения и, соответственно, увеличению возраста начала трудовой деятельности.

В свою очередь трансформация рынка труда привела к изменению структурных позиций первого рабочего места – сокращении доли занятых в реальном секторе экономики и увеличению доли занятых в сфере нематериального производства.

Значимость института образования прослеживается и в способе трудоустройства на первое рабочее место. В старших когортах доля трудоустроившихся по направлению учебного заведения составила более четверти; в младших когортах, представители которых получали профессиональное образование в ситуации, когда учебные заведения были освобождены от обязательств по трудоустройству выпускников, доля получивших от учебного заведения содействие по устройству на работу сократилась до 7-10%. Согласно данным исследования, тип образовательной мобильности оказывается значимым для структурных характеристик первого рабочего места прежде всего в том случае, если его позиция сопряжена с квалификационными требованиями. Это означает, что первичное трудоустройство на позицию «профессионала» требует воспроизводства или повышения образовательного статуса. Трудоустройство на позицию «неквалифицированный рабочий» сопряжено с воспроизводством или понижением уровня образования. Как показал анализ данных, значимыми последствиями при трудоустройстве на первое рабочее место обладает только нисходящая образовательная мобильность, приводящая к занятию более низкой социально-экономической позиции. В отношении восходящей образовательной мобильности или воспроизводства образовательного статуса подобной тенденции не отмечено. Таким образом, оба предположения, сформулированные в начале статьи, подтвердились: характер образовательной мобильности влияет на результативность первичного трудоустройства; наблюдаются существенные когортные различия в структурных характеристиках первого рабочего места. При этом значимых когортных различий во взаимосвязи образовательной мобильности и первичным трудоустройством не выявлено.

Список литературы

1. Барсегян В. М. Межпоколенная образовательная мобильность молодых общественно-политических деятелей в современном российском обществе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14, № 3. С. 163-178.
2. Беляева Л. А. Воспроизводство культурного капитала и проблемы социального неравенства в России // Философские науки. 2011. №10. С. 6-20.
3. Букин В. П., Мананникова Ю.В. Жизненные цели и социальная мобильность молодежи в системе профессионального образования региона // Регионоведение. 2007. № 3. С. 203-213.
4. Буланова М. А. Социальная мобильность работающей молодежи региона: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 3. С. 205-212.
5. Бурлуцкая М. Г. Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? // Проблемы, успехи и трудности переходной экономики. М.: МОНФ, 2000.
6. Дьяконова В. М. Типология социально-экономической мобильности молодежи // Экономика и управление. 2007. № 5. С. 68-73.
7. Довготько Т. В., Михеева Е.М. Профессиональная мобильность молодежи Ямала // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2008. № 3. С. 63-67.
8. Иванова Т. Н. Социально-трудовая мобильность как процесс изменения социальной и трудовой позиции молодежи в структуре общества: многоаспектность и многокомпонентность // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 4 (17). С. 247-251.
9. Ильдарханова Ч. И. Межпоколенческая образовательная мобильность сельской семьи (на примере муниципального района Республики Татарстан) // Интеграция образования. 2013. № 3. С. 78-84.
10. Кабалина В. И. Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // Социологический журнал. 1999. № 3-4. С. 20-35.
11. Кутейницына Т. Г. Выпускники учреждений начального профессионального образования: полтора года после выпуска // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6, № 3. С. 397-416.
12. Логинов А. В. Социально-трудовая мобильность молодежи: региональный аспект // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2015. Т. 3, № 1. URL: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (дата обращения: 20.11.2017).
13. Молодежь в России. 2010: Стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ. «Статистика России», 2010.
14. Панфилова Ю. С. Интергенерационная мобильность в современном российском обществе: критический анализ результатов социологических исследований // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 4 (167). С. 120-126.
15. Панфилова Ю. С. Макросоциальные факторы межпоколенной мобильности населения в ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1. С. 250-254.
16. Попов А. В. Трудовая мобильность молодежи как фактор обеспеченности трудовыми ресурсами (на материалах Вологодской области) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3. С. 53-57.
17. Потуданская В. Ф., Новикова Т. В., Цыганкова И. В. Роль профессионального образования в процессе трудовой мобильности молодежи // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2009. Т. 9, № 3. С. 93-100.
18. Реутова М.Н. Направления и интенсивность межпоколенной мобильности молодежи // Социологические исследования. 2004. С. 139-142.
19. Реутова М. Н. Профессиональная мобильность молодежи: двадцать лет спустя // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2008. № 6. С. 188-199.
20. Скок Н. И., Кондратьева А. Д. Социальная мобильность российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4. С. 10-13.
21. Социальная политика в России и Китае: монография / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2016.
22. Тихонова Н. Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 16-27.
23. Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М., 2005.

24. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // Мир России. 2016. Т. 25, №1. С. 7-34.

25. Ястребов Г. А. Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть II // Мир России. 2016. Т. 25, № 2. С. 6-36.

26. Blau P. M., Duncan O. D. The American Occupational Structure. N.Y., L., Sydney: Jon Wiley&Sons, Inc., 1967.

27. Ganzeboom H. B., Treiman D. J. Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. Pp. 277-302.

28. Ganzeboom H. B., Treiman D. J. Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status // J. H. P. Hoffmeyer-Zlotnik, & C. Wolf (Eds.). Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables. Amsterdam: VU University Press, 2003. Pp. 159-193.

29. Lipset S. M., Malm F. T. First Jobs and Career Patterns // The American Journal of Economics and Sociology. 1955. Vol. 14, №3. Pp. 247-261.

30. Roshchina Y. Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR // Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference, Osaka: The International Academic Forum, 2012. Pp. 1406-1426.

References

1. Barsegyan, V. M. (2014), "Intergenerational Educational Mobility of Young Sociopolitical Figures in Modern Russian Society", *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*, 14 (3), 163-178. (In Russian).

2. Belyaeva, L. A. (2011), "The reproduction of cultural capital and social inequality in Russia", *Filosofskie nauki*, 10, 6-20 (In Russian).

3. Bukin, V. P. (2007), "Life goals and social mobility of young people in the vocational education system of the region", *Regionologiya*, (3), 203-213. (In Russian).

4. Bulanova, M. A. (2011), "Social mobility of the working young people of the region: sociological analysis", *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, (3), 205-212. (In Russian).

5. Burluckaya, M. G. (2000), "Intergenerational mobility in contemporary Russia: new possibilities or new obstacles?", *Problemy, uspekhi i trudnosti*

perekhodnoj ehkonomiki, MONF, Moscow, Russia. (In Russian).

6. Dyakonova, V. M. (2007), "Typology of Social and Economic Mobility of Youth", *Ekonomika i upravlenie*, (5), 68-73. (In Russian).

7. Dovgot'ko, T. V., Miheeva E. M. (2008), "Professional mobility of young people of the Yamal Peninsula", *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya. EHkonomika. Politika* [Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Policy], (3), 63-67. (In Russian).

8. Ivanova, T. N. (2016), "Socio-labour Mobility as the Process of Changing the Social and Labor Position of Youth in the Structure of the Company: Multifaceted and Multicomponent", *Karelskij nauchnyj zhurnal*, 5 (4), 247-251. (In Russian).

9. Ildarhanova, Ch. I. (2013), "Intergenerational Educational Mobility of a Rural Family (based on the study of the municipal area of the Republic of Tatarstan)", *Integraciya obrazovaniya*, (3), 78-84. (In Russian).

10. Kabalina, V. I. (1999), "Labor Mobility: Organizational, Institutional and Socio-structural Factors", *Sociologicheskij zhurnal*, (3-4), 20-35. (In Russian).

11. Kutejnicyna, T. G. (2008), "Graduates of Institutions of Primary Professional Education: a Year and a Half after the Release", *Zurnal issledovanij social'noj politiki*, 6 (3), 397-416. (In Russian).

12. Loginov, A. V. (2015), "Social and Labour Mobility of Young People: a Regional Perspective", *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*, 3 (1), available at: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (Accessed 20 November 2017). [Electronic scientific journal "Science. Society. State." 2015. Vol. 3, No. 1. Mode of access: http://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/loginov_av_15_1_17.pdf (date accessed: 20.11.2017). (In Russian).

13. *Molodezh' v Rossii. 2010: Stat. sb.* [Young people in Russia. 2010: Stat.], (2010), UNICEF, Rosstat, Moscow, Russia. (In Russian).

14. Panfilova, Yu. S. (2015), "Intergenerational Mobility in Russian Modern Society: Critical Analysis of Results of Sociological Researches", *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filozofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya*, (4), 120-126. (In Russian).

15. Panfilova, Yu. S. (2017), "Macrosocial Factors of Inter-Generational Mobility of the Population

in the Rostov Region”, *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, (1), 250-254. (In Russian).

16. Popov, A. V. (2014), “Labour Mobility of Youth as a Factor of Labor Resources (on Materials of the Vologda Region)”, *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, (3), 53-57. (In Russian).

17. Potudanskaya, V. F., Novikova, T. V. and Tsigankova, I. V. (2009), “Role of Vocational Training in the Course of Labour Mobility of Youth”, *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki*. 2009, 9 (3), 93-100. (In Russian).

18. Reutova, M. N. (2004), “The Direction and Intensity of Intergenerational Mobility of Youth”, *Sociologicheskie issledovaniya*, 139-142. (In Russian).

19. Reutova, M. N. (2008), “Professional Mobility of Young People: Twenty Years Later”, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo*, (6), 188-199. (In Russian).

20. Skok, N. I. and Kondratyeva, A. D. (2016), “Social Mobility of Russian Youth”, *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*, (4), 10-13. (In Russian).

21. *Social'naya politika v Rossii i Kitae: monografiya* [Social Policy in China and Russia: Monograph], (2016), Golenkov, Z. T. (ed), New Chronograph, Moscow, Russia. (In Russian).

22. Tihonova, N. E. (2015), “Explicit and Implicit Effects of the Economic Crises for the Russians”, *Sociologicheskie Issledovaniya*, (12), 16-27. (In Russian).

23. Chernysh, M. F. (2005), *Social'nye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchemsya obshchestve* [Social Institutions and Mobility in a Transforming Society], Moscow, Russia. (In Russian).

24. Yastrebov, G. A. (2016), “Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part 1”, *Mir Rossii*, 25 (1), 7-34. (In Russian).

25. Yastrebov, G. A. (2016), “Social Mobility in Soviet and Post-Soviet Russia: a Revision of Existing Estimates Using Representative Surveys of 1994,

2002, 2006 and 2013. Part 2”, *Mir Rossii*, 25(2), 6-36. (In Russian).

26. Blau, P. M. and Duncan, O. D. (1967), *The American Occupational Structure*, Jon Wiley & Sons, N.Y., L., Sydney.

27. Ganzeboom, H. B. and Treiman, D. J. (1991), “Comparative Intergenerational Stratification Research: Three Generations and Beyond”, *Annual Review of Sociology*, 17, 277-302.

28. Ganzeboom, H. B. and Treiman, D. J. (2003), *Three Internationally Standardised Measures for Comparative Research on Occupational Status*, J. H. P. Hoffmeyer-Zlotnik, & C. Wolf (Eds.), Advances in Cross-National Comparison, A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables, VU University Press, 159-193, Amsterdam, Netherlands.

29. Lipset, S. M. and Malm, F. T. (1955) “First Jobs and Career Patterns”, *The American Journal of Economics and Sociology*, 14 (3), 247-261.

30. Roshchina, Y. (2012), “Intergeneration Educational Mobility in Russia and the USSR”, *Proceedings of the Asian Conference on Education 2012 Conference, Osaka: The International Academic Forum*, 1406-1426.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Епихина Юлия Борисовна, кандидат социологических наук, заместитель декана социологического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Yulia B. Epikhina, Candidate of Sociology, professor State Academic University for the Humanities, Leading Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-29-34

Гусейнова К. Э.

**АНАЛИЗ ИЗМЕРЕНИЯ НАУЧНОЙ НОВИЗНЫ
В АВТОРЕФЕРАТАХ КАНДИДАТСКИХ РАБОТ**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
likседar@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема измерения и использования такого понятия как «научная новизна». Анализируется специфика научной и практической актуальности в предметном поле социологии управления. Утверждается, что степень и глубина их теоретико-методологических оснований напрямую зависят от качества и фактического уровня знаний, на которые претендуют авторы диссертаций. Несмотря на возросшее количество публикаций по обозначенной дисциплине, главной проблемой остается нежелание ученых знакомиться с творчеством своих коллег. Данный факт, в свою очередь, свидетельствует о непосредственном искажении в операционализации ключевых понятий и терминов. Также он может негативно сказываться на самом изучаемом объекте, поскольку проблемы и цели многих работ, вынесенных на защиту, не входят в предметное поле изучения социологии управления. Результаты исследования показывают, что с помощью качественного анализа можно выявить и типизировать основные методологические ошибки в написании кандидатских работ.

Ключевые слова: социология управления; научная новизна диссертации; автореферат.

Ksenia E. Guseynova

**ANALYSIS OF THE MEASUREMENT OF SCIENTIFIC NOVELTY
IN THE ABSTRACTS OF MASTER'S THESES**

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
likседar@mail.ru

Abstract. This article provides the problem of measurement and use of such concept as «scientific novelty». The specifics of scientific and practical relevance in the subject field of sociology of management are also being examined. It is argued that the degree and depth of its theoretical and methodological bases are directly dependent on the quality and actual level of knowledge, which are claimed by the authors of the theses. Despite the increased number of publications on the mentioned discipline, the unwillingness of scientists to get acquainted with creativity of the colleagues remains the main problem. This fact, in turn, demonstrates a direct distortion in the operationalization of key concepts and terms. It can also negatively affect the studied object as the problems and the purposes of many works submitted on thesis defense, are not included in the subject field of the sociology of management. The research results show that by means of the qualitative analysis it is possible to reveal and typify the main methodological spelling errors of candidate theses.

Keywords: sociology of management; scientific novelty of the dissertation; abstract.

Введение (Introduction). Социология управления – одно из немногих направлений социогуманитарной науки, стоящей на стыке академического и прикладного знаний. Именно здесь внедрение научного опыта в

управленческие практики рассматривается как нечто естественное и необходимое для развития науки и общества в целом (Клементьев, 2010; Штомпка, 2005; Zbierowski, 2017).

Логично было бы предположить, что кандидатские диссертации по данной дисциплине должны иметь большое практическое значение, т.к. они, помимо всего прочего, затрагивают психологические, экономические и социокультурные сферы жизни. Воспринимая каждого диссертанта как потенциального управленца – новатора, учёные в области социологии управления должны быть уверены в том, что результатом такой работы станет создание новых управленческих моделей и, как следствие, более высокий уровень организационной эффективности (Белоцерковский, 2012; Зборовский, Амбарова, 2016).

Методология и методы (Methodology and methods). На современном этапе развития социологии научная новизна представляет собой ценностную систему, суть которой заключается в получении нового опытного знания о мире (Egghe, 2002). Социология управления в данном случае занимается изучением регулятивных механизмов социальной практики (Штомпка, 2005). Анализ факторов и условий, за счет которых управление может считаться эффективным, ложится в основу теоретических моделей, призванных решать вполне конкретные практические задачи (Тихонов, Мерзляков, Богданов, 2016; Тихонов, Мерзляков, 2014; Тихонов, 2013).

Научная новизна выражается в создании адекватных современной ситуации теоретических моделей социального управления: нарабатывается новый понятийный аппарат, способствующий построению моделей управления как механизмов социокультурной регуляции социальных действий и взаимодействий (Горшков, Шереги, 2012; Прошанов, 2011; Социальное обоснование стратегий ..., 2010). Появление таких механизмов связано с необходимостью решения двух задач: превращения разнонаправленных действий и взаимодействий различных субъектностей в организованную социальную силу для решения возникших проблем и наделение каждой из них не только специализированными функциями, исходя из их личностных и деловых качеств, но и, исходя из интересов «общего дела», диктуемых содержанием решаемых проблем.

Чтобы оценить представления современных молодых ученых о том, что такое социология управления, нужно обратиться к их диссертациям. Работы такого формата являются фактическим подтверждением их профессиональной компетентности, а сам текст содержит в себе научное знание, отражающее реальную картину событий с позиции участников.

Качественный подход к изучению проблемного поля позволяет выделить основные тренды и направления деятельности диссертантов, определить научную новизну, выступающую в качестве главного фактора получения нового научного знания и опыта (Социология управления..., 2015), а также многие другие индексы, которые невозможно получить с помощью количественных методов.

Результаты исследования, приведенные в статье, наглядно демонстрируют уровень методического развития социологической дисциплины, который напрямую зависит от потенциала накопленного знания об управлении и его фактическом применении на практике (Граждан, 2011; Cyranoski, Gilbert, Ledford, Nayyar, Yahia, 2011). С целью выявления основных направлений методологически значимого синтеза подходов к организации междисциплинарных исследований (Лапин, 2006; Щербина, 2016), был проведен анализ методологии организации исследований в области управления: систематизация результатов самого управления как проблемы, а также способы и методы их решения.

Эмпирическая база исследования составила 100 текстов авторефератов. Работы отбирались из всех ВУЗов и научных учреждений России, где в период с 2014 по 2017 годы проходила защита кандидатских диссертаций по специальности 22.00.08 «Социология управления». Это позволило дать оценку накопленному научному потенциалу на территории РФ.

В качестве инструмента анализа текстов были использованы «информационная» и «аналитическая» карточки. Созданные Центром социологии управления и доработанные автором, они направлены на обоснование научных возможностей описания и объясне-

ния процесса исследования. На основе характеристик анализа, собранных в картах, был сформулирован ряд показателей для оценки двух типов актуальности: *практической и научной*. Кодировка осуществлялась посредством детерминационного анализа (Да-система (версия 5.0.)). С его помощью удалось достичь следующих результатов.

Научные результаты и дискуссия. (Research Results and Discussion). Актуальность затронутых тем представлена достаточно подробно. Однако формулировка исследуемых объектов не всегда соответствует проблемному полю социологии управления. Лишь в половине всех диссертаций (56%) эмпирический и научный объекты соотносятся с практической областью социологии управления, в 41% наблюдается частичное соответствие, в 2% – его нет совсем.

Оценки практической актуальности темы диссертационных исследований указывают на практическую актуальность, которая обосновывается на анализе статистических данных (68%) Росстата. Практическая обоснованность также формируется на основе предварительного диагностического исследования проблем развития рассматриваемого в диссертации объекта исследования (54%). Решения органов власти практически значимы почти для половины исследованных диссертаций (42%). Собственные наблюдения и опыт практически значимы более чем для трети работ (37%). Примерно в такой же степени для практической обоснованности имеют значения высказывания авторитетов от практики (35%), в то время как знакомство с работами коллег составляет всего 9%.

Изучив причины обоснованности научной актуальности темы диссертационных работ можно сказать, что авторы часто ориентируются на используемые в науке методы (68%), традиционные в рамках специальности 22.00.08. Степень успешности использования известных подходов и способов решения аналогичных проблем также учитывается в анализируемых диссертациях (51%). В меньшей степени (всего 21%) критический анализ

успешности использованных методов послужил для обоснования научной актуальности диссертационной темы.

Тема и цель диссертационного исследования в рассмотренных работах достаточно согласованы между собой – 63%. Следующая компонента – «формирование состава задач, необходимых для достижения поставленных целей» составляют чуть больше половины всего массива – 59%. Изложение содержания и результатов решения обоснованных в диссертациях задач можно считать достаточно полным – 68%. В целом логичность выполненных работ и согласованность их основных компонент находятся на достаточно высоком уровне.

Обнаружилось, что по количеству упоминаний и глубине анализа авторских методик отечественные работы заметно уступают иностранным. Перечисляются имена зарубежных и российских ученых, которые, к сожалению, либо не всегда имеют прямое отношение к затронутой проблеме, либо попросту не являются классиками социологии управления.

Обоснованность научной проблемы диссертационного исследования в общем массиве рассмотренных работ представляется достаточно высокой – 87%. Исследуемый научный объект частично адекватен поставленной в диссертации проблеме – 54%. Неполная, т.е. не стопроцентная адекватность объекта поставленной проблеме, обусловлена в значительной степени неточностью формулировок проблем и объектов. Примерно на таком же уровне (55%) находится соответствие предмета диссертационных исследований исследуемому научному объекту. Уровень соответствия научной гипотезы способу решения проблемы, сформулированной в диссертации, составляет 58%, поскольку одна и та же гипотеза может проверяться разными способами, что и определяет разную достоверность гипотезы. Конкретные процедуры проверки соответствия гипотезы о способе решения проблемы полученным результатам решения проблемы предусмотрены чуть менее чем в половине исследованных работ – 49%. Это свидетельствует о недостаточно критичном отношении диссертантов к полученным результатам.

Наиболее высокий уровень научной новизны отмечается в диссертациях, использующих известные методы достижения поставленных целей (41%). К ним относятся разнообразные эконометрические методы: регрессионный анализ, корреляционный анализ, многомерный статистический анализ и др. Эти методы достаточно широко применяются в экономических исследованиях, а их адекватное и корректное использование позволяет получать достоверные результаты. Для обеспечения возможности использования статистических методов в период с начала XXI века необходим критический анализ и сбор дополнительных данных, кроме данных Росстата, относящихся к объекту и предмету исследования. Эти подходы к сбору и анализу эмпирических данных составляют половину (54%) среди используемых методов.

Анализ показал, что наибольший вклад в практику управления внесли работы, в которых предлагается совершенствовать механизмы управления (65%). Новая организация управления предлагается и реализована в 38% работ, рассмотренных в форме новых функций, структур и их подразделений диссертационных работ. Новые механизмы управления в виде регулярно действующей совокупности правил обоснования и принятия решений отмечены в 30% работ. Собственную трактовку управления, отличающуюся от традиционных, типа «системный подход», «системный анализ», «экономический анализ» и др., предлагают только 22% анализируемых диссертаций.

Заключение (Conclusions). Изучение текстов диссертантов позволило прийти к выводу о том, что их работы, несмотря на географическое и предметное разнообразие, имеют множество схожих признаков. Также следует указать на тот факт, что у всех проанализированных авторефератов отсутствует жанровое разнообразие, они написаны в строгом научном стиле с соблюдением регламента оформления выпускной квалификационной работы, а также самой программы социологического исследования.

Можно также отметить, что исследование обладает научной новизной при следующих показателях: 1) поставлена проблема, которая

до этого не поднималась в науке, либо исследуется объект, который до этого не был исследован; 2) получено новое знание об исследуемом объекте; 3) по-новому поставлены известные проблемы или задачи; 4) выявлен новый метод решения проблемы; 5) получено новое применение известного решения или метода; 6) разработаны оригинальные модели процессов и явлений, новые методики, полученные с использованием полученных в ходе исследования данных.

Обнаружилось существенное различие между проблемами управления, где речь идет о его эффективности и управлением как проблемой, а предметом исследования выступает сам управленческий механизм. Например, повышение эффективности функционирования управленческой деятельности структур публичной власти и управление преодолением бедности в северном городе. Авторы часто ссылаются на изменяющие условия, вследствие чего системы требуют формирования новых механизмов, при которых максимально эффективно достигаются поставленные цели.

Результатом проделанной работы по анализу авторефератов стало представление о структуре и важнейших характеристиках кандидатской диссертации и понимание специфики социологии управления, ее проблемного поля, понятийного аппарата. Заполнение карт позволило еще раз убедиться, что практика опирается на теоретическое знание – особенно в ходе обобщения проблемного поля социологии управления: выполнение практического задания позволило приобрести не только практические навыки анализа авторефератов, но и новые теоретические знания.

Список литературы

1. Белоцерковский А. В. Российское высшее образование: о вызовах и рисках // Высшее образование в России. 2012. № 7. С. 3-9.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: интерактивное учебное пособие. М.: ФГАНУ «Центр социологических исследований». Институт социологии РАН, 2012.
3. Граждан В. Д. Социология управления. М., 2011.

4. Зборовский Г. Е., Амбарова П.А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // *Социологические исследования.* 2016. № 7. С. 48-57.

5. Клементьев Д. С. *Социология управления.* М., 2010.

6. Прошанов С. Л. Докторские диссертации по социологии (1990-2010) // *Социологические исследования.* 2011. № 1. С. 30-39.

7. Социальное обоснование стратегий городского, регионального и корпоративного развития: проблемы и методы исследований // *Материалы IX Дридзевских чтений.* М.: ИС РАН, 2010.

8. *Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь.* М., 2015.

9. Тихонов А. В., Мерзляков А. А., Богданов В. С. Опыт модернизации образовательной технологии на основе инновационной практики научно-исследовательской деятельности // *Вестник Института социологии.* 2016. № 16. С. 110-122.

10. Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Систематизация методологических подходов и результаты эмпирических исследований в области управления в экономических дисциплинах // *Сборник материалов XXII международной конференции «Новые перспективы развития экономических наук: инновации и риски».* Часть 4. М., 2014.

11. Тихонов А. В. *Философские основания проблемы управления: очерки / Прил. к журналу Философские науки.* 2013.

12. Штомпка П. *Социология. Анализ современных обществ.* М., 2005.

13. Лапин Н. И. *Общая социология.* М., 2006.

14. Щербина В. В. Рационализирующие социальные технологии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.* 2016. Т. 16. № 1. С. 141-162.

15. Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A., Yahia M. Education: The PhD factory // *Nature.* 2011. № 472. Pp. 276-279.

16. Egghe L., Rousseau. A proposal to define a core of a scientific subject: A definition using concentration and fuzzy sets // *Scientometrics.* 2002. Vol. 54, №1. Pp. 53-55.

17. Taylor M. Reform The PhD System of Close It Down. *Nature,* № 472, 2011.

18. Zbierowski P. The Aspirations of New Technology-Based Firms in CEE and CIS Countries? *Foresight and STI Governance,* Vol. 11, № 3, 2017. Pp. 50-60.

References

1. Belotserkovskiy, A. V. (2012), "Russian higher education: the challenges and risks", *Vysshye obrazovanie v Rossii,* 7, 3-9. (In Russian).

2. Gorshkov, M. K. and Sheregi, F. E. (2012), *Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody* [Applied sociology: methodology and methods], *FGANU «Tsentr sotsiologicheskikh issledovaniy», Institute of sociology RAS,* Moscow, Russia. (In Russian).

3. Grazhdan, V. D. (2011), *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management], Moscow, Russia. (In Russian).

4. Zborovskiy, G. E. and Ambarova, P. A. (2016), "Transformation of an object field of governance and administration sociology: new challenges", *Sotsiologicheskie Issledovaniia,* 7, 48-57. (In Russian).

5. Klement'ev, D. S. (2010), *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management], Moscow, Russia. (In Russian).

6. Proshanov, S. L. (2011), "Doctoral dissertations on sociology (1990-2010)", *Sotsiologicheskie Issledovaniia,* 1, 30-39. (In Russian).

7. *Sotsiologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar,* [Sociology of management: Theoretical and applied dictionary] (2015), Moscow, Russia. (In Russian).

8. *Sotsiologiya upravleniya: Teoretiko-prikladnoy tolkovyy slovar,* [Sociology of management: Theoretical and applied dictionary] (2015), Moscow, Russia. (In Russian).

9. Tikhonov, A. V., Merzlyakov, A. A. and Bogdanov, V. S. (2016), "Experience in Modernizing Educational Technologies Based on the Innovative Practices of Scientific Research Activities", *Vestnik Instituta Sotziologii,* 16, 110-122. (In Russian).

10. Tikhonov, A. V. and Merzlyakov, A. A. (2014), "Systematization of methodological approaches and results of empirical researches in the field of management in economic disciplines", *Sbornik materialov XXII mezhdunarodnoy konferentsii "Novye perspektivy razvitiya ekonomicheskikh nauk: innovatsii i riski"* [Proc. XXIIInd of the International conference "New prospects of economic Sciences: innovation and risks"], Part 4, Moscow, Russia. (In Russian).

11. Tikhonov, A. V. (2013), "Philosophical foundations of management problems: essays", *Russian Journal of Philosophical Science*. (In Russian).

12. Shtompka, P. (2005), *Sotsiologiya. Analiz sovremennyih obschestv* [Sociology. Analysis of modern societies], Moscow, Russia. (In Russian).

13. Lapin, N. I. (2006), *Obschaya sotsiologiya* [General sociology], Moscow, Russia. (In Russian).

14. Shcherbina, V. V. (2016), "Rationalizing social technologies", *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriâ Sociologiâ*, 16 (1), 141-162. (In Russian).

15. Cyranoski, D., Gilbert, N., Ledford, H., Nayar, A. and Yahia, M. (2011), Education: The PhD factory, *Nature*, (472), 276-279.

16. Egghe, L. (2002), "Rousseau. A proposal to define a core of a scientific sub: A definition using concentration and fuzzy sets", *Scientometrics*, 54 (1), 53-55.

17. Taylor, M. (2011), Reform The PhD System of Close It Down, *Nature*, (472).

18. Zbierowski, P. (2017), "The Aspirations of New Technology-Based Firms in CEE and CIS Countries?", *Foresight and STI Governance*, 11 (3), 50-60.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Гусейнова Ксения Эльдаровна, младший научный сотрудник, аспирант Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Ksenia E. Guseynova, Junior researcher, post-graduate student Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-35-50

Богданов В. С.¹
Гусейнова К. Э.²
Почестнев А. А.³

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ (ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ)
И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В РАБОТЕ ЗВЕНЬЕВ
ВЛАСТНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ВЕРТИКАЛИ**

¹) Центр социологии управления и социальных технологий
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru

²) Центр социологии управления и социальных технологий
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
likseidar@mail.ru

³) Московский авиационный институт
Волоколамское шоссе, д. 4, Москва, 125993, Россия
apochestnev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается отечественный и мировой опыт реализации проектов электронного правительства и исследовательские практики их изучения. Проанализированы основные критерии экспликации структурных и функциональных элементов проектов e-government, зафиксированы реперные точки, социальные и технико-технологические барьеры, а также возможные тенденции перехода к этапу электронного участия и управления (e-participation и e-Governance). Ставится вопрос, существуют ли в действительности элементы и гибкие формы регуляции в современном информационном обществе или же наблюдается только их имитация? Рассмотрена специфика организации отечественной структуры властно-управленческой вертикали и её назначение в контексте кристаллизации и интеграции институционально-регулятивной компоненты социокультурной модернизации страны и регионов, в частности. Одним из базисных критериев запуска социокультурной модернизации должны стать целерациональные коммуникативные технологии на принципах организации обратной связи органов власти и управления с населением (стейкхолдерами). Читателю предлагается обсудить проблемы и перспективы, противоречия и тормозящие внедрение целерациональных коммуникативных технологий в отечественной практике функционирования властно-управленческой вертикали (ВУВ), а также рассмотреть возможность выхода на теоретико-методологический уровень обоснования разработки и внедрения методологии изучения феномена ВУВ, использования рационально-познавательных процедур для экспликации феномена обратной связи в отечественной системе управления.

Ключевые слова: электронное правительство (e-Government); электронное управление (e-Governance); электронная демократия (e-democracy); электронное участие населения (e-participation); информационные технологии (informational technologies); большие данные (big data); информированность; обратная связь; цифровое правительство; электронная демократия.

Vladimir S. Bogdanov¹
Ksenia E. Guseynova²
Aleksandr
A. Pochestnev³

**SOCIOCULTURAL (CIVILIZATIONAL) AND INSTITUTIONAL
CONDITIONALITY OF THE FEEDBACK TECHNOLOGY IN
WORK OF THE ELEMENTS POWER-MANAGEMENT VERTICAL**

¹⁾ Center for Management Sociology and Social Technology
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
valarf@mail.ru

²⁾ Center for Management Sociology and Social Technology
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
liksestar@mail.ru

³⁾ Moscow aviation institute
4, Volokolamskoe highway, Moscow, 125993, Russia
apochestnev@yandex.ru

Abstract. This article provides domestic and global experience in implementing e-government projects and research practices in the study. There were analyzed the main criteria of an explication of structural and functional elements of e-Government projects, fixed reference points, social and technological barriers, and also possible tendencies trends in the transition to e-participation and governance (e-participation and e-Governance). It is asked whether there are in fact elements and flexible forms of regulation in modern information society or there is only imitation?

There are considered the specifics of domestic structure of the power-management vertical's organization and its purpose in the context of crystallization and integration of the institutional – regulatory components of sociocultural modernization of the country and regions. One of the basic criteria for the launch of sociocultural modernization should become goal-rational and communicative technologies on the organization of feedback principles of the authorities and management with the public (stakeholders). The reader is invited to discuss the problems and prospects which are contradicting and slowing down the implementation of goal-rational communicative technologies in domestic practice of functioning of the power-management vertical (PMV), and also to consider the possibility of entering the theoretical-methodological level of reasoning for the development and implementation of the methodology of studying the PMV phenomenon and also the possibility of use of rational-informative procedures for a feedback phenomenon explication in a domestic control system.

Keywords: electronic government (e-Government); electronic control (e-Governance); electronic democracy (e-democracy); electronic participation of the population (e-participation); information technologies (informational technologies); big data; awareness; feedback; digital government; electronic democracy.

Введение (Introduction). Феномен становления российской властно-управленческой вертикали (далее ВУВ) в качестве инструмента государственного управления, это современная фундаментальная и прикладная ис-

следовательская проблема, связанная с изучением и реализацией реформирования российской практики государственного управления (администрирования) и системы власти в целом. В контексте этого феномена выкристал-

лизовывается другая актуальная проблема современной социологии, а также практики социального управления, а именно процесс организации обратной связи, влияющий как на качество и формы социальных отношений, так и определяющий в целом вектор социокультурного развития общества на основе построения работы всех звеньев ВУВ. Социотехнические коннотации рассмотрения проблем организации обратной связи в системе организации власти и управления ведут к идеям развития постмодернистического общества, которое рассматривалось Д. Беллом и М. Кастельсом (Bell, 1978; Castells, 2004) как некая идеальная конструкция. Согласно их концепциям, общество в своем развитии достигает той фазы, когда сложные наукоемкие технологии в технико-технологической (производственной) сфере и информационные технологии становятся условиями развития не только экономической, но и социальной основы общества. Они не только повышают эффективность производства и взаимодействий, но делают информацию (знание) главной ценностью (или ресурсом), поэтому идея общества постмодерна трансформировалась в понятие информационного общества (Masuda, 1983), и на данный момент существует как правило именно в этой трактовке. Современные информационно-цифровые технологии уже вплотную приблизилась к этим конструкциям, что актуализирует эмпирическое изучение степени социотехнических трансформаций и приближение обществ (в том числе и Российского) к этой стадии, а также оценки условий протекания и анализа видимых последствий этого развития.

На самом деле информационное развитие проходит болезненно и неравномерно, порождая всё больше признаков цифрового неравенства, и возводя его постепенно в ранг традиционного неравенства. Это проявляется не только в страновых различиях уровня развития, но и в рамках развитости внутренних структурных элементов сфер общества (экономической, социальной, культурной, политической). Помимо повсеместного внедрения информационных технологий как технического средства взаимодействия социальных

агентов, основной особенностью организации информационного общества должно стать развитие сетевых структур, базирующихся на гибридных формах социальных и властно-управленческих отношений, предполагающих усиление роли горизонтальных связей и взаимодействий. Подобные отношения подразумевают постоянные формы коммуникации, в том числе и онлайн-коммуникации (авторам ближе понятие «инфокоммуникативные технологии») с использованием электронных телекоммуникационных средств. Целью такой коммуникации должен стать непрерывный информационный обмен и обсуждение различных точек зрения для выработки консолидированных решений по изменению и достижению образа желаемого будущего.

Методология и методы (Methodology and methods). Данная форма организации социальных отношений и взаимодействий востребована современными социо-ментальными изменениями людей, групп, сообществ. Если главным ресурсом становятся знания и уникальность идей, и это граничит с развитием потребности в самореализации и самоактуализации людей (т.е. ростом индивидуализации), то необходимо пространство выражения этой индивидуальности, коими стали сегодня цифровые технологии. Э. Гидденс как раз подчеркивает значимость именно феномена цифровых технологий для преобразования физического мира через реализацию способностей человечества, и делает акцент на том, что не за горами, когда они приведут к полной конвергенции нанотехнологий, биотехнологий и информатики (Гидденс, 2015: 83).

Пока же они способствуют интеграции информационно-коммуникационных технологий в различные повседневные взаимодействия, а также сетевому онлайн/оффлайн общению, где возможно проявление этой индивидуализации. Однако практика показывает, что индивидуализация приводит и к конфликтным формам общения. Для управления подобного рода отношениями и сообществами (в противовес обществу) необходима гибкая система регуляции отношений, направленная на достижения компромиссных форм взаимодействий.

В связи с этим очевидным становится интерес исследователей к вопросу о том, существуют ли в действительности элементы и гибкие формы регуляции в современном информационном обществе или же наблюдается только их имитация?

1. При этом интерес проявляется в различных сферах общества: экономической, социальной, политической, а также при исследовании микро, мезо и макроуровня. Последние два как раз относятся к проблеме создания горизонтальных форм отношений между властью и гражданами, властью и бизнесменами, при которых вторые равноправно участвуют в обсуждении территориальных и государственных проблем, а может быть и в управлении в целом. Сегодня этим вопросом занимаются и социальные философы, и политологи, и социологи (Белоусов, 2007; Бызов, Петухов, 2016; Тихонов, 2014; Тихонов, 2007; Тихонов, Богданов, Гусейнова, 2017).

Для либерализации отношений, повышения открытости, лояльности и формирования доверия к власти были созданы специальные технические средства, которые агрегированы в единую информационную платформу под названием электронное правительство (e-government) и электронная демократия (e-democracy, e-participation). Первое относится к идее повышения оперативности предоставления государственных услуг и доступности к ним (Clift). Применение этих средств позволяет интегрировать рабочие процессы, управлять большим объемом данных (big data), а также расширить сектор возможностей для взаимодействия и расширения прав людей. Электронное правительство рассчитано на взаимодействие с разными агентами. В различных источниках (Hai and Ibrahim, 2007) это взаимодействие обозначается как «правительство-правительство» (G2G), «правительство-бизнес» (G2B) и «правительство-потребитель» (G2C). В связи с этим изучение этого вопроса требует рассмотрения этих трех составляющих.

Второе направление (e-democracy, e-participation, e-Governance) призвано обеспечить коллективное обсуждение проблем и законов, принятию совместных решений, проведение

электронного голосования и донесение информации до широкого круга общественности как на муниципальном уровне, так и на международном. Данная технология позволяет свободно высказывать свое мнение и таким образом реализовывать свои гражданские права. По сути, это доступ к политическому процессу и политическому выбору граждан (McKenna, 2011; Shailendra, Palvia1, Sharma, 2003). На данный момент у многих практиков существует уверенность в том, что развитие электронного правительства и партнерства будет стимулировать развитие экономической и социальной среды, позволит достичь задачи повышения стандартов и качества жизни, справедливости, сохранению природных ресурсов и развитию социальной интеграции, а также содействовать расширению прав и возможностей людей. Помимо этого, на эти средства возлагаются надежды по обеспечению беспрепятственного распространения важной социальной информации, что сделает страны более открытыми и привлекательными для развития международных партнерств и инвестиций. К чему же приведет реальное положение дел и непредвиденные риски пока никому неизвестно. Эта неизвестность сегодня и должна стать тем самым предметом для изучения социальных ученых, главной целью научного предвидения с последующей задачей выработки новых форм регуляций гибридных взаимодействий.

В последнее время произошла активизация глобальных межстрановых исследований, целью которых является составление индексов развития e-government и e-participation. Одним из самых авторитетных исследований является исследование ООН (United Nation E-government Survey 2014). В нем делается акцент на измерение доступности онлайн-сервисов, развитости телекоммуникационной инфраструктуры, наличие человеческого потенциала, а также оцениваются возможности оказания социально-экономических и экологических услуг населению. Это исследование проводится в режиме мониторинга, оцениваются 193 государства. Некоторые его аналитические материалы уже сегодня становятся инструментом для принятия решения политиков

стран и выработки стратегий дальнейшего развития. Большое внимание уделяется инновациям в этой области и проблемам развития в целом.

На данный момент лидерами реализации проектов электронного правительства считается Южная Корея, Австралия, Сингапур, далее идут Франция, Нидерланды, Япония, и США, Великобритания. РФ находится на 27 месте и соседствует с Латвией и Бельгией. Их индекс считается высоким. При этом многие бывшие советские республики находятся на более низком месте (38-96 местах).

Среди стран, которые являются лидерами по реализации онлайн сервисов, мобильных приложений и предоставлению возможностей электронного участия граждан выделяются – Франция, которая занимает первое место в предоставлении онлайн-услуг в 2014 году, за ней в очередном порядке следуют Сингапур, Южная Корея, Япония, Испания, США. РФ находится за пределами первой двадцатки стран, но находится на достаточно высокой позиции наравне с Саудовской Аравией, Оманом, Норвегией, Казахстаном, Эстонией, Италией и Австрией. РФ успешно прошла стадию присутствия правительства в электронном пространстве (91% опрошенных), вторую стадию наращивания присутствия (77%), только развивает взаимодействие с населением (51%) и практически только вначале своего пути по развитию сетевого присутствия необходимого для прямой коммуникации с населением (35%).

Что касается развитости телекоммуникации, то РФ находится в средней группе и соседствует с Сан-Марино, Словенией, Испанией, Латвией, Италией. В России достаточно высокий процент людей, владеющих мобильными телефонами, пользующихся беспроводным Интернетом и являющихся подписчиками различных мобильных приложений, что, конечно же, может стать неплохой основой для внедрения таких проектов власти как информационное приложение «Активный гражданин» (реализуется на территории субъекта РФ Москва), которое хотя и является на данный момент скорее маркетинговым и PR-инструментом власти, но в будущем могло бы

обеспечивать более серьезную управленческую функцию по решению серьезных проблем городского управления на принципах обратной связи, а не только про «посадку кустиков» на преддомовых территориях и время начала-окончания ремонтных работ в многоэтажных домах.

В рейтинге индекса человеческого капитала в лидирующей группе находятся Австрия, Германия, Финляндия, Исландия, Норвегия, Южная Корея. РФ входит в следующую группу и соседствует с Австрией, Беларусью, Аргентиной, Чили, Чехией, Францией, Германией, Италией и т.д. Это достаточно высокая позиция.

Большинство субиндексов фиксируют количественные параметры, которые не отражают интерактивный процесс, т.е. аналитическая информация не касается аспектов качества взаимодействия населения и правительства. Так, к примеру, индекс телекоммуникационной инфраструктуры (ТИН) исследует количество подписчиков, используя электронные средства (сайты и приложения), индекс человеческого капитала (HCI) изучает количество образованного населения. Оценка доступности онлайн сервисов (OSI) хотя и базируется на анализе анкетных опросов, но исследует лишь наличие возможностей получения различных онлайн услуг, легкость поиска (видимость) правительственных сайтов, режим их обновления, работоспособность/скорость сайтов, возможность изменения языковых настроек, возможность задать вопрос или получить консультацию, количество пользователей сайтов, легкость поиска информации, наличие важной информации, конфиденциальность и защищенность сайтов и т.д.

Для ликвидации этого пробела в 2014 году был введен дополнительный индекс e-participation (индекс электронного участия населения (EPI)), основанного на качественных оценках. Он расширяет поле измерения и включает в себя оценки использования онлайн-услуг по предоставлению правительствами информации гражданам, электронного консультирования, обратной связи (он-лайн обсуждения, опросы, предоставление петиций

и т.д.) и участие граждан в процессах принятия решений и проектировании вариантов политики (голосование).

Что касается электронной демократии, то в этом аспекте лидируют Нидерланды, Южная Корея, Уругвай, Франция, Япония, Великобритания. Австралия, Чили, Соединенные Штаты Америки и Сингапур. РФ занимает 32 место и соседствует с Монголией, Норвегией, Китаем, Ирландией. **Наиболее развитыми в РФ считается электронная правительственная информация (81,48%).** Этот параметр оценивает наличие архивной информации (отчетов по разным сферам и юридические документы) и статистической отчетности. Возможность голосования находится на среднем уровне (66,67%), а возможность консультации – на низком (36,36%). Последнее показывает отсутствие возможности: консультации по проблемным вопросам в некоторых сферах, обмена мнениями, направления предложений по улучшению среды проживания, мнения о первоочередности решения проблем, получение обратной связи о действиях правительства или работы их сервисов путем электронных опросов. Этот аспект связан, прежде всего, с низким представительством правительства в социальных сетях.

Надо сказать, что общий вывод, к которому пришли исследователи, заключался в том, что правительства большинства стран предоставляют возможность поиска нужной правительственной информации (включая отчетность), но менее половины стран предоставляют возможность общения граждан с правительством, высказывания своего мнения, что стабильно удерживает и снижает активность граждан в участии, управлении государством.

В качестве рецептов аналитики предлагают создавать новые формы сотрудничества и развивать культуру участия правительства в обсуждении проблем с гражданами. По их мнению, это возможно за счет создания независимых офисов или через независимые функции в существующих платформах, развитие самих средств и площадок участия граждан. Также необходимо расширять и цифровую

грамотность населения, создавать институциональные и законодательные рамки, чтобы достичь конфиденциальности и защиту информации.

Анализируя данное исследование, становится очевидным, большинство показателей перманентно оценивают возможности правительственных электронных средств взаимодействия, т.е. лишь частично отражают существующую реальность и в целом не раскрывают эффективность работы этих средств и степень заинтересованности граждан в их использовании.

В связи с характером индексов исследования из контура рассмотрения выпали достаточно важные проблемы, о которых говорят многие ученые теоретики. Так, Скотт Ларш (Lash, 2002) заявляет о проблемах стирания общих социальных норм и тенденциях их замены индивидуальными нормами, что подрывает основы голосования или процедуры реагирования правительств на определенные типы предложений, оценки населения. М. Постер (Poster, 1990) отмечает проблему разрушения правовой системы за счет стихийного распространения информации, и этот аспект также связан с деформациями во взаимодействиях правительства и населения.

Проблемами оценки степени развитости электронного правительства и электронного партнерства (участия) занимаются достаточно большое количество ученых. Рассмотреть все их точки зрения сразу не представляется возможным, но это свидетельствует о глобальном интересе к данной проблеме во всем мире. Мы остановимся только на некоторых важных исследованиях, которые позволяют описать поле изучаемых проблем.

Заслуживает внимание исследование развития информационного общества в государствах СНГ, проводимое Национальным информационным холдингом «Зерде» (Информационное общество в странах СНГ..., 2016). В нем были сгенерированы данные различных рейтингов (МСЭ, ООН, ВЭФ/INSEAD, Всемирного банка, а также было проведено экспертное исследование в странах: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казах-

стан, Кыргызстан, Молдова, РФ, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. По их данным РФ входит в группу лидеров по развитию информационного общества. Выше всего в России оценивается доступ к информации и знаниям, наращивание потенциала, доверие и безопасность при использовании ИКТ (5 баллов из 7). Чуть ниже показатели: развитость приложений во всех сферах жизни, роль органов государственного управления и всех заинтересованных сторон в содействии применению ИКТ, информационная и коммуникационная инфраструктура. Ниже всего оценивается благоприятность среды (около 4 баллов из 7). Если говорить об использовании ИКТ в различных сферах, то научная деятельность, образование и здравоохранение обеспечены хорошо, коммерция в меньшей степени. Электронная занятость, содействие сохранению окружающей среды, сельское хозяйство обеспечены в меньшей мере. На последнем месте по степени развитости расположено электронное государственное управление (3 балла из 7), но показатели РФ выше, чем средние по исследуемому пространству. В исследовании также отмечается особенность положения РФ, ее многосубъектность, что делает необходимым исследовать эти проблемы в каждом регионе в отдельности, тем более с учетом того, что все регионы РФ включены в государственную программу «Информационное общество (2011-2020 годы)». Для наращивания благоприятной среды аналитики отмечают необходимость жесткой государственной политики, которая должна достигаться за счет скоординированной деятельности федеральных органов и органов исполнительной власти субъектов РФ, а также органов местного самоуправления. Среди тормозящих факторов называются следующие: отсутствие внятной политики в сфере ИКТ, рекомендательный характер федеральных решений для региональных органов, отсутствие координации регионов с центром по этому вопросу, отсутствие внятной системы мониторинга развития ИКТ, противоречия региональной и федеральной политики, отсутствие в регионах органа, отвечающего за этот блок, размытость

бюджета на реализацию этих программ, неразвитость нормативной базы на муниципальном уровне по вопросам ИКТ.

Особое внимание в этом исследовании было уделено проблеме развития человеческого капитала. Представленные данные указывают на то, что в правительственных программах нет указаний на мероприятия по повышению компьютерной грамотности населения и речь идет не только о технической стороне дела, но и об информационной.

Для проверки качественных аспектов работы электронного правительства с гражданами проводятся исследования внутри различных стран или местных правительств. Так, к примеру, исследование Джие Гао посвящено выявлению удовлетворенности местного самоуправления в г. Фошань провинции Гуандун Китая (Gao, 2012). Ученые обнаружили, что средний уровень удовлетворенности граждан 5,11 баллов (из 10 баллов), что является «приемлемым уровнем». Также граждане удовлетворены имиджем и возможностями правительства (5,6-5,8), справедливостью закона (5,73), эффективностью государственной служб (5,64) и честностью государственных служащих (5,62), а меньше удовлетворены их доходами (4,90), возможностями трудоустройства (4,99) и социального порядка (4,76). В ходе исследования Джие Гао также стало известным, что полученная информация об удовлетворенности граждан используется в двух основных направлениях: руководство города использует информацию для поддержания существующей политики и включает актуальные тематики в свои выступления, а должностные лица ведомств используют эту информацию для улучшения качества предоставления услуг. Т.е. исследователи зафиксировали неодинаковую реакцию различных представителей органов власти и управления на обратную связь с гражданами. Однако, эту связь признают, как необходимую на разных правительственных этажах, поэтому разрабатываются новые механизмы коммуникации в виде конгресс-совещаний, писем с жалобами и т.д.

Другое исследование было проведено Nai-Ling Kuo (Kuo Nai-Ling, 2012) в г. Нью-

Тайбэе, Тайвань. Оно было посвящено проблеме использования мнения граждан относительно эффективности различных правительственных программ для принятия решения о дальнейшем распределении правительственного бюджета. Авторы обнаружили, что низкий уровень удовлетворенности граждан не обязательно приводит к сокращению бюджета. Само бюджетное распределение опосредовано скорее политическим предпочтением избранного мэра и внутренними характеристиками программы. Подобного рода исследования позволяют оценивать качественные параметры взаимодействия правительств с гражданами, а не потенциальные возможности технико-технологических средств.

Их коллеги (Hung Mei Jen, 2012) оценили практику использования электронного правительства на Тайване и обнаружили, что, несмотря на высокие позиции Тайваня, в международных рейтингах правительство не использует эти технологии для понимания потребностей граждан и их удовлетворения. Основная причина такой ситуации видится в ограничении роли IT специалистов в этом направлении, а также боязнь рисков среди государственных служащих.

Кристофер Реддик (Reddick, 2005) в своей статье описал другой аспект рассматриваемой проблемы. Он эксплицировал ряд исследований, касающихся эффективности взаимодействия граждан с электронным правительством штатов Америки. Эти исследования рассматривают проблему оценки электронного правительства с точки зрения эффекта, которые получали граждане. В итоге было зафиксировано, что в целом электронное правительство выполняет две функции – информирование граждан и предоставление электронных услуг, при этом первое доминирует над вторым. Далее внимание авторов было приковано к изучению портрета пользователей, которые являются потенциальными и реальными потребителями этих услуг. Оказалось, эта информация позволяет правительству «продавать» свои политические инициативы гражданам, что повышает у последних удовлетворенность таким взаимодействием.

Исследование, проведенное в Испании (Cegarra-Navarro, Cyrdoba Pachyn, Cegarra, 2012), позволяет рассмотреть еще один аспект, касающийся оценки эффективности электронного правительства. Группа испанских ученых обнаружила факторы, способствующие установлению доверительных отношений между местными властями и гражданами при онлайн взаимодействии (посредством веб-сайтов). Было исследовано 179 испанских официальных городских сайтов (веб-сайты в муниципалитетах). **На основе полученных данных они пришли к выводу, о том, что электронное правительство не может заменить прямого общения, но эти технологии позволяют расширять репертуар взаимодействия.** Прежде всего, авторы обнаружили узкое место, тормозящее развитие e-Government в Испании и оно, как ожидалось, находится на уровне муниципалитетов. Пока что развитие проектов муниципальных электронных правительств происходит разрозненно, они не интегрированы в общую государственную систему. Помимо этого, на информационных порталах размещается недостаточное количество открытых данных для привлечения граждан к онлайн взаимодействию. Авторы убедились, что разработку и исполнение электронной платформы стоит отдать в ведение частного сектора, что повысит доверие граждан к информации и возможностям пользоваться электронными услугами. Это также поможет изучить мнения граждан, проводить опросы, т.к. снимутся психологические барьеры зависимости от власти. Также, по мнению авторов исследования, участие граждан в таких взаимодействиях должно базироваться на развитых компетенциях населения в области ИКТ. Создание эффективной системы взаимодействия компетентных пользователей позволит не только вертикально интегрировать правительство, но и горизонтально связывать различные департаменты и местные органы власти между собой, повысить общую информированность граждан о делах в Испании и на местах, в частности.

Плюс испанские исследователи зафиксировали проблему создания стратегии комму-

никации, которые реализуются на муниципальных веб-сайтах. Сайты не должны быть декоративными, а должны содержать актуальную и релевантную информацию и возможности. Поскольку электронное правительство напрямую зависит от степени мотивации государственных служащих в этом виде взаимодействия, то важно проводить оценки уровня этой мотивации, а также проверку знаний о возможностях платформы с которой они работают.

Мы также согласимся с итоговым выводом испанцев, которые констатируют, что макро-исследования развития электронного правительства дают не вполне достоверную информацию, поэтому нужно изучать этот вопрос на микроуровне – уровне муниципалитетов и отдельных сервисов, от себя добавим, при помощи рационально-познавательных процедур, с последующей разработкой социотехнических технологий обратной связи с максимальным вовлечением в эти процессы широкого круга стейкхолдеров (заинтересованных сторон). В этом ключе отдельно скажем про деятельность Центра социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН (Институт социологии РАН), который уже не первый год проводит гражданскую экспертизу властно-управленческой вертикали, измеряет различные уровни ожиданий и оценки населения в отношении деятельности различных звеньев вертикали, её способности отвечать на внутренние и внешние вызовы. В ближайшей перспективе Центр наметил проведение исследования процессов электронизации отечественной властно-управленческой вертикали, дабы развеять мифы об уникальной приоритетности технико-технологической части этого процесса над социальными отношениями.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). В данной статье мы не будем подробно останавливаться на аспектах формирования и трансформации российской ВУВ. Скажем только несколько слов о её истоках и нынешнем состоянии, чтобы лучше понимать о возможностях, а также проблемах воспроизводства и интеграции социотехнических технологий обратной

связи на различных этажах властной вертикали.

Начало реформирования датируется 2000 годом и связано с приходом В. В. Путина, когда был объявлен запуск реформы государственного управления, взят курс на усиление властной вертикали и достижение эффективности в работе государственных служб. Сегодня вертикаль стала не только реальным инструментом государственной власти, но и воплощением модели организации социально-политического взаимодействия власти и населения, в котором реализуются политические технологии, информационно-технологические проекты («электронное правительство»).

На базе и в околосредовом пространстве ВУВ формируются новые социальные институты и организации. Мы их называем локальности или «системы с управлением» (А.В. Тихонов), в которых выделяются орган управления, субъект, объект, средства, результаты в их совокупной внутренней и средовой обусловленности. И конечно, в таких локальностях главным механизмом поступательной коэволюции становятся обратные связи, вернее технологии обратной связи, призванные обеспечивать рационально-обоснованное поступательное развитие социальных систем с управлением.

К сожалению, при помощи реформирования ВУВ (продолжается и по сегодняшний день), имевшее не системный и рациональный характер, а скорее локальные и стихийные видоизменения государственной практики управления, так и не удалось преодолеть бич российской системы управления, а именно пресловутый синкретизм власти, собственности и управления. Не помогла и панацея – информационные технологии, которые, по мнению некоторых мягко скажем оптимистов, должны были, как волшебная палочка восстановить разрушенные институты российского общества и государства.

Укоренившийся триодный синкретизм можно отождествлять сегодня с понятием власти, а также государства, в котором функции власти подменяют подлинные функции управления, в результате чего доминирующими константами во взаимодействии государства и

гражданского общества становятся деформации и дисбаланс. Это наглядно выражается в постоянных конфликтах и недовольствах населения в отношениях с властью, в отчуждении граждан от реальных процессов управления, в нормотворческих отписках чиновников на жалобы и предложения по решению социально-значимых и жизненных проблем конкретных людей. Т.е. каналы обратной связи сегодня скорее выражены и отождествляются с инструментами электронной бюрократии, т.к. все формы обращений постепенно переводятся в электронный формат взаимодействия, а влияние граждан на решение властей остается без изменения, т.е. крайне незначительным. Об этом в своих работах пишут Богданов В. С., Волошинская А. А., Качановски И. и др. (Богданов, 2017; Волошинская, 2016; Katchanovski, Porte, 2005) Такие перспективы заставляют по-иному взглянуть на радужные надежды и перспективы за счет информационных технологий решить разом все вопросы воспроизводства новых работающих институтов и современных организационных форм управления.

Несмотря на множество недочетов в работе сложившейся российской ВУВ, мы должны считаться с тем, что имеем на сегодняшний день. Отечественной модели ВУВ, так или иначе, отводится главная роль в определении роли и социокультурном предназначении одной из четырех компонент социокультурной модернизации российских регионов – институционально-регулятивной компоненты.

О проблемах и перспективах цивилизационного прорыва в рамках социокультурной модернизации регионов и страны в целом детально говорится в работе исследовательского коллектива под руководством Н. И. Лапина «Атлас модернизации России и ее регионов» (Атлас модернизации России и ее регионов..., 2016). Хотя авторы данной работы и не проводили связи между ВУВ и институционально-регулятивной компонентой, но четко обозначили необходимость скорейшей реализации классического принципа разделения на исполнительную, законодательную и судебную

власть. Пока же в российской практике мы можем чаще наблюдать тенденции разделения на федеральную и региональную власть, закрытые формы реализации политических решений. Как нестранно, но перспектива на установление электронного управления (e-Governance) как на новые формы сотрудничества, соучастия власти и население, а не очередной проект власти, возможна только при рационально-обоснованном управлении, при котором станет возможным разработка специальных коммуникативных целерациональных технологий обратной связи (Щербина, 2016).

Отдельно следует сказать, что, как и феномен ВУВ, феномен «обратной связи» сегодня находится под пристальным вниманием зарубежных и отечественных исследователей (Россия: реформирование властно-управленческой вертикали..., 2017; Davies, 2015; Jho, Song, 2015; Kreiss, 2015). Он может в равной степени относиться и к социологии коммуникаций, и к социологии управления, а также к ряду дисциплин, использующих современную методологию исследований для научно-обоснованной экспликации данного явления, процесса. На теоретическом уровне феномен обратной связи больше изучается в социально-философском аспекте, в традициях кибернетики (кибернетический подход на принципах двойной обратной связи, витки (кольца) обратной связи), а в теориях среднего уровня при помощи традиционных методов, как в контексте социально-политических исследований (гражданское участие) (Clarke, 2010; Leightinger, 2014; Pautz, 2010), так и в социологических – социальное участие (Дридзе, 1995; Bakardjieva, 2009; Komito, 2007; Macintosh, 2004; Tundjungsari, Istiyanto, Winarko, Wardoyo, 2011).

В условиях массовой электронизации управления в обществе все более актуальным становится использование методологии онлайн-исследований (ИНАБ № 1, 2012; ИНАБ № 2, 2012), которая позволяет наряду с традиционными методами исследований более точно и быстро, в диагностическом режиме, проводить локализацию проблемы, получать наиболее объективные данные для анализа и

экспликации быстротекущих социальных процессов в практике управления.

К сожалению, можно констатировать, что современные исследовательские практики сегодня слабо интегрированы в практики управления, и еще в меньшей степени они используются для организации процесса обратной связи при построении работы всех звеньев властно-управленческой вертикали. В мировой практике управления задачи организации обратной связи населения с органами государственной власти скорее номинально зафиксированы в моделях построения электронного правительства (e-Government), представляющие собой системы интерактивного взаимодействия государства и граждан при помощи Интернета (новые модели государственного управления), преобразующие традиционные отношения граждан и властных структур на основе информационных технологий. Однако в концепциях электронных правительств наблюдается скорее тренд «информационного обмена» в технократических традициях, чем реальная организация обратной связи государства и населения, что собственно доказывают результаты исследований наших иностранных коллег, к которым мы обратились и представили в этой статье.

Наряду с элементами модели электронного правительства в России активно внедряются конкретные интеграционные механизмы реализации практик современной электронной демократии, формирующие общественно-политические настроения и поведение пользователей, а также способствующие трансляции определенных взглядов и мнений активной части населения при помощи современных ИКТ. Инфосоциотехнологическая платформа «электронной демократии» (Чеботарева), подразумевающая возможности граждан принимать участие в решении проблем управления, включает следующие наиболее распространенные инфосоциокоммуникативные инструменты и площадки: электронное голосование (голосование через портативные устройства, ИК-системы Интернет-выборов и т.д.); механизмы сетевой коммуникации граждан и коллективного обсуждения социально значимых

проблем и вопросов общественно-политической тематики в режиме on-line; механизмы формирования сетевых онлайн сообществ, включая планирование и реализацию гражданских инициатив и проектов коллективных действий; механизмы сетевой коммуникации граждан с органами власти, включая инструменты влияния на принятие решений и гражданский контроль за деятельностью органов власти. Все эти механизмы управленческой регуляции социально-политических отношений бесспорно инновационны по своему назначению. Однако они имеют пока не упорядоченный управленческий характер субъект-субъектных отношений управления, а более стихийный и не организованный характер субъектно-объектного воздействия при помощи ИКТ и ИК-практик в схеме социального противостояния «мы/пользователи – они/электронное правительство», «граждане/пользователи – чиновничий беспредел/ИК-бюрократия», «радикальная оппозиция/блоги и порталы – авторитарное государство/сервисы и порталы».

Наряду с электронным правительством и электронной демократии возник и термин «мягкая политика» (англ. soft power), который был введен американским исследователем Дж. Наем-мл. (Аналитические доклады..., 2013), собрал вокруг себя широкую дискуссию. По мнению исследователей из МГИМО, данный термин следует рассматривать в качестве реальных ресурсов, которыми обладает страна, главный из которых – цифровые технологии. В развитых зарубежных странах значение «мягкой политики» возрастает с каждым днем (CIDEMO_net..., 2006; Kriplean, Beschastnikh, Borning, McDonald, Zachry, 2009; Macintosh, 2004), в то время как в России не хватает ресурсов для достижения уровня нормального развития. Но кто определяет эти критерии, какой дисциплинарный подход способен объяснить сам феномен и то, как его измерять? По этим вопросам исследователям пока не удалось прийти к общему мнению и дать ответы на поставленные вопросы.

Заключение (Conclusions). Говоря о проектах «электронная демократия», «электронное правительство», «мягкая сила», можно

предположить, что синтез политических технологий с информационными технологиями недостаточен для реальной организации обратной связи населения и органов власти и управления, так как здесь речь идет скорее о реализации тех проектов власти, которые осуществляются на принципах технологического детерминизма и скорее в целях одного субъекта, либо власти, либо населения. Необходимо по-другому организовывать процесс обратной связи, конструировать социокоммуникативное пространство управления, опираясь на специальные данные дистанционных и традиционных исследований. Нужно диагностировать не только крупные региональные, но и локальные жизненные проблемы, включать экспертов и население в разработку управленческих решений при помощи специальных социально-коммуникативных (Дридзе Т.М.) (Дридзе, 1995) и коммуникационных целерациональных технологий (Щербина В.В.) (Щербина, 2016) на основе знаний социальных наук. Прежде необходимо разработать и апробировать методологию инфосоциотехнической дистанционной технологии, при помощи которой можно было бы выявлять не только социальные проблемы, но и активные социальные группы, которые готовы к участию в разработке и принятии управленческих решений (Жаворонков А. В.) (Жаворонков, 2007), а также к построению единого «социального тела» (Тихонов А. В.) (Тихонов, 2007) относительно локализованных и эксплицированных проблем.

Список литературы

1. Аналитические доклады. Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России // Выпуск 1(36). М.: МГИМО – Университет, 2013.
2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. чл.-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016. 360 с.
3. Белоусов А. Генезис и трансформация одной политической метафоры // Свободная мысль. 2007. № 6 (1577). С. 23-36.
4. Богданов В. С. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы: монография / В.С. Богданов; отв. ред. А.В. Тихонов. М.: Университетская книга, 2017. 320 с.
5. Бызов Л. Г., Петухов В. В. Власть и общество: между консолидацией и недовольством // Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир, 2016. С. 109-129.
6. Волошинская А. А. «Электронное участие» в России: новый инструмент взаимодействия государства и общества или электронная потемкинская деревня? // Информационное общество. 2016. Вып. 1. С. 40-47.
7. Гидденс Э. Непокойный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем?: пер. с англ. М.: Дело, 2015. 238 с.
8. Дридзе Т. М. Человек в городском пространстве: социально-коммуникативные механизмы и социальное участие в формировании городской среды // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 4 (5). С. 20-27.
9. Жаворонков А.В. Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений, 1967-2004. М.: «Вершина», 2007. 569 с.
10. ИНАБ № 1 – 2012. Конкурентоспособность отечественных ИТ-компаний (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс] // М.: Институт социологии РАН, 2012. 53 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_01 (дата обращения: 13.11.2017.).
11. ИНАБ № 2 – 2012. Наукограды в кризисной ситуации (по материалам интерактивного исследования) [Электронный ресурс] // М.: Институт социологии РАН, 2012. 45 с. URL: http://www.isras.ru/inab_2012_02.html (дата обращения: 19.11.2017).
12. Информационное общество в странах СНГ: анализ развития информационного общества в государствах – участниках СНГ по приоритетным направлениям Плана действий Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Астана, 2016. URL: <http://www.zerde.gov.kz/upload/iblock/9d6/bookrussian.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).
13. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017.
14. Тихонов А. В. Социология управления. Издание 2-е, доп. и перераб. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
15. Тихонов А. В. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 66-84.

- 16.Тихонов А. В., Богданов В. С., Гусейнова К. Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2017. № 1. С. 101-123.
- 17.Чеботарева А. А. Механизмы электронной демократии: возможности и проблемы их реализации в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации. URL: http://www.scli.ru/periodicals/%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%203-2012/12_%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 19.11.2017).
- 18.Щербина В. В. Целеформирующие и целеобеспечивающие рационализирующие социальные технологии // *Социологические исследования.* 2016. № 4. С. 50-58.
- 19.Bakardjieva M. Subactivism: lifeworld and politics in the age of the internet. *The Information Society.* Taylor and Francis. 2009. Vol. 25, № 2. Pp. 91-104.
- 20.Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society.* New York: Basic Books, 1978.
- 21.Castells M. *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture.* Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 2-ed., 2004.
- 22.Cegarra-Navarro J. G., Cyrdoba Pachyn J. R., Cegarra J. L., E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities // *International Journal of Information Management,* 2012. Vol. 32. Pp. 469-478.
- 23.CIDEMO_net: Demo_net Deliverable 5.1: Report on current ICTs to enable participation / ed. Thorleifsdottir A., Wimmer M., DEMO-net Consortium. 2006.
- 24.Clarke A. *Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy.* Ottawa, Canada, Library of Parliament, 2010.
- 25.Clift S. *E-Governance to E-Democracy: Progress in Australia and New Zealand toward Information-Age Democracy* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.publicus.net/articles/aunzedem.html> (дата обращения: 24.11.2017).
- 26.Davies R. *e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation / European Parliamentary Research Service.* 2015.
- 27.Gao J. How Does Chinese Local Government Respond to Citizen Satisfaction Surveys? A Case Study of Foshan City // *The Australian Journal of Public Administration.* 2012. Vol. 71, № 2. Pp. 136-147.
- 28.Hai and Ibrahim J.C. *Fundamental of Development Administration.* Selangor: Scholar Press, 2007.
- 29.Hung M. J. Building Citizen-centred E-government in Taiwan: Problems and Prospects // *The Australian Journal of Public Administration.* 2012. Vol. 71, № 2. Pp. 246-255.
- 30.Jho W., Song K.J. Institutional and technological determinants of civil e – participation: Solo or duet? // *Government Information Quarterly.* 2015. № 32. Pp. 488-495.
- 31.Katchanovski I., Porte T. Cyberdemocracy or Potemkin E-Villages? *Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries* // *International Journal of Public Administration.* 2005. № 68. Pp. 665-681.
- 32.Komito L. Community and inclusion: The impact of new communications technologies // *Irish Journal of Sociology.* 2007. Vol. 16, № 2. Pp. 77-96.
- 33.Kreiss D. The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy // *Social Media + Society.* 2015. Pp. 1-11.
- 34.Kriplean T., Beschastnikh I., Borning A., McDonald D.W., Zachry M. Designing Mediating Spaces Between Citizens and Government // *Socially Mediating Technologies Workshop at the ACM 2009 SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI'09).* 2009.
- 35.Kuo N-L. Citizen Dissatisfaction Leads to Budget Cuts, or Not: A Case Study of a Local Taiwanese Government // *The Australian Journal of Public Administration.* 2012. Vol. 71, № 2. Pp. 159-166.
- 36.Lash S. *Critique of Information.* London: Sage Publications, 2002.
- 37.Leighninger M. *Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should Citizens And Public Managers Use Online Tools To Improve Democracy?* *National Civic Review.* 2014. Pp. 20-29.
- 38.Lendra C., Palvia I., Sharma S.S. *E-Government and E-Governance: Definitions / Domain Framework and Status around the World* [Электронный ресурс] // *Foundations of E-government. Computer Society of India.* Retrieved. 2003. URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (дата обращения: 24.11.2017).
- 39.Macintosh A. *Characterizing E-Participation in Policy-Making.* *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences.* Track 5, Hawaii USA, January 5-8, 2004. Pp. 1-10.

40. Masuda Y. *The Information Society as Postindustrial Society*. Wash.: World Future Soc., 1983.

41. McKenna A. *Human Right to Participate in the Information Society*. New York: Hampton Press, 2011.

42. Pautz, H. *The Internet, Political Participation and Election Turnout* // *German Politics & Society*. 2010. Vol. 28, № 3. Pp.156-175.

43. Reddick C.G. *Citizen interaction with e-government: From the streets to servers?* // *Government Information Quarterly*. 2005. Vol. 22. Pp. 38-57.

44. Shai P. M. *The Mode of Information: Post-structuralism and Social Context*. Cambridge: Polity Press, 1990.

45. Shailendra C., Palvia J., Sharma S.S. *E-Government and E-Governance: Definitions / Domain Framework and Status around the World [Электронный ресурс]* // *Foundations of E-government*. Computer Society of India. Retrieved. 2003. URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (дата обращения: 24.11.2017).

46. Tundjungsari V., Istiyanto J.E., Winarko E., Wardoyo R. *E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making Supplement Purpose* // *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*. 2011. Vol. 3, № 5. Pp. 55-62.

47. United Nation *E-government Survey 2014. E-Government for the Future We Want [Электронный ресурс]* // Printed at the United Nations. New York. URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (дата обращения: 24.11.2017).

References

1. *Analiticheskie doklady. Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO (U) MID Rossii* [The analytical reports. Institute of international studies MGIMO (University) MFA Russia] (2013), MGIMO, 1 (36), Moscow, Russia. (In Russian).

2. *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy: kollektivnyy nauchnyy trud* [Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and issues: collective scientific work] (2016), in Lapin, N. I. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia, 360. (In Russian).

3. Belousov, A. (2007), "The Genesis and transformation of a political metaphor", *Svobodnaya mysl'*, 6 (1577), 23-36. (In Russian).

4. Bogdanov, V. S. (2017), *Elektronnoe upravlenie v obshchestve: sotsial'nye i poznavatel'nye problemy: monografiya* [E-governance in society: social and cognitive problems] in Tikhonov, A. V. (ed.), Universitetskaya kniga, Moscow, Russia, 320. (In Russian).

5. Byzov, L. G., Petukhov, V. V. (2016), *Vlast' i obshchestvo: mezhdru konsolidatsiy i nedovol'stvom. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga tret'ya* [Power and society: between consolidation and dissatisfaction. Russian society and the challenges of time. The 3rd book], in Gorshkov, M. K., Tikhonova, N. E. (ed.), Ves' Mir, Moscow, Russia, 109-129. (In Russian).

6. Voloshinskaya, A. A. (2016), "Electronic participation in Russia: new instrument of interaction between the state and society or e-Potemkin village", *Informacionnoe obshchestvo*, 1, 40-47.

7. Giddens, E. (2015) *Nespokoynnyy i mogushchestvennyy kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and mighty continent: what awaits Europe in the future?], Translated by Delo, Moscow, Russia, 238. (In Russian).

8. Dridze, T. M. (1995), "A human in the urban space: the social and communicative mechanisms and social participation in shaping the urban environment", *Mir psikhologii i psikhologiya v mire*, 4 (5), 20-27. (In Russian).

9. Zhavoronkov, A. V. (2007), *Rossiyskoe obshchestvo: potreblenie, kommunikatsiya i prinyatie resheniy, 1967-2004* [Russian society: consumption, communication, and decision-making, 1967-2004], Vershina, Moscow, Russia, 569. (In Russian).

10. *Konkurentosposobnost' otechestvennykh IT-kompaniy (po materialam interaktivnogo issledovaniya)* [The competitiveness of domestic IT companies] (2012), INAB 1 [Electronic], Institute of Sociology RAS. (In Russian).

11. *Naukogrady v krizisnoy situatsii (po materialam interaktivnogo issledovaniya)* [Science cities are in a crisis situation] (2012), INAB 2 [Electronic], Institute of Sociology RAS. (In Russian).

12. *Information society in the CIS countries: analysis of information society development in the participating States of the CIS the priority areas of the Plan of action of the world summit on the information society* (2016), Astana, available at: <http://www.zerde.gov.kz/upload/iblock/9d6/bookrussian.pdf> (Accessed 19 November 2011). (In Russian).

13. *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontekste problem*

sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov [Russia: reform of the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of regions], (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISC RAS, Moscow, Russia, 546. (In Russian).

14. Tikhonov, A. V. (2007), *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management], «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, Russia, 472. (In Russian).

15. Tikhonov, A. V. (2014), “The experience of sociological and cultural studies of the problems of reforming the power-management vertical”, *Vestnik Instituta Sotziologii*, 10, 66-84. (In Russian).

16. Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. and Guseynova, K. E. (2017) “Civil Online Examination of the Work of Regional Management Systems in the Context of Socio-Cultural Modernization Processes in the Region”, *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 1, 101-123. (In Russian).

17. Chebotareva, A. A. “Mechanisms of e-democracy: opportunities and problems of their realization in the Russian Federation”, The scientific center of legal information under the Ministry of justice of the Russian [Online], available at: http://www.scli.ru/periodicals/%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%203-2012/12_%D1%87%D0%B5%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (Accessed: 19 November 2017). (In Russian).

18. Shcherbina, V. V. (2016), “Goal-forming and goal-rationalizing social technologies”, *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, 4, 50-58. (In Russian).

19. Bakardjieva, M. (2009), “Subactivism: life-world and politics in the age of the internet”, *The Information Society. Taylor and Francis*, 25 (2), 91-104.

20. Bell, D. (1978), *The Coming of Post-Industrial Society*, Basic Books, N.Y., USA, 507.

21. Castells, M. (2004), *The Power of Identity. The Information Age: Economy, Society and Culture*, Blackwell, Oxford, UK, 2-ed., 584.

22. Cegarra-Navarro, J. G., Cyrdoba Pachyn, J. R. and Cegarra, J. L. (2012), “E-government and citizen's engagement with local affairs through e-websites: The case of Spanish municipalities”, *International Journal of Information Management*, 32, 469-478.

23. Clarke, A. (2010), *Social media: 4. Political uses and implications for representative democracy*, Library of Parliament, Ottawa, Canada.

24. CI DEMO_net: *Demo_net Deliverable 5.1: Report on current ICTs to enable participation in*

Thorleifsdottir A., Wimmer, M. (ed.), DEMO-net Consortium, 2006.

25. Clift, S. *E-Governance to E-Democracy: Progress in Australia and New Zealand toward Information-Age Democracy* [Online], available at: <http://www.publicus.net/articles/aunzedem.html> (Accessed: 24 November 2017).

26. Davies, R. (2015), *e-Government: Using technology to improve public services and democratic participation*, European Parliamentary Research Service.

27. Gao, J. (2012) “How Does Chinese Local Government Respond to Citizen Satisfaction Surveys? A Case Study of Foshan City”, *The Australian Journal of Public Administration*, 71 (2), 136-147.

28. Hai and Ibrahim, J. C. (2007), *Fundamental of Development Administration*, Scholar Press, Selangor.

29. Hung, M. J. (2012) “Building Citizen-centered E-government in Taiwan: Problems and Prospects”, *The Australian Journal of Public Administration*, 71 (2), 246-255.

30. Jho, W., Song, K. J. (2015), Institutional and technological determinants of civil e – participation: Solo or duet?, *Government Information Quarterly*, 32, 488-495.

31. Katchanovski, I., Porte, T. (2005), “Cyberdemocracy or Potemkin E-Villages? Electronic Governments in OECD and Post-Communist Countries”, *International Journal of Public Administration*, 68, 665-681.

32. Komito, L. (2007), “Community and inclusion: The impact of new communications technologies”, *Irish Journal of Sociology*, 16 (2), 77-96.

33. Kreiss, D. (2015), “The Problem of Citizens: E-Democracy for Actually Existing Democracy”, *Social Media + Society*, 1-11.

34. Kriplean, T., Beschastnikh, I., Borning, A., McDonald, D. W. and Zachry, M. (2009), *Designing Mediating Spaces Between Citizens and Government, Socially Mediating Technologies Workshop at the ACM 2009 SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI'09)*.

35. Kuo, N-L. (2012), “Citizen Dissatisfaction Leads to Budget Cuts, or Not: A Case Study of a Local Taiwanese Government”, *The Australian Journal of Public Administration*, 71 (2), 159-166.

36. Lash, S. (2002), *Critique of Information*, Sage Publications, London, UK.

37. Leighninger, M. (2014), “Citizenship And Governance In A Wild, Wired World: How Should

Citizens And Public Managers Use Online Tools To Improve Democracy?”, *National Civic Review*, 20-29.

38. Lendra, C., Palvia1, J. and Sharma, S. S. (2003), “E-Government and E-Governance: Definitions. Domain Framework and Status around the World”, Foundations of E-government. Computer Society of India. Retrieved [Online], available at: URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (Accessed: 24 November 2017).

39. Macintosh, A. (2004), “Characterizing E-Participation in Policy-Making”, *Proceedings of the 37th Hawaii International Conference on System Sciences*, Track 5, Hawaii, USA, 1-10.

40. Masuda, Y. (1983), *The Information Society as Postindustrial Society*, World Future Soc., Wash., USA.

41. Mckenna, A. (2011), *Human Right to Participate in the Information Society*, Hampton Press, New York, USA.

42. Pautz, H. (2010), *The Internet, Political Participation and Election Turnout*, German Politics & Society, 28 (3), 156-175.

43. Reddick, C. G. (2005), “Citizen interaction with e-government: From the streets to servers?”, *Government Information Quarterly*, 22, 38-57.

44. Shailendra, C., Palvia1, J. and Sharma, S. S. “E-Government and E-Governance: Definitions. Domain Framework and Status around the World”, Foundations of E-government. Computer Society of India. Retrieved [Online], available at: URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (Accessed: 24 November 2017).

45. Shai, P. M. (1990), *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*, Polity Press, Cambridge, UK.

46. Tundjungsari, V., Istiyanto, J. E., Winarko, E. and Wardoyo, R. (2011), “E-Participation Modeling and Developing with Trust for Decision Making

Supplement Purpose”, *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 3 (5), 55-62.

47. United Nation E-government Survey 2014. *E-Government for the Future We Want* [Online], available at: URL: http://unpan3.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf (Accessed: 24 November 2017).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Гусейнова Ксения Эльдаровна, младший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Почестнев Александр Анатольевич, кандидат социологических наук, начальник отдела Московского авиационного института.

Vladimir S. Bogdanov, Ph.D. in Sociology, Senior researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Ksenia E. Guseynova, Junior researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Aleksandr A. Pochestnev, Ph.D. In Sociology, the head of department, Moscow aviation institute

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-51-59

Шилова В. А.

**ИССЛЕДОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ АСПЕКТОВ
СПЛОЧЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ПОИСКОВОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Центр социологии управления и социальных технологий
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
vshilova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические и методологические подходы к исследованию групповой сплоченности/разобщенности. Под сплоченностью понимается качество состояния коллективного субъекта (общности, группы). Высокому уровню сплоченности присуще наличие групповой идеологии. Динамика самосознания группы тесно переплетена с саморазвитием отдельных индивидов. Повышение индивидуального самосознания ведет, как правило, к снижению сплоченности, проявлению разобщенности в социальном поле группы. Автор видит в настоящее время проблему в том, что высокий уровень групповой сплоченности, направленной на разрушение общественной системы, отдельных социальных институтов или других общностей, будет носить деструктивный характер, точно так же, как высокий уровень групповой разобщенности, в крайних своих проявлениях разрушающей коммуникативные связи, структуру социальных взаимодействий, ведущей к атомизации и хаосу. Необходимо понять, где находится предел такой сплоченности, чтобы она носила, с одной стороны, конструктивный характер, а с другой, – способствовала эффективной реализации инновационных и модернизационных процессов. В статье приводятся основания для классификации групп, описываются коммуникативные преграды (сбои, барьеры, разрывы), способствующие групповой разобщенности. Автор представляет методику коммуникативного анализа аспектов групповой сплоченности, выраженных в коммуникативных практиках на форумах в сети Интернет, разработанную и апробированную в ходе поискового исследования.

Ключевые слова: коммуникативные аспекты; сплоченность; разобщенность; групповая идеология; коммуникативные преграды; общность; группа; коммуникативные практики; методика коммуникативного анализа сплоченности.

Благодарность. Исследовательская работа ведется в рамках плановой темы ФНИСЦ РАН 2017 года «Социокультурная и институциональная обусловленность управленческих практик и доминирующие тенденции в развитии организаций», шифр № 0158-2014-0090, рук. Тихонов А.В.

Valentina A. Shilova

**RESEARCH OF COMMUNICATIVE ASPECTS OF COHESION:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
AND THE RESULTS OF THE BASIC RESEARCH**

Center for Management Sociology and Social Technology
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
vshilova@yandex.ru

Abstract. The article provides the main theoretical and methodological approaches to the study of group cohesion/ disunion. The cohesion is understood as quality of a condition of a collective

subject (communities, groups). The high level of cohesion is characterized by the existence of group ideology. The dynamics of group identity is closely bound with self-development of certain individuals. An increase of individual consciousness generally leads to decrease of unity, manifestation of disunion in the social field of the group. The author sees the problem is in a high level of group cohesion aimed to destruction of public system, separate social institutes or other communities will have a destructive nature just as a high level of group disunion, in the extreme manifestations, destroying communicative relations, structure of social interactions, leading to atomization and chaos therefore it is necessary to understand where there is "golden ratio", a facet of a such cohesion that on the one hand, it would has a constructive nature, and on the other hand promotes an effective realization of innovative and modernization processes. The article presents the grounds for classification of the groups, describes the communicative barriers (faults, barriers, gaps), promoting group disunion. The author represents a technique of the communicative analysis of cohesion aspects expressed in communicative practice at forums in the Internet developed and tested during the basic research.

Keywords: communicative aspects; cohesion; disunion; group ideology; communicative barriers; community; group; communicative practice; methods of communicative analysis of cohesion.

Введение (Introduction). Потребность исследования коммуникативных аспектов сплоченности/разобщенности в российском обществе назрела давно. Это вызвано прежде всего, с одной стороны, социальной напряженностью, возникающей в связи с расколом общества, повышенной конфликтностью, разобщенностью, атомизацией, с другой стороны, возникновением отдельных сплоченных групп, направленных на «протест ради протеста». С появлением новых технических средств (компьютеров, ноутбуков, планшетов, смартфонов), на базе которых формируются интерактивные площадки (форумы, социальные сети) для общения разнородных и разнонаправленных социальных групп, возникли коммуникативные механизмы сплоченности, требующие осмысления и научного анализа.

Прежде всего, перед нами стоит задача концептуализации и операционализации понятия коммуникативной сплоченности.

Методология и методы (Methodology and methods).

Теоретические подходы к определению сплоченности. Когда мы говорим о сплоченности, мы подразумеваем «качество, характеризующее состояние коллективного субъекта социальной активности – группы, общества» (Социологическая энциклопедия..., 2003: 576).

Для высокого уровня сплоченности характерно наличие общественной (групповой) идеологии или коллективного сознания. Карл

Маннгейм пишет о «коллективном бессознательном», через призму которого можно определять групповую сплоченность, его точка зрения заключается в том, что «бессознательное в такой же мере принадлежит к сфере социального измерения, как и сознательное» (Маннгейм, 2000: 58). Динамика самосознания группы тесно переплетена с саморазвитием отдельных индивидов. Повышение индивидуального самосознания ведет, как правило, к снижению сплоченности, проявлению разобщенности в социальном поле группы. Серж Московичи приписывал значимую роль коллективному сознанию в формировании сплоченности, по его мнению, оно «ломает барьеры, разделяющие людей, и объединяет умы и чувства, побуждая их сливаться воедино» (Московичи, 1998: 122). И наоборот, при ослаблении коллективного сознания «общие верования и чувства, подкрепляемые традицией, утрачивают интенсивность» (Московичи, 1998: 152).

Близкое к понятию сплоченности понятие «солидарность» впервые в социологию было введено О. Контом, а затем широко использовалось Э. Дюркгеймом (Дюркгейм, 1996). Понятие солидарности, на первой стадии, трактовалось, как естественное состояние общества, в котором из-за разделения общественного труда люди объективно нуждаются друг в друге. В дальнейшем это понятие получило новую трактовку – единение социальной общности, которую использовали К. Маркс и

марксисты. Третья интерпретация термина возникла в рамках теории рационального выбора, где солидарность трактовалась, как «феномен группового сознания и групповой динамики, основанных на идентификации индивидов с некоторой («своей») общностью» (Социологическая энциклопедия..., 2003: 439). В.А. Ядов выделил два важных аспекта солидарности: первый – характеризующий ощущение взаимосвязи «мы», второй – состояние готовности группы к действию (Ядов, 2013).

Виды сплоченности подразумевают наличие определенного для группы механизма ее формирования. В.В. Пашенко отмечает, что российский военачальник А.В. Суворов различал три вида сплоченности: инструментальную (благую), коммуникативную (кастовую) и механическую (гордую), которые были обозначены им, соответственно, как «панцирная чешуя благой брони духа сердечного», «панцирная чешуя кастовой брони духа сердечного», и «панцирная чешуя гордой брони духа сердечного». Третий из этих видов сплоченности влечет отрицательные последствия (Пашенко, 2014: 250).

Изучение сплоченности в той или иной степени затрагивалось в разных теоретико-методологических концепциях, изучающих социальные пространства, структуру общественных институтов, социальные движения.

К. Левин сделал вклад в изучение сплоченности своей концепцией психологического поля. Суть концепции заключается в том, что на поведение человека оказывает влияние окружающие его предметы. Важнейшими понятиями теории К. Левина стали энергия, напряжение, потребность, валентность, сила и вектор (Левин, 2000).

К сплоченности применимы понятия: уровень, вид, тип, форма, стадия.

Исследователями сплоченности большое внимание уделяется стадийной концепции. В ее основу легло представление об отдельных синхронных колебаниях сплоченности, что, по мнению Дж. Вико, О. Шпенглера, А. Тойнби, определяет цикличность социокультурной динамики всего общества.

Принято выделять четыре уровня сплоченности:

- механический (диффузный),
- психологический (экспрессивный),
- инструментальный (деятельностный)
- ценностный.

Сущность механической сплоченности состоит в формировании и использовании общего физического пространства жизни или деятельности (главным образом, территории).

Психологическую сплоченность порождают взаимно опривыченные эмоциональные контакты внутри группы, позволяющие ее членам более эффективно конструировать повседневную реальность (реальность «лицом к лицу»).

Инструментальная сплоченность состоит во взаимном опривычивании коллективами интеллектуальных алгоритмов деятельности.

Сущность ценностной сплоченности состоит в формировании общностью духовно-ценностного пространства, максимально рационализирующего их социальное время (Пашенко, 2014: 356).

Развитие внутригрупповых коммуникаций, организация информационных потоков внутри группы, может, с одной стороны, способствовать сплоченности, с другой стороны, в некоторых случаях приводит к разобщенности и распаду группы

Интересно взглянуть на сплоченность через призму социальной теории пространства потоков Мануэля Кастельса, данный взгляд позволит нам по-новому рассматривать коммуникативные аспекты сплоченности и разобщенности. В основе теории лежит утверждение влияния социальных процессов на пространство, они воздействуют на построение среды, унаследованной от прежних социопрограммных структур. По мнению М. Кастельса, «пространство есть кристаллизованное время» (Кастельс, 2000: 385). Практики информационной эпохи отличаются тем, что они лишены физической близости, но пространство сводит вместе те, которые осуществляются одновременно. Под потоками подразумеваются целенаправленные, повторяющиеся программы.

Пространство потоков образуют, как минимум три слоя материальной поддержки. Первый слой – цепь электронных импульсов,

сеть коммуникаций, которая является фундаментальной конфигурацией пространств, их технологической инфраструктурой. Второй слой состоит из узлов и коммуникационных центров – это реальные конкретные места, имеющие четкие социальные, культурные, физические и функциональные очертания. Узлы и коммуникационные центры в зависимости от их веса в сети имеют позицию в иерархии. Третий слой пространства потоков – это пространственные организации доминирующих менеджерских элит (Кастельс, 2000).

В рамках социологии знания исследователями предъявляются свои требования к рассмотрению групповой сплоченности. Ключевыми категориями здесь являются субъективная реальность, интернализация реальности, первичная и вторичная социализация.

Важным аспектом для понимания сути коммуникативной сплоченности является фрейминг и идеология. Под фреймом, вслед за О.Н. Яницким, мы подразумеваем общий взгляд на мир, который определяет цели и характер групповой сплоченности (Яницкий, 2013: 58).

Проблема настоящего времени заключается в том, что высокий уровень групповой сплоченности, направленной на разрушение общественной системы, отдельных социальных институтов или других общностей, будет носить деструктивный характер, точно так же, как высокий уровень групповой разобщенности, в крайних своих проявлениях разрушающей коммуникативные связи, структуру социальных взаимодействий, ведущей к атомизации и хаосу. Необходимо понять, где находится предел такой сплоченности, чтобы она носила, с одной стороны, конструктивный характер, а с другой, – способствовала эффективной реализации инновационных и модернизационных процессов.

Методологические подходы к измерению групповой сплоченности.

Адаптация социометрического подхода, предложенного Дж. Морено (Морено, 2001)

позволила измерять, на наш взгляд, лишь один из аспектов сплоченности, количественный показатель положительных коммуникативных предпочтений в группе. Оценка степени сплоченности рассчитывалась простым способом: если количество «положительных» связей в группе преобладало над количеством «отрицательных», то такая группа считалась сплоченной.

По методике Л. Фестингера (Festinger & Carlsmith, 1959), автора теории когнитивного диссонанса, сплоченность измерялась через призму частоты и прочности коммуникативных связей. В ходе исследования проводились замеры привлекательности группы для ее членов, степени удовлетворенности членством в группе, основные выводы о сплоченности группы делались на основании эмоциональной оценки ее членов.

Иначе подходит к изучению сплоченности Т. Ньюкомб (Newcomb, 1953), который вводит в свою исследовательскую концепцию сплоченности понятие «согласия». Он делает акцент на необходимости изучать схожесть реакций членов группы на значимые для них ценности.

Еще один вектор в исследовании коммуникативных аспектов сплоченности задал А. Бейвелас, который стал изучать особенности групповых целей. Он выделял группы с разными характеристиками сплоченности в зависимости от целей, которые они преследуют: операциональные (достижение продуктивной коммуникативной структуры) цели и символические (достижение индивидуальных целей членов группы).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Исследование¹ коммуникативных аспектов сплоченности/ разобщенности в разных социальных группах.

Для того, чтобы оценить практики, способствующие формированию коммуникативной сплоченности/разобщенности, а они имеют отличительные особенности в разных

¹В статье использованы результаты исследовательского проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», осуществленного при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-03784).

ченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», осуществленного при поддержке Российского научного фонда (грант № 14-18-03784).

типах групп, мы выделили основания для классификации, оказывающие влияние на сплоченность/разобщенность.

Основания для классификации групп.

Первое основание – численность группы. Чем меньше численность группы, тем проще при использовании определенных коммуникативных практик достигать сплоченности.

Второе основание – принцип групповой принадлежности (врожденный (например, раса) или приобретенный (государственная, территориальная принадлежность)).

Группы, объединенные территорией – жители одного дома, жители одной улицы, жители района, округа, населенного пункта (села, деревни, поселка), города, региона, страны. В зависимости от масштабов территории группы могут сильно различаться по числу индивидов, которых они объединяют. Основными признаками, общими для всех участников группы, будут территориальная принадлежность и коммуникативные практики, характерные для местных сообществ.

С. Московичи, вслед за Э. Дюркгеймом называет территориальную расположенность группы физическим объемом, который при уплотнении приводит к учащению контактов, и как следствие приводит к «моральной плотности», свойственной для сложных обществ. Наиболее высокая «моральная плотность» достигается на маленькой территории с большим скоплением населения, например, в городах; этому способствуют многочисленные коммуникативные каналы с высокой степенью передачи информации (Московичи, 1998: 152).

Исследователи города отводят коммуникации одну из главных ролей, называя ее каркасом урбанизационных процессов (Алексеева-Бескина, 2012).

Третье основание для классификации групп – цель сплоченности:

- Управленческая (организация совместной деятельности),
- Получение прибыли (бизнес организации, корпорации),
- Рекреативная (совместное времяпровождение, отдых),
- Познавательная (научные сообщества, обучение, познавательный туризм),

- Религиозная (поиск духовного совершенствования),
- Протестная (совместные протест),
- Защитная (профсоюзы),
- Лоббирование интересов группы,
- Благотворительная и другие.

Группы, объединенные схожими профессиями, имеют свой метаязык, профессиональный сленг, профессиональный юмор, свои ценности.

Четвертое основание – по доступности вступления в группу:

- Доступ по рождению,
- Доступ при достижении определенных достаточно высоких требований,
- Доступ при соблюдении правил группы,
- Доступ при уплате членских взносов,
- Доступ открыт для всех (без уплаты членских взносов).

Пятое основание – по характеру отношения к доминирующей культуре (культурные, субкультурные, контркультурные).

Шестое основание – по характеру взаимодействия (взаимодействие только tête à tête; только опосредованное коммуникативными средствами; смешанная коммуникация).

Кроме того, мы можем выделить по составу гомогенные и гетерогенные группы. Гомогенные (однородные) группы состоят из членов со схожими одной, несколькими или множественными характеристиками. Например, это могут быть группы, состоящие только из мужчин или женщин, возрастные группы, социальные группы (студенты, пенсионеры) Могут быть однородными характеристики социально-демографические, социокультурные, психологические, внешние данные. Например, группа «барби», объединяющая девушек, стремящихся походить на одноименную куклу. Чем больше характеристик совпадает среди участников группы, тем больше вероятность достижения ими высокой степени сплоченности. Гетерогенные группы состоят из несхожих индивидов.

Коммуникативные преграды, препятствующие достижению коммуникативной сплоченности.

Первое, самое простое, это коммуникативные сбои. Они происходят в том случае, когда существуют языковые нестыковки (смысловое непонимание). Например, если мы на стройку отправим кандидата технических наук и он, используя технические термины, будет объяснять бригаде, что нужно, как переместить и поставить, под каким углом, радиусом и т.д., произойдет коммуникативный сбой, потому что участники коммуникативного процесса будут «говорить на разных языках». Коммуникативные сбои наиболее просто устранимы в любой ситуации путём простого уточнения (при желании договориться) того, что будет обозначать то или иное слово.

Соответственно, на уровне современных средств массовых коммуникаций достаточно часто случаются сбои при использовании таких понятий, как, например, «дефолт», «консолидация», «трансформация», «трансфер» и др.; для людей с низким уровнем образования это является проблемой в понимании сути вопроса.

Коммуникативные барьеры – это некие стереотипные ситуации и установки, которые возникают в процессе коммуникаций. Их тоже может быть достаточно много и, в принципе, они устранимы.

Самое сложно устранимое и неприятное в процессе коммуникации, а соответственно, в процессе формирования групповой сплоченности – это коммуникативные разрывы (понятие введено С.В. Чесноковым). Это непреодолимые препятствия, которые не позволяют людям разных социальных групп понимать друг друга. Примером этого может служить ситуация, когда человек с очень высоким уровнем материального достатка не понимает, как семья из трех человек может жить на шесть тысяч рублей в месяц, или, когда здоровые, обеспеченные и успешные люди не понимают проблем семьи социально деградирующего человека (наркомана, алкоголика). Это глубинные проблемы, которые несут не только коммуникативный характер, но и являются барьерами и препятствиями в формировании групповой сплоченности, деформируют социум и приводят к разобщенности (Шилова, 2014).

Результаты пилотажного исследования.

Объект исследования: коммуникативные площадки (форумы) сообществ в интернете.

Предмет исследования: коммуникативные практики, ориентированные на сплоченность/разобщенность группы.

Цель исследования: разработать и апробировать методику, позволяющую оценивать уровень сплоченности/разобщенности группы посредством анализа ее интернет-форума.

В ходе исследования была разработана и опробована методика коммуникативного анализа аспектов групповой сплоченности, выраженных в коммуникативных практиках на форумах в сети Интернет. Одной из основных задач методики является анализ содержания поведенческих коммуникативных практик. Для того, чтобы определить уровень сплоченности-разобщенности группы, общающейся на интернет-площадке, необходимо определить позицию различных коммуникаторов по отношению к группе, а именно, провести анализ групповых коммуникативных практик.

На первом этапе была разработана аналитическая матрица, которая представляет собой электронную анкету респондента, состоящую из блоков вопросов, заполняющихся экспертом-аналитиком.

Применение методики коммуникативного анализа аспектов сплоченности/разобщенности требует от эксперта-аналитика прохождения некоторых ступеней, без учета которых невозможно провести грамотный анализ.

1 ступень. Знакомство с интернет-ресурсом. Перед началом анализа необходимо внимательно изучить форум. Особенность данного этапа состоит в том, что без глубокого погружения в текст и его повторного чтения почти невозможно уловить все логические узлы и смыслы, которые в нем содержатся.

2 ступень. Первичное заполнение матрицы. После первого (неглубокого) прочтения сайта можно начать заполнение матрицы по тем критериям, которые не требуют детального анализа. Например, название форума, тема, адрес ресурса.

3 степень. Подробное заполнение аналитической матрицы. Заданный этап подразумевает неоднократное прочтение текста, а также кодировку данных в матрице.

4 степень. Методическая рефлексия. В процессе анализа у исследователя могут возникнуть различные вопросы, от решения которых может зависеть результат исследования. Для этого в матрице предусматривается специальное поле «методические отметки», в котором дается комментарий к каждому вопросу, который вызвал затруднение.

В ходе исследования четырьмя аналитиками-экспертами было проанализировано 318 интернет-форумов, и на каждый форум заполнена аналитическая матрица. 26% составили сообщества в социальных сетях, 25% – форумы, 26% – паблики в социальных сетях, 23% – сайты с форумами. С целью анализа коммуникативных практик мы разделили все анализируемые форумы на восемь тематических групп: религиозные, политические, общественные, профессиональные, субкультурные, спортивные, творческие фан-клубы, группы по интересам.

По мнению экспертов-аналитиков, в обсуждениях неуважение к какой-либо другой группе чаще демонстрируется участниками политических, субкультурных и спортивных сообществ. Наиболее толерантными и сдержанными по отношению к другим группам являются сообщества творческих фан-клубов и профессиональные группы.

Участники субкультурных форумов чаще демонстрируют осуждение членов группы за участие в деятельности других сообществ, на втором месте по частоте демонстрации осуждения религиозные сообщества, на третьем – группы спортивных болельщиков.

Группа вопросов в аналитической матрице была посвящена обсуждению на форуме мероприятий, объединяющих группу вне форума (поездки на природу, фестивали, концерты, общие мероприятия). Всеми группами, с разной частотой, задействуются для организации общего досуга коммуникативные практики совместных мероприятий. Чаще других групп обсуждают подобного рода события участники субкультурных форумов.

Для нас важным моментом в оценке коммуникативных практик и проявлением сплоченности/разобщенности группы является однообразие/разнообразие реакции на контент (мемы, картинки, информационные сообщения), содержащийся на форуме. Единообразные реакции чаще демонстрировали группы по интересам, общественные и политические сообщества. Неоднозначные реакции чаще демонстрировали участники форумов в субкультурных, спортивных группах и творческих фан-клубах.

По-разному группы защищают свое коммуникативное пространство, одной из защитных функций является блокировка неудобных участников форумов. Чаще всего эту функцию используют религиозные группы, творческие фан-клубы и профессиональные сообщества. Реже всего блокируют на форумах политических, общественных и групп по интересам.

Эксперты-аналитики также выявляли сообщения на форумах, в которых упоминалось нарушение законодательства РФ и не высказывалось группового неодобрения. Чаще всего подобные сообщения встречались в субкультурных сообществах, реже, но они присутствовали и на форумах профессиональных и групп по интересам. Наиболее лояльными к законодательству РФ оказались спортивные, творческие фан-клубы, общественные и религиозные группы.

На интернет-форумах разной направленности различной оказалась роль лидеров, они придерживались разных коммуникативных практик. Наиболее четко просматривается роль лидеров в субкультурных группах и творческих фан-клубах. Менее заметна роль лидера в политических, профессиональных и спортивных интернет-сообществах.

Заключение (Conclusions). Итогом проведенной теоретико-методологической работы и эмпирического исследования стало содержательное наполнение единого индекса коммуникативной сплоченности группы (ИКС).

Чтобы рассчитать индекс коммуникативной сплоченности группы (ИКС), нам потребовались вспомогательные индикаторы, которые мы обозначили, как:

- Индекс единства стереотипов (ЕС);
- Индекс соблюдения нравственных норм (СНН);
- Индекс коммуникативной доступности управляющей верхушки (КД);
- Индекс групповых санкций за «отступничество» (ГС);
- Индекс взаимодействия с внешним миром (ВМ);
- Индекс характера внутригрупповых коммуникаций (ВК) – частота, содержание, эмоциональность.

Список литературы

1. Алексеева-Бескина Т. И. Социогеном искусственной среды обитания. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 456 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофман, примечания В. В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ.; под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / [Пер. Е. Сурпина]. СПб.: Речь, 2000.
5. Маннгейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000766/st002.shtml> (дата обращения: 12.10.2017).
6. Морено Я. Л. Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе / Пер. с англ. А. Боковой; науч. ред. Р. Золотовицкий. М.: Академический Проект, 2001. 383 с.
7. Московичи С. Машина, творящая богов / Пер. с фр. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с.
8. Пашенко В. В. Проблема измерений социального пространства управления в социологии // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзеvских чтений (21-22 ноября 2013 г.) / Редколлегия: А. В. Тихонов (отв. ред.), Е. М. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Н. Н. Никс, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова (ученый секр.), В. В. Щербина. М.: Институт социологии РАН. 2014. С. 249-256.
9. Пашенко В. В. Стадии групповой сплоченности // Социология управления: Теоретико-прикладной словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. М.: КРАСАНДР, 2015. 480 с.

10. Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд / Рук. научного проекта Г. Ю. Семигин; гл. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. Т 2.

11. Шилова В. А. Словарь и опыт исследования коммуникативного пространства управления // Социология управления: фундаментальное и прикладное знание. / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2014. С. 225-243.

12. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расш. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

13. Яницкий О. Н. Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. 360 с.

14. Festinger L. & Carlsmith J. M. Cognitive consequences of forced compliance // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1959. №58. Pp. 203-210.

15. Newcomb T. M. An approach to the study of communicative acts // *Psychological Review*. 1953. №60. Pp. 393-404.

References

1. Alekseeva-Beskina, T. I. (2014), *Sotsiogenom iskusstvennoy sredy obitaniya* [Sociogram artificial habitat], "Kanon+", ROOI "Reabilitacia", Moscow, Russia, 456. (In Russian).
2. Dyrkgeym, E. (1996), *O razdelenii obschestvennogo truda* [About the division of social work], Translated by Gofman, A. B., Kanon, Moscow, Russia. (In Russian).
3. Castells, M. T. (2000), *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura* [Information age: economy, society and culture], Translated by Shkaratan, O. I., SU HSE, Moscow, Russia. (In Russian).
4. Levin, K. (2000), *Teoriya polya v sotsialnykh naukah* [The theory of the field in social sciences], Translated by. Surpina, E., Rech', Saint-Petersburg, Russia. (In Russian).
5. Mannheim, K. (2000), *Izbrannoe: Sociologija kul'tury* [Favourites: Culture sociology], Universitetskaja kniga, Moscow, Russia, [Online], available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000766/st002.shtml> (Accessed 12 October 2017). (In Russian).
6. Moreno, J. L. (2001), *Sotsialnyie dvizheniya: teoriya, praktika, perspektiva* [Sociometry, experimental method and the science of society], Translated by Bokovikova, A., in Zolotovitski, R. (ed.), Akademicheskij Proekt, Moscow, Russia. (In Russian).

7. Moskovichi, S. (1998), *Mashina, tvoryaschaya bogov* [The machine that creates the gods], Translated by Center of psychology and, Moscow, Russia. (In Russian).

8. Pashchenko, V. V. (2014), "Problem of measurements of social space of management in sociology", *Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya* [Modernization of a domestic control system: analysis of tendencies and forecast of development], Proc. of the all-Russian scientific and practical conference XII-XIIIth of Dridzevsky readings (21-22 November 2013) in Tikhonov, A. V. (ed.), Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia, 249-256. (In Russian).

9. Pashchenko, V. V. (2015), "The stage of group cohesion" in Tikhonov, A. V. (ed.), *Sociologija upravleniya: Teoretiko-prikladnoy slovar'* [Sociology of management: Theoretical and applied dictionary], KRASANDR, Moscow, Russia. (In Russian).

10. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya: V 2 t.* [Sociological encyclopedia: In 2 v.] (2003), National public and scientific fund, Leader of the scientific project Semigin, G. U.; Editor-in-chief Ivanov, V. N., Vol. 2, Mysl', Moscow, Russia. (In Russian).

11. Shilova, V. A. (2014), "Dictionary and experience of research in the communicative space management" in Tikhonov, A. V. (ed.), *Sociology of management: fundamental and applied knowledge*, "Kanon+", ROOI "Reabilitacia", Moscow, Russia, 225-243. (In Russian).

12. Yadov, V. A. (2013), *Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsialnogo povedeniya lichnosti:*

Dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-regulation and prediction of the social behavior of the individual: Dispositional concept], 2-nd extended edition, TsSPiM, Moscow, Russia, 376. (In Russian).

13. Yanitsky, O. N. (2013), *Social movements: theory, practice, perspective*, Novyy khronograf, Moscow, Russia. (In Russian).

14. Festinger, L., Carlsmith, J. M. (1959), "Cognitive consequences of forced compliance", *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 58, 203-210.

15. Newcomb, T. M. (1953), "An approach to the study of communicative acts", *Psychological Review*, 60, 393-404. (In Russian).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Шилова Валентина Александровна, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук.

Valentina A. Shilova, leading researcher, scientific secretary of the Center for Management Sociology and Social Technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК: 658.8

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-60-69

Mark Pogorelyy

SCRUTINIZING THE CONSUMERS PREFERENCES OF SMART WATCHES AS THE PREREQUISITE FOR SUBSTANTIATING THE NEED FOR A SOCIAL ELEMENT IN MARKETING RESEARCH

Belgorod State National Research University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russia
pogorelii@bsu.edu.ru

Abstract. The author determines the problem on the basis of the final financial result of the company's activities. The author takes into account the capitalization of the company, as a factor. The author pays attention to the analysis of the company "Slice Intelligence" regarding Apple Watch. On the other hand, the author relies on numerous works in the field of marketing mix. The author formalizes his own judgments about the current state of the watch market. The author narrates about the questioning of the respondents. This article contains data from a survey of respondents' preferences concerning the smart watch market. The author analyzed these preferences. The author formulates conclusions in accordance with the conducted research. The conclusion about the need to take into account personal preferences takes place. The results of these studies indicate the necessity to use the social economy.

Keywords: market; customers; global information revolution; digital technology; IT technology; IT companies; watch; smart watch; market segments; marketing; concept "Marketing- mix"; 4Ps model; smartwatchp; assortment; brands of watches; smartwatch market; Apple Watch; respondents.

Погорельый М. Ю.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ SMART WATCHES КАК ПРЕДПОСЫЛКА ДЛЯ НЕОБХОДИМОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА В МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
pogorelii@bsu.edu.ru

Аннотация. Автор определяет проблему на основе конечного финансового результата деятельности компании. Автор принимает во внимание такой фактор, как капитализация компании. Автор обращает внимание на анализ компании «Slice Intelligence» в отношении Apple Watch. С другой стороны, автор опирается на многочисленные работы в области маркетинга. Автор формализует свои суждения о текущем состоянии рынка наручных часов. Автор рассказывает об анкетировании респондентов. Эта статья содержит данные опроса предпочтений респондентов относительно рынка умных часов. Автор проанализировал эти предпочтения. Автор формулирует выводы в соответствии с проведенными исследованиями. Сделан вывод о необходимости учитывать личные предпочтения.

Ключевые слова: рынок; клиенты; глобальная информационная революция; цифровые технологии; ИТ-технологии; ИТ-компании; часы; интеллектуальные часы; сегменты рынка; маркетинг; концепция «Маркетинг-микс»; модель 4Ps; smartwatch; ассортимент; бренды часов; рынок smartwatch; Apple Watch; респонденты.

“Anything that won’t sell, I don’t want to invent. Its sale is proof of utility, and utility is success.”
Thomas A. Edison

Introduction. Customers use IT technology all over the world. Multimedia technology, network technology, electronic information resources are actively used. Transition from an industrial society to an information stage of development leads to a qualitative change in the content of economic relations. The information society is developing rapidly. The global information society has been formed now. The rapid development and dissemination of new information and communication technologies today acquires the character of the global information revolution. The global information revolution effects on politics, economics, management, finance, science,

culture within national borders and in the world. Therefore, some scholars justify the term of the global information society. The term “global information society” corresponds to the opinion of the experts that substantiate the notion of a “global information infrastructure” (GII). The definition of a “global information infrastructure” exists in the concept of open systems. The practical implementation of this concept provides optimal conditions for investment in information technology. There is a perception that investing in shares of IT companies are profitable. The dynamics of NASDAQ index confirms this idea (Figure 1).

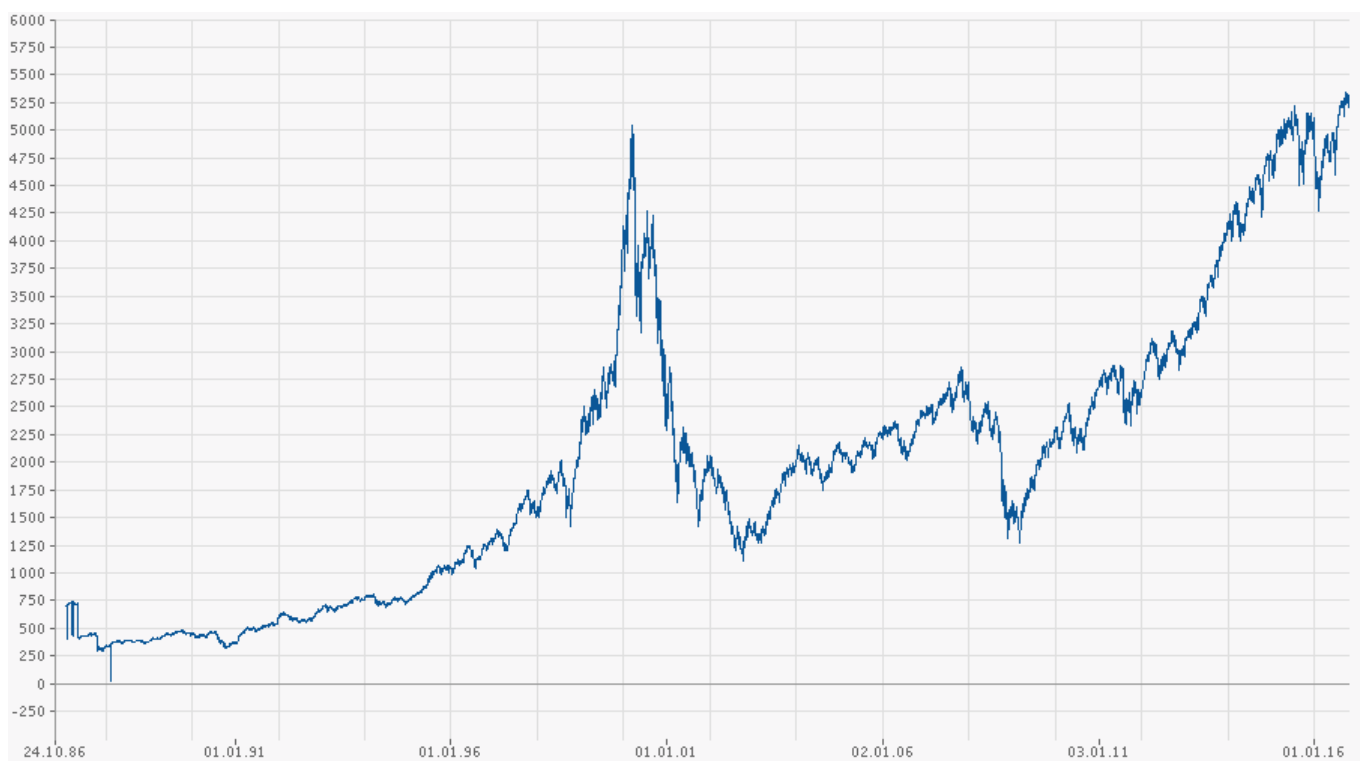

Figure 1. The dynamics of NASDAQ Composite Index¹

¹ http://www.finanz.ru/indeksi/sredstva-grafika/Nasdaq_Composite

In general, the positive dynamics of the index takes place during the entire period of its existence. However, there are some difficulties in the introduction of the achievements of the IT industry. We consider some quotes about Apple Watch sales during the second quarter of 2016. Tim Bradshaw notes, as a correspondent of FT: “IDC said on Thursday that Apple had sold 1.6m of its watches in the second quarter of 2016, down 55 per cent compared with the 3.6m in the same period last year” (Bradshaw). Apple Corporation lowers the price of Apple Watch to increase sales: “In March, Apple cut the starting price of the Watch by \$50 to \$299 for the basic Sport model. Since then, retailers such as Best Buy and Target have offered promotions that have cut as much as \$200 from other versions of the Watch, in an attempt to encourage buyers”¹. Analysts value the

IDC expert opinion. “For the first time, the worldwide smartwatch market saw a year-over-year decline of 32%, according to preliminary data from the International Data Corporation (IDC) Worldwide Quarterly Wearable Device Tracker. Smartwatch vendors shipped 3.5 million units in the second quarter of 2016 (2Q16), which was down substantially from the 5.1 million shipped a year ago” (International Data Corporation). This information corresponds to Christian Zibreg. He provides data and considering the schedule in the article “Slice Intelligence: Apple Watch sales taper off to 30,000 units per day” (Figure 2).

Analyst firm “Slice Intelligence” conducted a study on the demand for Apple Watch. Analysts have drawn the conclusions. According to Slice Intelligence, interest in Apple Watch fell by 90% (Figure 3).

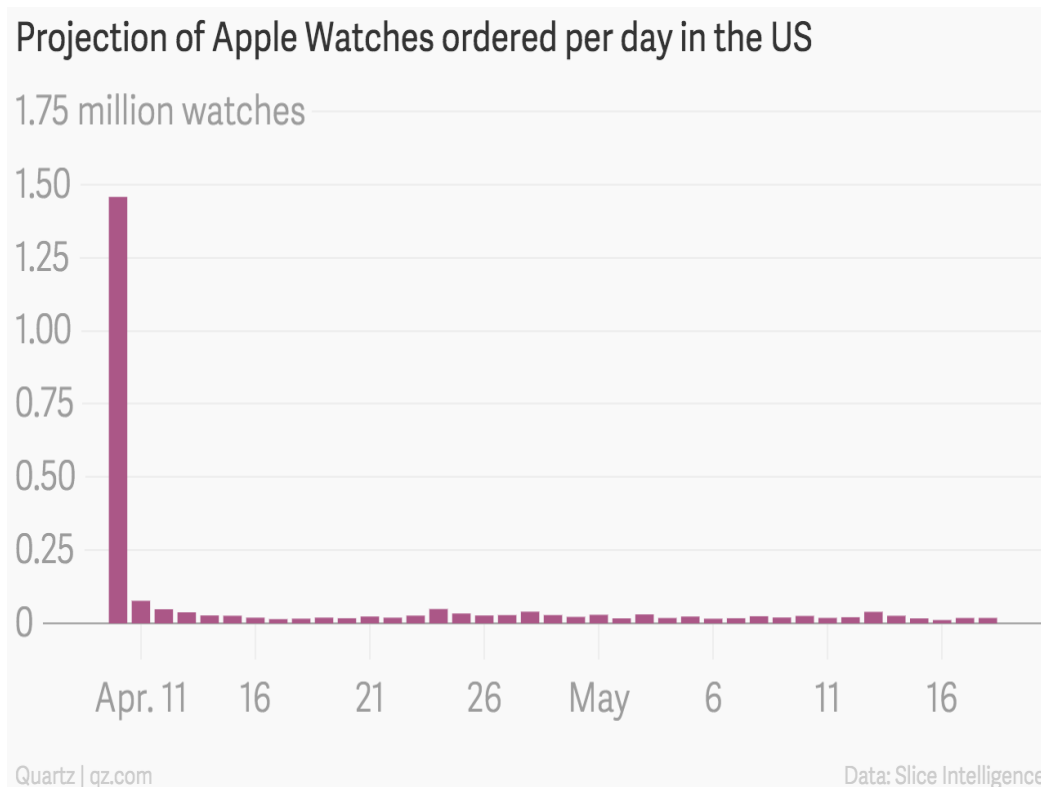

Figure 2. Projection of Apple watches by Christian Zibreg during the beginning of April up to the end of May (Zibreg)

¹ Bradshaw Tim. Apple Watch sales fall 55% as consumers mark time on category. available at:

<https://www.ft.com/content/3f7a0054-4f5b-11e6-8172-e39ecd3b86fc> (Accessed 10.11.2017)

Figure 3. Data of the online survey by Slice Intelligence¹

Slice Intelligence Data were obtained by sending email. Analysts interviewed online shoppers using some applications and email.

Therefore, some experts think that nonrepresentational selection occurs. We know that the statistical observation may be total or incomplete. The continuous monitoring involves examination of all units of the phenomenon under study. The continuous monitoring is the most credible and reliable. But getting the continuous observation data is expensive. Discontinuous monitoring surveys a part of values of a feature. Therefore, the corporation Slice Intelligence research methods have a right to exist.

Scrutinizing the curve of figure 3, we conclude that it has some degree of volatility. On top of that the decreasing trend has occurred during the second quarter of 2016. This situation determines the necessity to find the answers to the questions:

1. What is the reason of this volatility?
2. What is the reason of the decline of Apple Watch sales?

Marketing is an instrument to apply, because marketing is an art to sell a good, a service or a result of intellectual activity.

Methodology and methods. There are a number of market segments, characterized by increasing competition among manufacturers of various goods, services and intellectual property. Competition intensifies among wholesalers and retailers. Therefore, the role of marketing is increasing in the current economic conditions. The study of different theoretical sources suggests that there are many definitions and interpretations of the term “marketing”. Review of marketing as the art of selling goods (services) in the market, allows us to find answers to actual questions. Philip Kotler and Gary Armstrong explain marketing issues in the book in detail (Principles of Marketing, 2014). Marketing gives answers to the questions:

1. what product, service, result of intellectual activity to produce?
2. where to sell the goods?
3. in what volume to produce the goods?
4. what is the wholesale price of the goods (the services)?
5. what is the retail price of the goods (the services)?

The concept “Marketing- mix” is a key element of marketing. Neil Borden and McCarthy substantiated concept “Marketing- mix” in 1964

¹<https://intelligence.slice.com/>

(Borden, 1964). The concept “Marketing- mix” is a combination of factors: product, price, place, promotion. Some researchers believe that the development of business determines the need to review the elements of the concept “Marketing-mix”. The concept “Marketing- mix” is a subject of debate among scholars and among practitioners. J. Yudelson considered the concept “Marketing- mix” in the context of Total Quality Management, TQM (Yudelson, 1999).

The development of digital technology has affected the content of 4P model. K. Kalyanam and S. McIntyre include additional elements in the 4Ps model, forming a pattern 4P + P + C + S (Kalyanam & McIntyre, 2002). E. Constantinides proposed a model of “web marketing mix” (Constantinides, 2002). G. Dominici notes that the process of learning and comparison of prices, characteristics of the goods requires less time (Dominici, 2008a).

We cannot ignore the factor of IT technologies. The main feature of market pricing is that the actual process of price formation does not occur in the production environment, but in the product sales marketed under the influence of supply and demand. The impact of digital technology leads to the fact that demand for the product is formed with the active participation of customers. The interests of the manufacturer dictate the necessity of

concentration on-line communications on the criteria of products utility.

The important point in our thinking is should we consider the smartwatch market as part of the watch market or as an independent market? Let us presume that the smartwatch market is a part of the traditional watch market. In this case, we ought to say that there are some standards and rules. A gentleman must wear a dress watch with a dinner jacket or with a Black tie, with black dress shoes. A gentleman has to wear a dress watch while visiting exhibition of paintings, an opera house, a cinema hall, a respectable restaurant, a theater, official conferences (meetings). A gentleman must wear a dress watch at a secular reception, at a wedding, a funeral. A dress watch has to have a brand name with a history and traditions. A dress watch must have a watch-case made from a precious metal (round or square). A watch-case of the dress watch must be thin. The size of a watch-case ought to be 38-41 mm. A watch dial of the dress watch should be clean, without figures and other complications. The calibre of a dress watch must be mechanical (automatic or hand winding). A dress watch ought to be with a leather (alligator) strap (black color). Rings (a wedding ring is an exception) and bracelets are out of the rules. A casual watch may be different. While visiting the sites of some watch makers, we notice that assortment is rich (Table).

Table

Assortment of some watch producers

Brand name	Collection (model) name
Rolex	Oyster Perpetual, Date Just, Day Date, Sky Dweller, GMT Master II, Explorer, Explorer II, Air King, Milgauss, Submariner, Sea Dweller, Yacht-Master, Yacht-Master II, Cosmograph Daytona, Cellini Time, Cellini Date, Cellini Dual Time ¹ .
IWC	Pilot's watches, Aquatimer, Ingenieur, Da Vinci, Portofino ² .
Omega	Vintage, Speedmaster, Moonwatch, Seamaster 300 ³ .
Breitling	Chronoliner, Navitimer, Chronomat, Superocean, Avenger, Transocean, Galactic, Superocean Heritage, Montbrillant, Colt, Professional ⁴ .
Glashuette-original	Grande Cosmopolite Tourbillon, Senator Cosmopolite, PanoLunarTourbillon, PanoGraph, PanoReserve, PanoMaticInverse, PanoInverse, PanoMaticCounterXL, PanoMaticLunar, Senator Tourbillon, Senator Diary, Senator Perpetual Calendar, Senator Chronograph Panorama Date, Senator Excellence Panorama Date, Senator Excellence Panorama

¹<https://www.rolex.com/watches.html>

²<http://www.iwc.com/en/collection/>

³<https://www.omegawatches.com>

⁴<http://mobile.breitling.com/en/models/>

Brand name	Collection (model) name
	Date Moon Phase, Senator Excellence, Senator Moon Phase Skeletonized Edition, Senator Manual Winding Skeletonized Edition, Senator Chronometer, Senator Chronometer Regulator, Senator Observer, Senator Chronograph XL, Senator Automatic, Senator Hand Date, Senator Panorama Date, Senator Panorama Date Moon Phase, Seventies Chronograph Panorama Date, Seventies Panorama Date, Sixties Panorama Date, Sixties Iconic, Sixties Square Chronograph, Sixties Chronograph ¹ .
Zenith (watches)	Pilot, Academy, El Primero, Elite, Star ² .
Tag Heuer	Tag Heuer Connected, Tag Heuer Carrera, Tag Heuer Formula 1, Mikrograph, Monza ³ .
Oris (watches)	Pro pilot, Heritage, Altimeter, divers big crown, artelier, artix, divers, big crown ⁴ .

The assortment of different watch producers is dynamic. For example, Tag Heuer has optimized its assortment and does not produce the model Tag Heuer – Carrera Calibre 5. But there are Tag Heuer – Carrera Calibre 6, Tag Heuer – Carrera Calibre 18, Tag Heuer Carrera – Heuer 01. The company uses Calibre 5 in the model “Tag Heuer Aquaracer” now. Oris has increased the assortment in four collections – culture, diving, aviation, auto sport. Rolex and Glashuette-original have increased the assortment also. As far as we can see, the supply at the wrist watch market is big.

There are many different brands of watches at the market at current stage. Some brands have a history and some brands have not a history. The period of production correlates with a reputation of a producer. The leading place of Breguet (1775) among watch brands is understandable. But the ratings of Hubilot (1980) or Franck Muller Geneva Haute Horlogerie (1992) are different. We may distinguish the watch brands using in-house movements and watch brands not using in-house movements. We scrutinized 65 sites of different famous European and American watch producers using the Internet. We took into consideration the criteria of foundation of a watch maker. We classified the brands in accordance with a year of institution and made an assessment of each brand (the oldest brand has the highest assessment and the youngest brand has the lowest assessment) (Figure 4).

As we can see there is a discrepancy in this approach. Such famous and respectable watch brands as Patek Philippe & Co. (1839) and A. Lange & Söhne (1845) take place after Baume & Mercier (1830) and Longines (1832). International Watch Co. (1868) and Audemars Piguet (1875) stand after Tissot (1853) and TAG Heuer S.A. (1860). Rolex SA (1905) takes place after Victorinox AG (1884). This classification needs correction, because the watch market realities are quite different. Certainly, the foundation of a watch brand is important, although there are many other factors which we must take into consideration. But on the other hand, there are some opportunities for new players (Apple, Samsung, Tag Heuer) to enter the market.

Let us presume that the smartwatch market is not a part of the traditional watch market. In that case, we have to say that there are three companies which have made a serious bet: Apple with Apple Watch, Tag Heuer with Tag Heuer Connected and Samsung with Samsung Gear S3. As far as we can see, the marketers of this companies consider the market of smartwatches as an independent segment and the idea was to create a unique wrist watch with a high range of ultramodern functions. Using the terminology of Boston Consulting Group (BCG matrix), the idea was to create a specific product and to be the first at market of smartwatches, gaining the huge volumes of sales and receiving high profits. So, it is necessary to realize a transition from “Question mark (Problem child)” to “Stars”.

¹<http://www.glashuette-original.com/ru/glavnaja/>

²http://www.zenith-watches.com/en_en/all-watches.html

³<http://us.tagheuer.com/en/luxury-watches/new>

⁴<https://www.watches-of-switzerland.co.uk/brands/oris-watches>

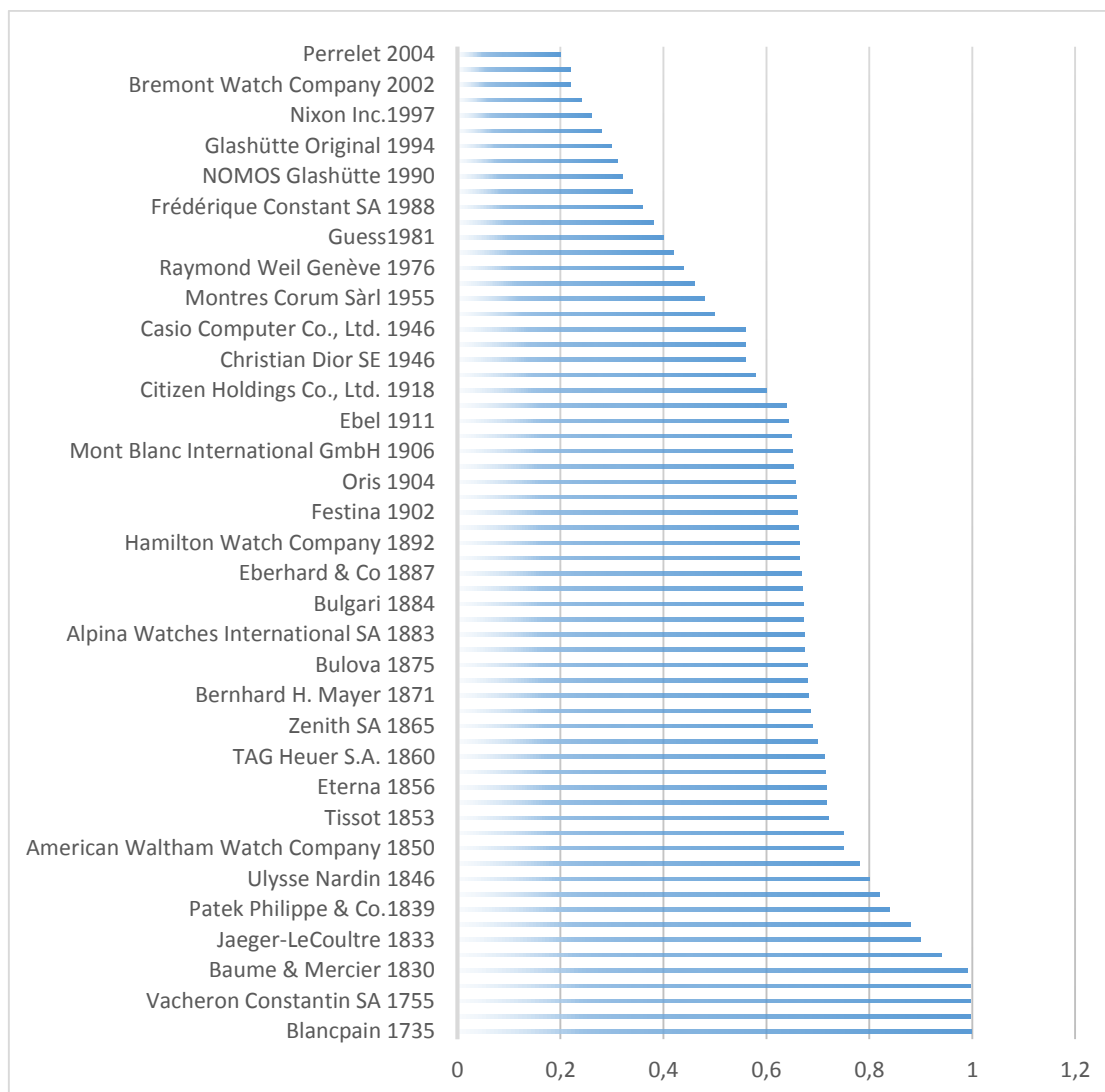

Figure 4. The classification of watch brands, which needs correction

A customer is a key element in this transition. Some produces try to influence at a customer's choice by means of different kinds of commercials. But "the economic theory of consumer behavior is frustratingly stark and very difficult to test"(Thaler). According to Richard Thaler: "Quasi rational behavior exists, and it matters. In some well-defined situations, people make decisions that are systematically and substantively different from those predicted by the standard economic model"(Thaler).

Research Results and Discussion. We recognize the importance and necessity of such a circumstance as a homogeneous group (Pogorelyy, 2015). We distinguish the difference between homogeneous group and heterogeneous group. But in this research our point of view is to understand the

essence of homogeneous group as an ability group. Indeed, the students in study groups are the same age and the same cultural background. They graduated the same secondary school, they share the same values and they belong to the same generation. So, we did not form the homogeneous groups on purpose. We compiled the questionnaire form for student's survey. A sample of the completed questionnaire form is placed in Appendix 1.

We interviewed students. 150 students of the Institute of Economics, the Institute of Management and the Institute of Engineering Technologies and Natural Sciences (the Belgorod National Research University) took part in the questionnaire. The results of the questionnaire are set out in Figure 5.

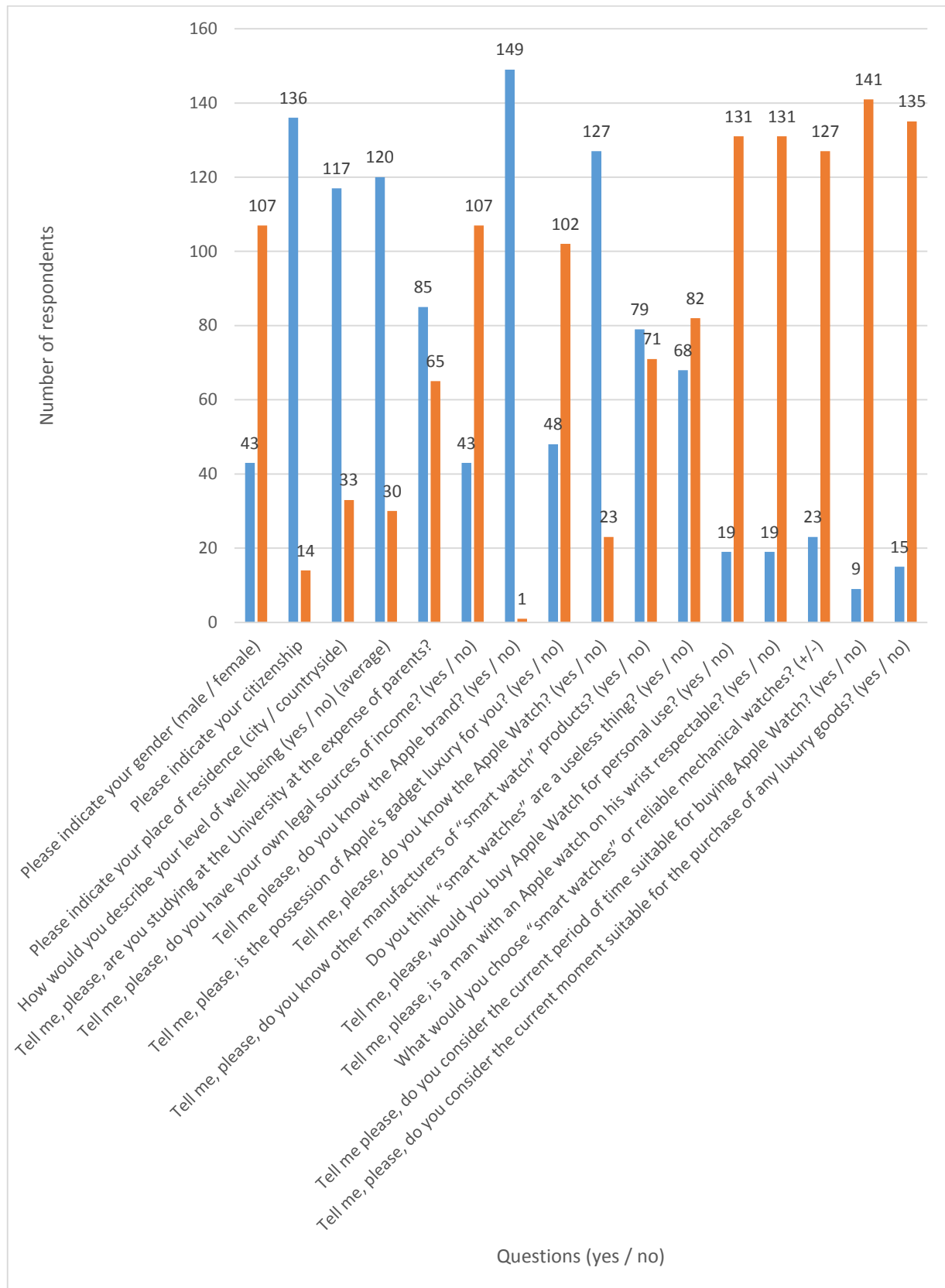

Figure 5. The results of the questionnaire

14 foreign students took part in the survey (Ukraine, Moldova, Uzbekistan, China, Benin, Ghana). The average age of the respondents was 22.5 years. 43 young men and 107 girls took part in the survey. 43 young men and 107 girls took part in the survey. 117 respondents were urban dwellers and 33 resided in rural areas.

Conclusions. 5 respondents answered that they do not consider money, they can afford everything they want. This circumstance deserves attention, taking into account modern economic realities. 85 respondents study at the University at the expense of parents. 65 respondents study at the University at the expense of the state. 43 respondents have their own legal sources of income. 107 respondents do not have their own legal sources of income. 149 respondents know the Apple brand and 1 respondent does not know the Apple brand. This fact indicates either a weak advertising activity of Apple, or the shortcomings of the global information infrastructure (GII), or the combination of the above reasons. For 48 respondents, the possession of Apple's gadget is considered a luxury. 102 respondents do not consider Apple's gadgets a luxury. 127 respondents know Apple Watch, 23 respondents do not know Apple Watch. 79 respondents know other manufacturers of "smart watch" products, and 71 respondents do not know other manufacturers of "smart watch" products. 68 respondents consider smart watches a useless thing, while 82 respondents do not consider smart watches a useless thing. Only 19 respondents would buy Apple Watch for personal use, and 131 respondents would not buy Apple Watch for personal use. This fact testifies either to the conservative attitude of the respondents, or to the ignorance of the numerous functions of the "smart watch". 19 respondents consider a man with an Apple watch on his wrist respectable. 131 respondents do not consider a man with an Apple watch on his wrist respectable. 23 respondents would give their preference to "smart watches". 127 respondents prefer reliable mechanical watches. Only 9 respondents consider the current time suitable for buying Apple Watch. Accordingly, 141 respondents do not consider the current time suitable for purchasing Apple Watch. Only 15 respondents consider the current time suitable for the purchase of a luxury

product. 135 respondents do not consider the current time suitable for the purchase of any luxury goods.

George Santayana said: "Those who do not remember the past are condemned to repeat it." Watch market faces a new revolution. This is a digital revolution, when a digital watch (a smart-watch) replaces a mechanical watch. But let us remember the result of quartz revolution. There were some decisions, for example, Swatch group had been established. There were losses among watch producers. Such brands as Longines and Zenith began to change the production in favor of quartz watches. But mechanical wrist watch survived. Right now, some watch brands are not very popular among watch enthusiasts and collectors, because these brands have lost the reputation due to quartz revolution. The beautiful tradition of making a miracle – a mechanical movement with live sound of running second hand is still alive. This is a choice of "His Majesty Customer". It is up to a customer to decide what wrist watch to buy and to wear. We believe that we need to include a social element in the concept of Marketing mix (4 p). This will allow us to take into account the preferences of consumers in a larger volume.

References

1. Borden, N. H. (1964), "The Concept of the Marketing Mix", *Journal of Advertising Research*, 24 (4), 7-12.
2. Christian, Z. (2015), Slice Intelligence: Apple Watch sales taper off to 30,000 units per day, available at: <http://www.idownloadblog.com/2015/05/22/slice-intelligence-apple-watch-30k-daily-units> (Accessed 10.11.2017)
3. Constantinides, E. (2002), "The 4S Web-Marketing Mix model", *Electronic Commerce Research and Applications*, 1, 57-76.
4. Dominici, G. (2008), "Holonc Production System to Obtain Flexibility for Customer Satisfaction", *Journal of Service Science and Management*, 1 (3), 251-254.
5. International Data Corporation (IDC). Press Release, available at: <http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS41611516> (Accessed 10.11.2017)
6. Kalyanam, K. and McIntyre, S. (2002), "The E-marketing Mix: a contribution of the E-Tailing Wars", *Academy of Marketing Science Journal*, 30 (4), 487-499.

7. Pogorelyy, M. (2015), “Consideration of some behavioral economic issues concerning the dilemma of a customer of the smartphones”, *Network scientific-practical journal Research Result. Sociology and Management*, 1 (2), available at: <http://tr.bsu.edu.ru/index.php/ru/socium> (Accessed 10.11.2017).

8. Principles of Marketing (2014), 15th Edition.

Philip T. Kotler, Northwestern University; Gary Armstrong, University of North Carolina; Pearson.

9. Thaler, R. H. Quasi Rational Economics, available at: <https://www.russellsage.org/publications/quasi-rational-economics-1>. (Accessed 10.11.2017)

10. Yudelson, J. (1999), “Adapting McCarthy’s Four P’s for the Twenty-First Century”. *Journal of Marketing Education*, 21 (1), 60-67.

Appendix 1

QUESTIONNAIRE

The survey is conducted for scientific purposes. Anonymity is guaranteed to you. Please, answer the questions.

1.	Please indicate your age (full years)	19	
2.	Please indicate your gender (male / female)	female	
3.	Please indicate your citizenship	Russia	
4.	Please indicate your place of residence (city / countryside)	Belgorod city	
5.	How would you describe your level of well-being (yes / no):		
6.	<i>below the average</i>	no	
7.	<i>average</i>	no	
8.	<i>above average</i>	yes	
9.	<i>I do not consider money, I can afford everything I want</i>	no	
10.	Tell me, please, are you studying at the University at the expense of parents?	yes	
11.	Tell me, please, do you have your own legal sources of income? (yes / no)	no	
12.	Tell me please, do you know the Apple brand? (yes / no)	yes	
13.	Tell me, please, is the possession of Apple's gadget luxury for you? (yes / no)	no	
14.	Tell me, please, do you know the Apple Watch? (yes / no)	yes	
15.	Tell me, please, do you know other manufacturers of “smart watch” products? (yes / no)	yes	
16.	Do you think “smart watches” are a useless thing? (yes / no)	no	
17.	Tell me, please, would you buy Apple Watch for personal use? (yes / no) (<i>price for Apple Watch Sport 42mm with Sport 26 990 rubles [13].</i>)	no	
18.	Tell me, please, is a man with an Apple watch on his wrist respectable? (yes / no)	no	
19.	Tell me, please, if you choose between Apple Watch and another Swiss luxury watch brand (manufacturer of mechanical watches) what would you choose “smart watches” or reliable mechanical watches? (+/-)	Apple Watch -	<i>mechanical watches</i> +
20.	Tell me please, do you consider the current period of time suitable for buying Apple Watch? (yes / no)	no	
21.	Tell me, please, do you consider the current moment suitable for the purchase of any luxury goods? (yes / no)	yes	

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Mark Pogorelyy, candidate of economic sciences, associate professor, Belgorod State National Research University

Погорельый Марк Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент Белгородского государственного национального исследовательского университета.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-70-106

Тихонов А. В.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ КАК НЕОТЛОЖНАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА**

Центр социологии управления и социальных технологий
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
alvast39@mail.ru

Аннотация. В этом году завершается большой цикл научного самоопределения коллектива Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН в исследовании проблем реформирования системы управления в стране, началу которого послужил коллективный доклад на всероссийской научно-практической конференции 21-22 ноября 2013 года под названием (материалы конференции изданы (Модернизация отечественной системы управления..., 2014)), «Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития». На конференции был представлен доклад А. В. Тихонова, соавторами которого выступили Е. М. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова и В. В. Щербина. Его целью было привлечь внимание коллег-исследователей к проблеме модернизации системы управления в стране на основе социологического мониторинга мнений и интересов различных групп и категорий населения. Использованы методы массового опроса. Сама конференция положила начало целой серии исследований, нашедших отражение в гранте РФФИ № 15-18-30077, в плановой работе Центра на 2015-2017 г., а также в проекте национального доклада, подготовленного в 2016 г. В статье использованы материалы выступлений на упомянутой конференции таких участников как В. И. Ильин, А. М. Нагимова, Г. Б. Орланова, Л. И. Никовская, Ж. Т. Тощенко и результаты исследования сотрудников Центра по гранту РФФИ 2015-2017 годов. Обращено внимание на саму постановку проблемы реформирования системы управления в стране и сделаны выводы о том, что совместными усилиями органов власти и гражданского общества, страна может не только выстоять в сложных геополитических условиях, но и выйти на достойную колею цивилизационного развития.

Ключевые слова: властно-управленческая вертикаль; регионы; социокультурное развитие; модернизация; проблемы реформирования; программа исследования; измерительные шкалы; вызовы; гражданская оценка.

Aleksandr V.
Tikhonov

**THE REFORM OF AUTHORITIES AND MANAGEMENT
AS AN URGENT NATIONAL PROBLEM**

Center for Management Sociology and Social Technology
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russia
alvast39@mail.ru

Abstract. This year is the final cycle of scientific self-determination of the staff of the Center for Management Sociology and Social Technology IS RAS in the study governance's system reforming problems, which was found by the collective report on All-Russian scientific and practical con-

ference 21-22 November, 2013 under the title (the conference proceedings published (Modernization of domestic control system ..., 2014)), «The modernization of the national control system: analysis of tendencies and development forecast», comes to the end. There was presented the report of A. V. Tikhonov, whose co-creators were E. M. Akimkin, V. S. Bogdanov, A. V. Zhavoronkov, A. A. Merzlyakov, E. I. Rabinovich, V. A. Shilova and V. V. Shcherbina. His purpose was to draw attention of colleagues – researchers to the problem of modernization of the national control system in the country on the basis of sociological monitoring of opinions and the interests of various groups and categories of the population. The conference has laid the foundation for the whole series of the researches which have found reflection in a grant of RSF No. 15-18-30077, in a planned work of the Center on 2015-2017 and also in the draft of the national report prepared in 2016. This article uses the materials of the presentations at the mentioned conference of such participants as are V. I. Pyin, A. M. Nagimova, G. B. Orlanova, L. I. Nikovskaya, Zh. T. Toshchenko and the results of the research of Center's staff for the RSF grant of 2015-2017. The attention is drawn to the statement of the control system's reforming problem in the country and concluded that joint efforts of authorities and civil society the country can not only survive in difficult geopolitical conditions, but also to get a decent track of civilization development.

Keywords: the power-management vertical; regions; sociocultural development; modernization; problems of reforming; the program of study; measurement scales; the challenges; the civil assessment.

Введение (Introduction). В Интернете, в СМИ и в научной литературе за последние годы появились парадоксальные материалы, свидетельствующие о массовой поддержке населением внешнеполитического курса руководства страны и одновременно о значительном уровне его неудовлетворенности своим материальным положением и вообще внутренней политикой государства. При внимательном рассмотрении оказалось, что принимаемые Правительством РФ реформы в этом направлении не дают ожидаемых результатов, а способ, каким они проводятся, порой вызывает сомнения в управленческой компетентности чиновников.

Диагноз таков: длинный список неудавшихся реформ «сверху» (монетизация льгот, административная реформа, реформа местного самоуправления, ЖКХ, МВД, РАН и др.) свидетельствует, скорее всего, не об отдельных недостатках работы органов власти, а о кризисе всей властно-управленческой вертикали, не способной разработать не только новые перспективы развития страны, что видно на примере беспомощной практики стратегического планирования, но и наладить оперативное управление, если судить даже по задержкам с выполнением майских Указов Президента. По всему видно, что страна уже кото-

рый раз в истории попадает в плен бюрократической закольцованности органов власти и управления на самих себя, что является ярким симптомом такого опасного явления как отчуждение властвующей элиты от народа. На практике это проявляется в атрофии потребности в привлечении населения к принятию решений, а также в отсутствии представлений о социально-политических последствиях такого «неучастия». Однако и этого достаточно, чтобы сделать принципиальный вывод: кризис нашей властной вертикали носит не только социально-политический, но и ментально-методологический характер. Он заключается в том, что идет неявная, но неуклонная подмена функций управления функциями властного самоуправления, что доступно пониманию человека и со школьным образованием. Уже само стремление иметь «эффективных менеджеров» в органах власти, говорит о деструктивном сдвиге в сознании организаторов государственного управления, поскольку менеджмент и госуправление не синонимы по определению, а на практике такой «менеджмент» – свидетельство разве что о приватизации исполнительной властью права бесконтрольно распоряжаться государственными активами, что обычно называется коррупцией. В этом отношении мы действительно на одном из первых, хотя и не почётных мест в мире.

Созданию предпосылок для разработки Проекта модернизации посвящены материалы этого Доклада. Дискуссии, в которых мы участвуем, показывает, что Россия, попав в институциональную ловушку синкретизма власти, собственности и управления много лет назад, когда она ещё развивалась преимущественно экстенсивно, так и не может из неё выбраться по сей день. Командовать везде и всюду, сверху и донизу, у нас всегда означало «управлять», что находило в советское время отражение в модели управления «административно-командной системе». Ситуация за последнюю четверть века не только не улучшилась, но и усугубилась. Так называемый «объект» управления (страна, её окружение, социальный уклад, население) изменился до неузнаваемости, а «субъект» остался в старой парадигме административно-управленческих координат с отягощающим этапом построения рынка методами «дикого» капитализма. Потому в этих условиях задачей национального масштаба становится определение нового содержания, целей, форм и методов управления в российском обществе, его структуры, функций, кадрового состава, в надежде, что мы всё же совершим свою «революцию в управлении» с учётом достижений науки, как это делали в своё время и делают другие развивающиеся страны. Наши соображения на этот счёт выражены в форме постановки проблем и формулирования вытекающих из них предложений.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

1. Социально-экономические и историко-политические причины кризисного состояния отечественной системы управления.

Если современное состояние системы управления связать с какими-либо известными недостатками российской власти, то, конечно, можно назвать сегодняшнюю ситуацию «кризисом властно-управленческой вертикали». Если же под кризисом понимать потерю управляемости, то можно сказать, что никакого кризиса вертикали в России нет. В настоящее время по отдельным позициям управляемость даже повышается.

Другой вопрос: совместимо ли такое укрепление с задачами обеспечения устойчивой тенденции социально-экономического развития страны? Способствует ли наша властная вертикаль увеличению конкурентоспособности страны или тормозит социально-экономическое развитие в том или ином направлении? Не говоря уже об изменении ситуации в условиях санкций.

Ряд относительно независимых оценок настойчиво указывает на тормозящий эффект сложившейся в России системы управления. В частности, в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума Россия переместилась с 62-го на 67-е место за период с 2005 года по 2012 год. Многие мировые рейтинги, в том числе признанные в официальных российских документах, отражают весьма длительное топтание России на месте в районе шестого-седьмого десятка стран. Всегда имеющееся «скрытое коварство» рейтингов не следует переоценивать, ибо в данном случае имеющиеся минусы методологии подсчетов вряд ли принципиально меняют общую картину нашего отставания.

Где следует искать причины: в действиях самой вертикали или за ее пределами? Справедливости ради следует прежде всего отметить, что есть одна фундаментальная причина за пределами ныне действующей вертикали власти и управления. Если рассуждать в терминах *path dependence problem* (т.е. зависимости современной траектории движения от неэффективных решений, принятых в прошлом) (Paul, 1985) то, прежде всего, именно эта причина ответственна за попадание нашей страны в ту глубокую историческую колею, из которой так трудно выбираться.

Любые перспективные российские проекты, попадая в эту колею, не давали и не дадут необходимого эффекта. Возникают лишь новые циклы всё той же догоняющей модернизации. Россия, в упомянутом индексе глобальной конкурентоспособности, оказывается в итоге не только ниже стран БРИКС, но даже Южной Африки (Южной Африкой ООН называется южноафриканский таможенный союз стран, в который, помимо ЮАР входят также четыре других государства, явно не лидеров в

рыночной конкурентной среде (Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд)).

Эта причина – неэффективные, мягко говоря, решения перестроечной властью первой половины 1990-х годов. В частности, сюда относятся и хорошо известные «промахи» в перераспределении собственности и доходов. Именно они до сих пор задают непреодолимо тяжелую ношу российским реформам, опуская траекторию развития страны намного ниже как желаемого, так и возможного уровня. Сваливать вину только на персоналии тех лет было бы наивным при научном объяснении поведения элиты на крутых поворотах истории. Но с некоторой прожитой дистанции становится видно, что субъекты зарождавшейся властной вертикали того времени на всех уровнях власти, быстро определились прежде всего с приоритетом личных и корпоративных интересов без учёта интересов населения и перспектив страны. Правомерно поэтому поставить кардинальный вопрос: сложившаяся на сегодняшний день властно-управленческая вертикаль исправляет названные выше «промахи» или, наоборот, усугубляет их?

Получается, – опять же по относительно объективным оценкам, – что усугубляет. Социологические аргументы, которые приводятся обычно в печати, можно дополнить данными, полученными экономистами, касающимися, прежде всего, углубления социального неравенства. Эти данные отражают динамику различных коэффициентов дифференциации доходов российского населения, что и по теории, и на практике почти напрямую предопределяет либо оптимизацию, либо разбалансировку всех элементов социальной структуры.

Всемирный банк, обобщая огромный материал по странам мира, констатирует, при высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям. Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и бед-

нейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным, и упускаются возможности для инноваций и инвестиций (Доклад о мировом развитии..., 2006). Что без всяких купюр можно приложить и к современной российской ситуации.

По данным ИСЭПН РАН, существующая сегодня в России система распределительных отношений, является главным тормозом развития производства. Неравенство доходов различных групп населения возрастает. Даже по официальным оценкам коэффициент дифференциации по крайним децильным группам оказывается 16-ти кратным. Независимые эксперты говорят о 30-ти кратной разнице, что в несколько раз превышает показатели стран ЕС (Шевяков, 2011). Особенно удручающее положение с неравенством в Москве, где значение данного показателя превышает 40.

При сохранении существующих распределительных механизмов и контрольных показателей роста зарплаты, пенсий и инфляции, определяемых Правительством, ситуацию невозможно изменить, особенно в условиях санкций, а значит, нельзя вытащить из «исторической колеи» и весь механизм социально-экономического развития. Одним из ведущих звеньев этого механизма является и действующая властно-управленческая вертикаль.

Экономисты предлагают решения, связанные, в частности, с изменением налоговой системы. НДС и «плоский» подоходный налог расценивается как содействие тем социальным группам, которые и так находятся на вершине пирамиды распределения материальных и финансовых благ (9-я и 10-я децильные группы). Налог в 13% не без оснований называют «скрытой эксплуатацией». Ссылки на «административные аргументы» в его защиту заслуживают, конечно, внимания, но не могут быть решающими. НДС явно работает на пользу тем, кто получает доходы от акций, банковской деятельности, теневой экономики.

Разговоры о введении налога на роскошь больше похожи на декорацию, да и по сути один этот налог ничего не решает. Дело в том, что вертикаль власти упорно не идет на карди-

нальные изменения распределительных отношений. Основная масса населения, в этой схеме, по определению, обречена на жизнь «по остаточному принципу». Сейчас политика выстроена в пользу наиболее обеспеченных – богатых – слоев населения (10-15%), которые получают доходы, например, за счет ренты, а не зарплат. Все понимают, что так долго продолжаться не может. И социологи (Тихонов, 2007; Россия: реформирование..., 2017), и экономисты говорят примерно об одном и том же. Резервы изменения ситуации в положительную сторону известны: это налог на собственность (возможно прогрессивный), другая система оплаты жилищно-коммунальных услуг, введение стимулирующего пенсионного обеспечения, пересмотр МРОТ и многое другое. Эти и другие предложения, в конечном счете, нацелены на уменьшение эксплуатации труда, на справедливое использование доходов от импорта в интересах всего населения, на ограничения нерациональных трат, на борьбу с теневой экономикой и коррупцией и, в конечном итоге на оздоровление всей обстановки в стране.

Возрастающее напряжение между полюсами бедности и богатства отрицательно сказывается на процессах накопления и использования человеческого и социального капиталов в России. Эти капиталы становятся решающими в современном информационном обществе, от них напрямую зависит возрождение страны в экономической, научно-технической, культурной, военной и конечно во внешнеполитической областях.

Иногда считают, что слабым звеном в управлении социально-трудовыми отношениями является «слишком коллективистский» (общинный) менталитет россиян, когда вся вертикаль управления вынуждена тормозить, чтобы подтянуть всех субъектов трудовых отношений до необходимого уровня. Такой менталитет быстро не изменить, этим мол и объясняется наше отставание от других стран по конкурентоспособности.

Нам представляется, что дело в другом показателе, который называют «дистанцией власти», а мы «шкалой доверия» к управленче-

ской вертикали. Здесь обнаруживаются, пожалуй, главные проблемы и главные препятствия в развитии горизонтальных социально-трудовых отношений в России, их зависимых от отношений вертикальных. Что показывают замеры этой самой «дистанции власти»?

Во-первых, по-настоящему партнерские отношения чаще присутствуют на первичном уровне, что соответствует контактам работников, бригадиров, мастеров, начальников участков и т.п. Однако настрой на партнерство быстро исчезает по мере подъема в иерархии начальствующих должностей и становится мало заметным, когда дело доходит до вершин властных пирамид. Обнаруживаются глубокие социальные разрывы по вертикали.

Во-вторых, резко нарастают диспропорции в формальных и неформальных отношениях по мере возрастания иерархии управления и власти. В формальном плане все может быть вполне благополучно, как на выборах за кандидатов в органы власти в брежневские времена или при голосовании в больших коллективах, когда голос «за» отдается просто потому, что люди не верят в возможность провести другое решение и к тому же остерегаются неприятных последствий для себя. Но неформальные отношения, которые содержат неявные регуляторы, могут незаметно, но все же решающим образом повлиять на степень личного участия в реализации целей организации, на весь спектр трудовых отношений и, в конечном счете, на темпы социально-экономических преобразований.

В-третьих, специфика российской сети всех социально-трудовых отношений заключается в сравнительно высокой сплоченности субъектов по горизонтали и неформальном, часто скрытом, противостоянии отношениям по вертикали. Подобное противоречие иногда рассматривают как специфический признак российской культуры, но это другое, это следствие той исторической эпохи, где отношения управления были подмяты отношениями власти и собственности. Отсюда в нашей культуре власть, собственность и управление были и остаются синонимами.

Разрывы по вертикали («дистанция власти») устранить гораздо сложнее, поскольку

неформальные (доверительные) отношения с «вертикалью власти» могут быть только при относительном выравнивании социально-экономического положения всех субъектов социально-трудовых отношений, включая лиц в самой власти. В некоторых странах, например, скандинавских, относительное равенство выражено весьма заметно. Значит в принципе достижимо.

В России же мы сталкиваемся с парадоксом: укрепление властной вертикали приводит к снижению доверия к власти, поскольку власть таким способом выражает и наращивает социальное неравенство. Фундаментально имитацией доверительных отношений со стороны субъектов властной вертикали потери социального доверия к вертикали не устранить. Однако, с помощью имитации «заботы о всех», вертикаль может на какое-то время привлекать к себе те социальные страты с патриархальным менталитетом, которые по социологическим замерам доминируют в социальной структуре. По некоторым оценкам именно поэтому дистанция власти невелика в отдельных странах, сумевших сделать рывок в социально-экономическом развитии (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг и др.). Граждане в этих странах, – как бы они не ругали верхние этажи иерархии, что бывает практически всегда, – все же воспринимают власть как «свою». Но по-настоящему граждане ценят и уважают власть в той мере, в какой они лично могут в ней участвовать. Конечно, участие в принятии решений «наверху» – достаточно субъективный критерий, но и оно может приобретать институциональное оформление, и становиться более или менее убедительным для большинства населения. Это тот субъективизм, который и фиксирует определенную степень доверия в обществе. Такое доверие к вертикали является главным фактором успеха не только в «боевых условиях», но и в решении мирных задач социально-экономического развития, и в преодолении трудностей, связанных с внутренними и внешними вызовами. Проведенная нами за последние пять лет гражданская экспертиза работы органов власти и управления свидетельствует об опасности

нарастания разрывов по вертикальной составляющей, увеличивающей «дистанцию власти», что может быть индикатором кризисных состояний взаимодействия населения и властно-управленческой вертикали.

2.1. Коррупция в органах государственной власти и управления.

Просчеты и ошибки, допущенные при проведении реформ в социально-экономической, правовой и политической сферах, о которых говорилось выше, сформировали основу для развития коррупционных отношений, пронизывающих все институты и слои общества. Они выступают наиболее яркими симптомами затяжного кризиса отечественной системы управления. Актуальность проблемы определяется еще и тем, что современную Россию характеризует довольно высокий уровень коррумпированности государственного аппарата и бизнес-структур, в сравнении со многими другими странами. Но и в повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с явлениями бытовой коррупции, что свидетельствует о разложении общественной морали и девальвации духовно-нравственных качеств общества.

Под коррупцией здесь понимается социальное явление, поражающее аппарат управления, выражающееся в умышленном использовании государственными и муниципальными служащими, иными лицами, уполномоченными целенаправленно и добросовестно выполнять свои функции в общественных интересах, выполняют их в целях личного или узко группового обогащения. Согласно исследованиям, коррупция становится препятствием динамичному развитию любого общества и ставит под угрозу всякого рода реформы, направленные на формирование и развитие системы органов власти и управления, адекватной внутренним и внешним вызовам (исследования 2005-2012 годов).

Проблемы эффективности функционирования государственных органов управления и связанные с этим явление коррупции и взыточничества рассматриваются на примере Республики Татарстан, которая исследуется нами с 2005 года. Основной тенденцией, выяв-

ленной за годы исследования, и во многом характерной для других регионов страны, можно назвать то, что рынок коррупционных сделок расширяется, что наблюдается рост годового объема этого рынка, а при сокращении доли участников коррупционных сделок, наблюдается значительный рост размеров взяток. Так, в рейтинге учреждений и организаций по среднему размеру коррупционных подношений, лидирующие позиции занимают республиканские министерства и ведомства, суды и военкоматы. Вместе с тем, размер коррупци-

онных подношений в таких традиционно коррумпированных направлениях как здравоохранение, ГИБДД, дошкольное образование, занимают последние места в рейтинге. Это свидетельствует о том, что основной вал коррупционных денег крутится в сфере государственного управления, а не в области бытовой коррупции. По сравнению с данными 2009 года средний размер взятки увеличился вдвое, а то и втрое, что свидетельствует о том, что стали брать реже, но значительно больше (рисунк).

Рис. Динамика среднего размера коррупционных подношений в различных учреждениях и ведомствах (в тыс. руб.)

Fig. Dynamics of the average size of corrupt offerings at various institutions and agencies (in thous. rubl.)

Практически каждый гражданин нашего общества имеет представление о коррупции, однако не каждый в процессе своей жизнедеятельности имеет опыт коррупционных отношений. Доля граждан, хоть раз попадавших в коррупционную ситуацию в течение года представляет собой объем охвата бытовой коррупции. Положительным является то, что

он из года в год снижается – если в 2005 году доля граждан, имевших в течение года коррупционный опыт составило 37,1%, то в 2007 году – 29,9%, в 2009 году – 22,1%, а в 2014 году – 15,0%. Вместе с тем, не каждый гражданин, попадая в коррупционную ситуацию, готов участвовать в коррупционной сделке.

Нами производилась оценка готовности к бытовой коррупции путем измерения доли граждан, которые, попадая в коррупционную ситуацию, пошли на совершение коррупционной сделки – давали взятки. Необходимо отметить, что готовность граждан к бытовой коррупции в татарстанском обществе довольно высокая – из тех, кто попадал в коррупционную ситуацию подавляющее большинство (65,6%) давали взятки, лишь около трети (34,4%) не стали участниками коррупционных отношений. Что же толкает людей к коррупционному способу решения проблем?

Более трети из них (34,1%) объясняют свой поступок отсутствием времени для длительного хождения по инстанциям и кабинетам. Каждый четвертый (25,8%) делал это из желания добиться благосклонности чиновника при решении вопроса. 15,9% респондентов решились на дачу взятки вследствие чиновничьих проволочек, то есть это те граждане, кто явился жертвой вымогательства со стороны должностных лиц. Тревожным является то, что каждый пятый участник коррупционной сделки (22,3%) убежден в том, что «все дают взятки, так принято», что свидетельствует о деформации общественной морали. Позитивное восприятие и оценка коррупции создает питательную среду для ее расширения в масштабах страны, обосновывает ее встраивания в социальную систему в виде неких «заменителей» отсутствующих или плохо работающих законов или иных нормативных актов. Однако большинство населения оценивает реальную угрозу от распространения коррупции и предлагает собственные пути решения проблемы. Так, большинство участников опроса (55,2%) считает, что для противодействия коррупции необходимо ужесточить законодательство (устраивать публичные суды над коррупционерами, привлекать к уголовной ответственности с лишением права занимать руководящие должности), 49,5% опрошенных предложили жестко контролировать распределение и расход бюджетных средств. Более 40% респондентов видят решение проблемы в правовой плоскости: следует улучшить правовую грамотность населения

(44,1%), повысить эффективность деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупционерами (42,4%). Более трети населения предлагают информационные меры противодействия – шире освещать антикоррупционную деятельность в средствах массовой информации (37,4%), проводить агитационную работу с населением для формирования антикоррупционного мировоззрения, чувства нетерпимости к проявлениям коррупции (35,9%). Около четверти респондентов предлагают усилить меры контроля – отслеживание динамики имущественного положения должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, соответствия их расходов официально получаемым доходам (25,4%) и установление постоянного ведомственного контроля за соблюдением чиновниками запретов и ограничений, установленных законодательством о государственной службе и службе в органах местного самоуправления (23,1%). Чуть больше пятой части населения (21,4%) считают, что повышение заработной платы работникам бюджетной сферы способствовало бы искоренению коррупции. Примерно каждый десятый опрошенный предлагает следующие меры: обеспечить доступный и простой механизм судебного обжалования решений должностного лица (12,5%), проводить независимую экспертизу законопроектов, действующих законов, подзаконных нормативных правовых актов на предмет их коррупциогенности (10,9%), стандартизировать и детально регламентировать действия и решения должностного лица при его взаимодействиях с населением (10,6%), обеспечить открытость принятия решений властями на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд (10,2%).

Разработка мер по противодействию коррупции и устранение коррупционной базы чиновников и должностных лиц в виде распределительных и контролирующих функций, а также путем сокращения преступных контактов с населением, является настоятельной необходимостью поступательного развития нашего общества. Следовательно, противодействие коррупции – задача не только власти,

но и населения в целом, и в современных условиях становится задачей национального масштаба. Вопрос в том, чтобы реформа властно-управленческой вертикали включала критерий уменьшения коррупционной составляющей как определяющий вектор её результативности.

2.2. Имитация эффективности деятельности как источник недоверия населения к работе органов власти и управления и причина дезорганизации общественной жизни.

Чтобы разобраться в сущности и особенностях этой постановки вопроса, напомним смысловую трактовку этих слов. Понятие «деятельность» означает специфическую форму отношения человека к окружающему миру и самому себе, выражающемуся в целесообразном изменении и преобразовании мира и человеческого сознания. Деятельность – это процесс, включающий в себя цель, средства и результат. Что касается понятия «имитация», то оно многозначно. *Мы остановимся на той ее интерпретации как подделка, правдоподобие*, причем нередко (но не только) умышленная, с целью ввести в заблуждение или скрыть истинные намерения инициаторов псевдо-деятельности, в том числе, что для нас особенно важно, в сфере управления.

Причины имитации. Анализ существовавших и существующих имитаций показывает, что этот феномен нередко наглядно и выпукло отражает пороки, болезни и помехи в функционировании всех без исключения общественных процессов в политике и экономике, в социальной и духовной жизни. Имитация часто становится плодом деятельности (сознательной или неосознанной), когда создаются искусственные условия, предназначенные для достижения специфических (корыстных), мнимо общественно значимых, групповых или корпоративных целей, но всегда по своей сути, эгоистических. В таких условиях происходит *неконтролируемое, стихийное развитие* общества и государства на всех уровнях, что несет угрозу их существованию, ведет к их деградации, а предпринимаемые попытки справиться с потоком проблем заведомо не дают ожидаемого результата.

Имитация управления становится возможной потому, что нет четко очерченной стратегической цели, нет научной базы ни в её разработке, ни в достижении. История знает успехи стран, когда те руководствовались в своем развитии четко сформулированными, научно-обеспеченными долгосрочными целями, будь то становление и возрождение немецкого государства – ФРГ, бурное развитие Сингапура, Малайзии, Южной Кореи, феномен японского чуда, сегодняшней подъем Китая. В этих странах реальность управления соответствует потребностям времени. Там не было нужды вводить в действие механизмы, обеспечивающие доказательства верности избранного политического курса вопреки объективной логике развития общества. В этом смысле введение новой экономической политики в молодой Советской России было проявлением не просто мудрости или догадки, как это не покажется странным сегодня, а научности избранного курса, который сломал предшествующую политику военного коммунизма (поступок сам по себе самоотверженный) и обеспечил выход страны на довоенные (1913 г.) показатели к 1925/26 году, т.е. через 4-5 лет после окончания гражданской войны. В отличие от этого стратегическое видение развития страны характеризовало период правления Брежнева, перестройку М.С. Горбачева и всю политику в постсоветской России, которая за 25 лет существования так и не восстановила рубежей, которыми обладала в 1990 г.

Имитация управления становится возможной тогда, когда нет лидеров, нет руководителей и политических сил, которые бы взяли на себя историческую (не только личную) ответственность за проводимый политический курс. Если вернуться к успехам выше названных стран, то лидерами, обеспечившими их успешное развитие, стали Л. Эрхард в ФРГ, Ли Куанг Ю в Сингапуре, Дэн Сяопин в Китае. Они и возглавляемые ими политические силы осуществили масштабные преобразования, внесли серьезные коррективы и принципиальные изменения в проводимую до них политику, что было реализовано в изменении и совершенствовании

механизма управления на всех уровнях социальной организации общества. Этот пример наводит на грустные мысли относительно наших реформаторов последних лет и тех, которые горят нетерпением новых потрясений.

Они не учитывают или не хотят учитывать, что их новые благие порывы (если таковые всё же есть) тоже закончатся имитацией, если с самого начала не была обеспечена устойчивая обратная связь их начинаний с народом, когда инициаторы не считаются с его мнением, не советуются с ним, а предлагают на веру руководствоваться решениями функционеров, которые стоят у власти. Обратную связь недостаточно понимать только как участие в избирательной компании. Ей соответствуют другие формы проявления мнения народа: референдумы, органы местного самоуправления, поддержка со стороны общественных организаций и объединений. Эту роль могут выполнить и социологические опросы, включённые в систему управления. Но для этого должны быть разработаны и законодательно введены в практику соответствующие технологии.

В качестве причин, порождающих имитацию в управлении, работают совсем другие механизмы. Среди них можно назвать *желание политических и экономических сил сохранить власть, удерживать ее во что бы то ни стало, обеспечивать свое влияние на общественную жизнь.* С этим связано стремление не допустить существования сильной оппозиции, способной при определенных условиях взять власть. Реализация такого сценария приводит к так называемой «зачистке» политического поля, к авторитаризму, когда реализуются условия для удержания власти одной политической группировкой в ущерб другим. *Отсутствие морального авторитета сил, принимающих в этом случае решения, создает дополнительные предпосылки для распространения имитационной деятельности* по разным направлениям, в том числе на повседневном уровне.

Назовём некоторые распространенные формы и методы. Мощным средством осуществления имитации *в управлении* является

манипулирование общественным сознанием и поведением людей.

Манипулирование связано с попытками отвлечь население от насущных проблем мнимо важными и мнимо неотложными делами. Этот феномен проявляет себя в замене реальных дел показными мероприятиями, что стало реальной чертой российской действительности. Так, мнимой деловой активностью, показухой, т.е. имитацией стало изменение часовых поясов или отмена перехода на зимнее время под ложным предлогом заботы о нуждах людей. Это инициатива Д. Медведева на посту Президента России оказалась беспспорной только для исполнительной власти, для так называемой властной вертикали, поддерживаемой «Единой Россией», которая с административным энтузиазмом бросилась выполнять указание. Как всегда, народ не спросили. А ведь на специально созданном сайте, например, в Петропавловске-на-Камчатке только за неделю из посетивших более 12 тысяч человек 4200 высказались против, и лишь 78 – за. Показательно, что народ проявил себя демонстрациями, акциями протеста во многих регионах страны – на Камчатке, в Южно-Сахалинске, Самарской области, в Удмуртии и ряде других местностей.

И вот в 2012 г. после резкого снижения авторитета партии «Единая Россия», заговорили о «неточности», ошибочности этих решений. Опять же пошли ссылки на «научные» рекомендации, на «народное» мнение. Точь-в-точь как это делалось, когда такие решения принимались.

Особенно феномен имитации проявил себя в переименовании милиции в полицию. Вместо реальных мер по реорганизации органов охраны общественного порядка дело свели к смене вывесок. Были проигнорированы элементарные научно-методологические требования: если реорганизовывать охрану общественного порядка, то нужны меры по реорганизации всех компонентов правовых органов – и суда, и прокуратуры, и адвокатуры, и следствия. Но вместо комплексного рассмотрения было избрано изменение одного компонента структуры, что позволяет сделать

вывод: переименование и даже некоторая реконструкция одного из элементов ни к чему позитивному никогда не приводили и не приводят.

Наиболее наглядно манипулирование проявило себя по отношению к ценностям, которые являются стержнем любой национальной культуры. В первые годы реформ государство фактически сложило с себя задачу воспитания и поддержания в обществе морально-нравственных устоев. Утратили значение прежде незыблемые (по крайней мере, на декларативном уровне) рамки поведения, в которых раньше люди существовали на протяжении всей жизни, начиная с детсадовских «Что такое хорошо, и что такое – плохо» и заканчивая назиданиями взрослым «строителям коммунизма». Население оказалось предоставленным само себе, каждый был вправе решить для себя, что же такое «хорошо». В итоге прописанные в законе нормы уступили место «правилам игры» и выяснению отношений «по понятиям», стихийно складывавшимся в разных сообществах, на разных уровнях и в слоях, в разных плоскостях социальных взаимодействий. В условиях, когда либералы пытались убедить, что, согласно западным традициям, высшей ценностью является индивидуализм, индивидуальная свобода, большинство населения с трудом адаптировалось к ситуации, едва сводя концы с концами. Зато всю пропагандировался незаконный бизнес и доходы; а добившиеся успеха люди с азартом делились своими «секретами», – как обходить законы, как быть жёстким, как идти напролом и добиваться успеха. Тем самым публично были поколеблены такие вековые устои как честь, совесть, достоинство, добропорядочность.

Социальные последствия имитации.

Прежде всего, можно утверждать, что в условиях преобладания показной деятельности, имитации всего и вся, вряд ли можно говорить о возможности вызревания гражданского общества. Недостаточно говорить о среднем классе (слое), его доходах, о его объективном положении и субъективном отношении, если на пути его функционирования (и не только его) лежат такие социальные пороки, как де-

магогия, фальсификация, провокация, профанация, манипулирование общественным сознанием.

Распространенность имитации способствует коррупции: под ее флагом легче осуществлять двойную бухгалтерию, изображать хищения как прибыль, обманывать не только государство, но и окружающих людей. Следует отметить, что политическая власть неоднократно объявляла о борьбе с коррупцией. Б. Ельцин в 1993 г. издал указ о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти. Такие указы и распоряжения неоднократно появлялись, оглашались высокопоставленными руководителями, но зло продолжало расти. В социологических опросах зафиксировано мнение: 34% хотели бы перестрелять всех взяточников и спекулянтов, а еще 38% это идея приходит в голову иногда. Иначе говоря, социальное напряжение достигает критической точки. А меры борьбы с коррупцией, по мнению населения, неэффективны. Вывод, к которому приходят все больше экспертов, – отсутствие должной политической воли в борьбе с этим социальным злом. Осенью 2013 г. появилось новое управление по борьбе с коррупцией в Администрации Президента РФ. Не хватает только механизмов поддержки работы этого подразделения со стороны населения.

Имитация породила такую форму лжепредпринимательства как рейдерство, захват чужой собственности под флагом борьбы за соблюдение требований закона. В результате уже от 39 до 46% убеждены, что сфера предпринимательства – удел узкого круга лиц, приобщенных к политической власти или олигархическим и криминальным структурам. Неминувшим следствием имитации становится коррозия всех звеньев исполнительной, законодательной и судебной власти. Не признак ли коррозии тот факт, что Государственная Дума принимает законы, которые предложены ей сверху, или только партией «Единая Россия»? Наши предложения организовать социологическое сопровождение подготовки и реализации социально-значимых законов, начиная с монетизации льгот, поддержки не получило. Серьезные претензии выражаются и к судеб-

ной системе, которая, по мнению многих, превратилась в аппарат, полностью подконтрольный исполнительной власти. Странная картина получается, как будто люди, оказавшиеся у власти, не обеспокоены тем, что бы их власть пользовалась уважением и поддержкой снизу.

Неудивительно, что в этой ситуации растет социальная апатия, выражающаяся в анонимии. Неверие и недоверие к власти проявляется в том, что очень многие не участвуют в выборах, полагая, что их голос ничего не решает. Чтобы узаконить этот признак отчуждения граждан от своего государства, в законодательстве закрепили норму, что действительными выборы могут быть признаны и при явке в 25%, а кое-где отменили и эту норму. В результате получается, что, например, победитель в выборах мэра Красноярска получил большинство от пришедших голосовать, но это всего 8% от всех избирателей. Имитация приводит к архаизации общества, к возрождению устаревших общественных отношений (некоторые эксперты называют их феодальными) в вопросах собственности, в проявлениях вассального отношений в структуре власти. Имитация проявляет себя и в мировоззренческой позиции многих людей, которые прибегают к такой форме как казуистика или демонстрация преданности начальству при том, что человек говорит то, что от него хотят услышать, а не то, что он думает.

Наконец, господство имитации в российском обществе требует внесения и корректив в социологическую трактовку сущности и содержания общественного сознания и поведения. Приходится признать, что прежние индикаторы не раскрывают полноту и истинность деятельности, том числе и управленческой, не могут зафиксировать реальность и объективность происходящих процессов. Соответственно наше понимание и стремление понять глубинные, латентные причины происходящего и в мире, и в российском обществе, раскрыть механизмы изменений, логику действия основных политических и социальных сил, серьезно ограничено устаревшим аппаратом нашего познания. Все это требует внесения су-

щественных корректив в представления об индикаторах и показателях, при помощи которых мы измеряем общественное сознание и деятельность, в методику формирования в нашей стране реальных, а не показных механизмов обратной связи, способных своевременно оказывать корректирующее воздействие на неблагоприятное развитие событий.

3. Социальная основа успешной модернизации работы властно-управленческой вертикали – налаживание паритетных отношений со структурами гражданского общества.

3.1. Публично-политическое сотрудничество структур гражданского общества с органами власти и управления.

Последние годы показали, что публично-политическое участие граждан и структур гражданского общества становится одним из важных механизмов модернизации системы управления. Более того, если подходить к анализу многосторонних и противоречивых процессов общественно-политической трансформации в России, то можно определенно сказать, что в нынешних условиях она демонстрирует тренд перехода политической модернизации к гражданскому обществу как к одному из субъектов. При этом в процессе своего развития оно начинает выступать в качестве своеобразного «индикатора» качества институциональной среды политической системы, показывая, насколько глубоко и органично в ней может быть представлено демократическое начало. Без расширения качества и системности публичной политики невозможно серьезно вести речь о переходе российского общества к реальным политическим изменениям, а тем более – к инновационному типу нашего развития. В принципе речь надо вести о создании условий для социально-политической инновации – т.е. тех новых форм и технологий общественной жизнедеятельности, которые способствовали бы социальной оптимизации общества и повышению качества жизни большинства людей. Поэтому представляется важным, чтобы в России как можно быстрее возникла полноценная среда, позволяющая реализовать эту функцию гражданского общества. Такая среда включает в

себя науку (которая в контексте гражданского общества, как правило, пока вообще не упоминается), экспертную среду (которая без науки существовать не может), собственно НКО, и такой важнейший институт, как независимые и компетентные средства массовой информации. Множественность политических лидеров и институтов гражданского общества – страховка от опасностей авторитаризма и стагнации, преследующих как тень едва ли не любую крупную демократию и всегда внезапно возникающих перед глазами в периоды преодоления кризисов либо затяжных трудностей. Попросту говоря, ситуация требует разворота к широкому общественному диалогу как процессу мирной декомпрессии сложившегося политического режима. Требуется возврат к реальной демократии участия, т.е. к процессу постепенного «размораживания» политических процессов и гражданских инициатив, которые отвечали бы ожиданиям «повзрослевшего общества», представленного, как следует из социо-структурных исследований, поколениями креативного и среднего классов. Обществу необходимо вернуть веру в работоспособность политических механизмов воздействия на реальную власть, на процесс принятия социально-значимых решений, а, значит, и разделения ответственности за свое будущее между обществом и властью. Большая гибкость и социальная эластичность такой системы позволит вовремя разряжать скопившуюся деструктивную энергию, канализировать недовольство. А самое главное – даст шанс пробиться новым росткам и трендам прогрессивного развития, если под последним понимать переход регионов и страны в целом к новым технологическим укладам.

Иными словами, только развитое гражданское общество может, как показывает опыт стран с высоким уровнем цивилизационного развития, стать прочной базой демократии, без которой невозможно сломать преграды в модернизации России. Публичная политика во многом определяет эффективность государства, от которой зависит решение текущих проблем и будущего страны. Ведущей тенденцией этого процесса должно становится широ-

кое вовлечение в подготовку, принятие и реализацию решений отдельных граждан и всего гражданского общества.

Напомним, что исследование ПП (публичной политики) в американской традиции, например, шло в рамках парадигмы *polycy sciences* (Lasswell, 1986), призывающей к необходимости служебного использования социальных наук для госуправления. И даже, несмотря на неоконсервативную революцию, которая внесла существенные коррективы в понимание сути государства, требующего большего внимания к проблеме согласования социальных интересов и достижения эффективных результатов в реализации общественно-значимых проблем, тем не менее, главный фокус в анализе ПП в США все-таки оставался в рамках действий государства, государственного аппарата, что более соответствует концепту *public administration*.

Европейское же понимание феномена ПП более тяготеет к толкованию его как процесса демократического участия различных групп по интересам, государственных и негосударственных акторов в рамках политико-государственного процесса (*public deliberation*), связанного с процедурой согласования интересов и позиций перед принятием правительственных решений. Так, в частности М. Риттер настойчиво предлагал понимать категорию публичной политики через «демократию участия», или «партиципаторную» демократию: партиципаторная и нормативная теории демократии исходят из того, что постоянное добровольное участие населения в политическом процессе является единственной гарантией сохранения настоящей демократии. Построение демократических институтов, таких, как парламент, правительство, правовые институты, органы исполнительной власти, требующее контроля, не может произойти без участия населения (Риттер, 1998).

Наш, российский, подход должен базироваться на соединении субъектных и институциональных аспектов реконструкции феномена публичной политики, под которой мы понимаем многообразный ансамбль процессов и отношений. Во-первых, ПП являет собой

особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи постбюрократической организации, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», к развитию нового «государственного менеджмента», исключая жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последнюю четверть XX века). Во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений; в-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения возникающих в обществе проблем, а также социальные технологии их реализации; в-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме. Думается, что именно институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их, тем самым, в элемент позитивной социальной динамики.

Если коротко представить суть ПП, то это, прежде всего, действия органов власти опре-

деленного уровня, выступающих в роли субъектов, связанные с поиском приемлемого решения социально-значимой проблемы, а также с его реализацией в интересах общества путем использования соответствующих институтов ПП и при явном участии ключевых акторов ПП. Занимаясь исследованием ПП, главным образом, на уровне субъектов РФ¹, за последние 10 лет, отечественным исследовательским коллективам удалось сделать следующее (Никовская, Якимец, 2013):

- отобрать перечень ключевых институтов ПП (институт выборов, обратной связи, общественного контроля и пр.);
- установить, что кроме управляющих субъектов ПП (органы власти) необходимо участие в ПП и ее акторов (НКО, партии, профсоюзы);
- разработать ЯН-индекс для оценки и мониторинга ПП;
- выполнить исследования по оценке в 38 субъектах РФ, а в 10 сделать мониторинг ПП;
- выявить типологию региональной ПП;
- ввести критерии консолидированности оценок, состоятельность институтов и пр.;

Одним из интересных аналитических результатов исследований 2009-2014 гг., стал антирейтинг институтов ПП, суть которого состоит в том², что с его помощью удалось проанализировать степень их недейственности, а именно:

«1. Недейственность механизмов противодействия коррупции: респонденты всех трех групп (около 2700 человек) из 15 субъектов РФ (из 24 обследованных регионов) поставили

оценку строго ниже 5 баллов (из 10). Тот институт ПП, который получил наибольшее количество низких оценок, определяется в качестве лидера антирейтинга. Это означает, что многие респонденты в большей степени не удовлетворены функционированием данного института по сравнению с остальными. На второе место в антирейтинге попадает такой институт ПП, деятельность которого не отвечает требованиям меньшего числа опрошенных, чем в первом случае. И так далее. Напомним, что было опрошено около 4000 респондентов из власти, бизнеса и общественных организаций).

¹Грант РГНФ № 09-03-00001а, 2009 г. «Оценка состояния публичной политики в регионах РФ: разработка и применение Ян-индекса в сочетании с качественными методами»; Грант ИНОП № 160-рп, 2010 г. «Индексы оценки состояния гражданского общества в регионах современной России»; Грант ИНОП, 2011 г. № 300-рп «Инструментальные подходы к оценке модернизационного развития России: индексы, региональные измерения и рекомендации».

²Используя данные опросов 2009 года, рассчитывается число респондентов из всех 24 обследованных регионов, которые поставили тому или иному институту ПП

оценки от 2 до 5 баллов (по 10-балльной качественной шкале);

2. Слабая защита институтов, предназначенных для сохранения частной собственности и обеспечения равных возможностей участникам экономических процессов: оценки около 2600 респондентов из 17 субъектов РФ оказались в диапазоне шкалы от 2 до 5 баллов, но многие из них были ближе к 5 баллам;

3. Недееспособность института судебной власти (не прозрачен и слабо справляется с обеспечением верховенства закона): групповые оценки около 2000 человек из 11 субъектов РФ «легли» в диапазоне от 2,5 до 5 баллов;

4. Слабая легитимность института выборов: групповые оценки около 1850 респондентов из бизнеса, госслужащих и НКО были даны в диапазоне от 2 до 5 баллов;

5. Неразвитость институтов и механизмов поддержки гражданских инициатив: групповые оценки 1850 респондентов из 12 регионов «лежат» в диапазоне от 2,5 до 5 баллов;

6. Неэффективность институтов СМИ: оценки 1850 респондентов из 12 субъектов РФ «лежат» в диапазоне от 3 до 5 баллов.

В 2014 г. идея антирейтинга институтов ПП была дополнена критерием состоятельности/несостоятельности институтов публичной политики¹. Приведем итоговые данные оценки состоятельности институтов ПП по крупному мегаполису – Санкт-Петербургу. Напомним, что опрос² проходил во втором квартале 2011 г., когда происходила смена губернаторов. Полученные данные симптоматичны в том смысле, что они уже весной 2011 г. показали нарастание существенных дисфункциональных процессов в институциональной системе ПП крупного мегаполиса» (Никовская, Якимец, 2013: 80).

В отличие от большинства российских регионов, которые уже традиционно ставили на первое место негативные оценки неработающему институту противодействия коррупции, крупный мегаполис продемонстрировал уже в июне 2011 г., что сильное и влиятельное гражданское общество на вторые-четвертые позиции вывело недовольство такими институтами как «публичный контроль за деятельностью власти», «институт выборов», «поддержка гражданских инициатив». Возросшая щепетильность городских граждан в отношении неработоспособности институтов обратной связи и возможности свободного волеизъявления посредством выборной процедуры показали нарастание негативной энергии на имитацию института политических выборов и публичной политики в целом.

Обобщение данных полуформализованных интервью с представителями региональной госслужбы, малого и среднего бизнеса, а также некоммерческого сообщества Санкт-Петербурга позволили выявить следующие факторы, препятствующие формированию полноценного формата взаимодействия власти и гражданского общества в поле публичной политики крупного мегаполиса.

Показательно, что представители всех трех секторов взаимодействия власти и гражданского общества оказались единодушны в том, что чрезмерная «вертикализация» политико-государственного управления не способствует развитию межсекторного партнерства, повышению качества взаимодействия в публичном пространстве при решении социально-значимых проблем, а напротив – способствует росту закрытости и бюрократизации государственного управления, снижению действенности каналов социально-политической коммуникации и доверия.

¹Несостоятельные институты ПП – низкие оценки институтов (от 1 до 5 баллов) получены от более 50% респондентов из всех 3 секторов; слабо состоятельные институты ПП – низкие оценки от 33 до 50% респондентов; состоятельные институты ПП – низкие оценки от менее 33% респондентов.

²Всего было опрошено 360 человек из трех групп, включая 76 респондентов из группы госслужащих. На фокус-группе в июне 2011 года эти результаты обсуждались с представителями всех 3-х групп (всего участвовали более 12 человек), которые не просто согласились с результатами, но и в свободной форме дали развернутые интерпретации оценкам.

Таблица 1

**Институциональный дизайн публичной политики в Санкт-Петербурге
(время замера – июнь 2014 г.)**

Table 1

**Institutional design of public policy in Saint-Petersburg
(time measurements – June 2014)**

Несостоятельные институты	%	Слабо состоятельные институты	%
Противодействие коррупции	68	Институт судебной власти –	49
Публичный контроль за деятельностью власти	59	Условия деятельности конструктивной оппозиции	49
Институт выборов	55	Формирование и поддержка общественных интересов	48
Поддержка гражданских инициатив	52	Система здравоохранения	44
		Институт защиты частной собственности	44
		Общественно-консультативные институты	42
		Институт образования	36

В целом, проведенная экспертная сессия подтвердила всей совокупностью интерпретаций, данных представителями бизнес-ассоциаций, НКО-сектора и региональной и муниципальной власти, что характер и качество осуществления публичной политики в Санкт-Петербурге находится действительно в зоне низких оценок, которые не отличаются своей консолидированностью: власть смотрит на вещи более оптимистично, оценивает себя выше и увереннее, бизнес более скромнее в своих оценках. И совсем критические позиции занимают представители НКО-сектора. Все три группы очень низко оценили качество диалога власти и населения. Хотя представители власти поставили себе несколько более высокие оценки. На их взгляд, симметричной коммуникации и развитию диалога препятствуют три фактора: отсутствие гражданской культуры у населения; – низкий уровень институционального доверия, когда каждый сектор друг другу не доверяет. И третье – патерналистское восприятие власти.

НКО усматривает главную причину низкой результативности диалоговых механизмов в излишней бюрократизированности в

принятии решений, в неотзывчивости власти: «Если власть очень жестко регламентирована на каждом шагу своей деятельностью, отзывчивости от нее на запросы населения ждать не приходится. Всеми показателем – качеством принятия решения. Сейчас в течение нескольких, даже многих лет в финальной стадии мы наблюдаем неспособность власти принимать профессиональные, грамотные, качественные, просчитанные решения...».

В целом, общая тенденция развития публичной политики за последние 2 года в стране характеризовалась нарастанием имитационных явлений: ни в одном из регионов, где в 2011 г. прошел мониторинг, не произошло позитивного приращения конструктивного потенциала ПП. Нет ни одного нового примера прибавления партнерского или хотя бы сбалансированного типа ПП. Количественный и качественный анализ результатов показал, что состояние ПП стало в большей степени характеризоваться негативными свойствами: нарастает имитация, происходит обрыв и фальсификация обратной связи (Никовская, Якимец, 2014).

Таблица 2

**Факторы, препятствующие развитию публичной политике в Санкт-Петербурге
(1 балл – минимальное проявление, 10 баллов – максимальное)**

Table 2

**The factors hindering the development of public policy in Saint-Petersburg
(1 point – minimal manifestation, 10 points maximum)**

н/п	Фактор	Власть	НКО	МСБ
1	Монополизм политико-административного режима (чрезмерная «вертикализация» власти)	8	9	10
2	Отсутствие климата заинтересованности в сотрудничестве и партнерстве	6	10	8
3	Отсутствие нормативно-правовой базы, которая обеспечит эффективное взаимодействие власти и ГО	2	5	6
4	Существенные проблемы с ресурсно-материальным обеспечением МСП	6	9	5
5	Отсутствие соответствующих институтов взаимодействия	8	10	4
6	Недостаточность каналов информационного общения, в том числе в режиме «онлайн»	4	8	7
7	Недостаточная компетентность представителей ГО; сами представители НКО, бизнеса не стремятся, не понимают значимость взаимодействия	8	9	8
8	Чрезмерный бюрократизм и закрытость системы госуправления в регионе	9	8	10

По итогам исследований установлен следующий вывод: при сохраняющейся безапелляционности органов федеральной власти при введении «реформаторских решений», без обсуждения с другими акторами и без пилотной отработки в регионах, неминуемо возникают негативные последствия ее реализации (социальные последствия монетизации льгот, получение полномочий без соответствующих материальных активов для МСУ, повышение ставки страховых взносов для малого и среднего бизнеса, характер реформ РАН, и пр.), отражающиеся в ухудшении оценок состояния ПП со стороны гражданского общества.

Наши исследования в целом подтвердили, что административное начало власти начинает значительно доминировать в поле публичной политики. Мощное сплетение противоречивых тенденций зреет в точке сопряжения потребности на усиление регулирующей роли государства и той силы, которая в первую очередь пользуется растущим влиянием государственного начала – государственной бюрократии.

Актуальные направления цивилизованного выстраивания ПП в РФ, связанные со становлением системы конструктивного и расширенного

участия граждан в выработке, принятии и реализации решений, включают в себя (Никовская, Якимец, 2013):

- развитие институтов диалога властных структур и гражданских организаций;
- создание современных подходов к просвещению граждан в отношении их участия в ПП;
- развитие и использование инструментов гражданского контроля и экспертизы общественно-значимых программ и решений;
- создание переговорных площадок и инструментов для совместного обсуждения проблем в поле ПП;
- систематическое сотрудничество власти с представителями экспертного сообщества по оценке и мониторингу состояния институтов и акторов ПП и формированию повестки дня.

В ежегодном Послании Федеральному собранию В. В. Путин, выделяя доминантную роль государства в политической системе, тем не менее, отметил, что продолжает сохраняться «низкая эффективность государственной власти и коррупция. Без качественного современного госуправления... мы не решим задач, стоящих перед обществом и страной».

Противовес негативным явлениям Президенту видится в растущей гражданской активности, в открытости и прозрачности власти, в добросовестной, цивилизованной конкуренции, в расширении форм прямой демократии, гражданского контроля, качества диалога между властью и обществом.

Однако реально мы видим нарастание противоречия между «демократической формой», представленной PR-компанией статусно-властных персон, и авторитарным содержанием сложившейся политической системы. Сегодня бюрократическая номенклатура играет в имитацию публичной политики, как бы подключая к соуправлению гражданское общество, продолжая, тем не менее, воспроизводить бюрократически-элитарный стиль правления. Таким образом, формируется бюрократическая стабилизация под жестким контролем административных структур, с опорой на патрон-клиентские отношения, с большой примесью внеправовых практик и отношений. В этих условиях социально-политические условия функционирования реальной публичной политики явно и резко сужаются. И такое положение дела для бюрократической номенклатуры выгодно, поскольку это способствует максимизации разницы между доходами и расходами казны. Такое положение дел поддерживается и могущественными группами со специальными интересами. И в этом состоит главная потенциальная угроза национальным интересам развития российского общества. «Повзрослевшее» гражданское общество выдвинуло для государственной власти новые вопросы современной повестки дня: правовое государство, независимый суд, контроль над бюрократией, ответственность власти, свобода дискуссий, гарантии собственности как условие безопасного существования и инновационного развития страны. По сути, это выражение тех требований, которые означают создание институциональной системы современного общества, обеспечивающей ему условия для реального дальнейшего прогресса. Представляется, что гражданское сопротивление общества может способствовать тому, что государственная власть – хотя бы ее верхние эшелоны –

должны повзрослеть в политическом отношении, т.е. осознать неизбежность осовременивания политической системы и встраивания в нее новых общественно-политических субъектов, которые будут формировать облик нового общественно-политического тренда развития.

Ни одно политическое изменение невозможно без развития принципов и многообразных форм публичной политики, а последняя, помимо прочего, включает не только оппонирование власти в публичном дискурсе, но и массовую мобилизацию, способствующую постановке болезненных проблем в современную повестку дня и их решение. Именно поэтому внимание к состоянию публичной политики может своевременно указать, в какой форме происходит взаимодействие власти и гражданского общества – в цивилизованной, конструктивной или нет, и соответствует ли это качество взаимодействия возросшим ожиданиям «повзрослевшего» российского общества.

3.2. Реформу вертикали органов власти и управления нужно начинать с возрождения самоуправления в российской глубинке.

Гражданское общество включает в себя все формы социальной самоорганизации граждан, не являющиеся частью государства. Они могут быть выражением как синтеза частного и общественного интересов, так и их конфликта. В современной России наблюдаются две противоречивые тенденции: с одной стороны, идет огосударствление или подчинение государственному контролю отдельных форм гражданского общества, а с другой – происходит уход гражданского общества в «серую» зону, не контролируемую бюрократией, или даже в область нелегальной, открыто антигосударственной деятельности. При всей своей внешней противоположности эти тенденции обуславливают друг друга.

Идеальная европейская модель сводима к формуле: гражданское общество порождает государство, которое его защищает, оставаясь в то же время под его неформальным контролем. Идеальная модель этатристической цивилизации, в рамках которой веками развивалась Россия, противоположна. Здесь государство

порождает гражданское общество в качестве своего вспомогательного инструмента и стремится искоренять те его проявления, которые эту функцию не выполняют. Это механизм проявляется на всех уровнях.

Цель данного раздела доклада – обращение внимания прежде всего на особенности элементов гражданского общества на уровне малых населенных пунктов по критерию их отношений с государством и с государственной властью.

В российских СМИ и политических дискуссиях под гражданским обществом обычно понимаются негосударственные общественные организации, круг которых нередко ограничивается только НКО. Это существенное отступление от научной традиции, ведущее к опасному упрощению понимания социальной реальности. НКО – это лишь незначительная и далеко не самая важная часть гражданского общества, хотя в силу разных причин о них говорят чаще всего, обозначая «зонтиком» понятие гражданского общества.

Обычно за скобки определения гражданского общества выводятся организации, действующие вне рамок закона. Однако опора в социологическом анализе на критерий правовых норм сомнительна, т.к. деструктивную роль по отношению к обществу в целом государство нередко выполняет более эффективно, чем мелкие преступные группировки (например, исторические прецеденты массовых репрессий, агрессивных войн, нерациональных решений в области экономики и т.д.).

Категория гражданского общества отражает неоднородную и противоречивую реальность. В литературе, посвященной этой теме, эта сложность обычно недооценивается, что проявляется в объединении под одним «зонтиком» категории гражданского общества качественно разных явлений. В данном докладе структура гражданского общества никак не увязывается с критерием легальности / нелегальности его субъектов.

В наиболее чистом виде анатомия гражданского общества проявляется в малых населенных пунктах. Здесь логика повседневной жизни обнажает структуры самоорганизации граждан более зримо, чем в больших городах

с характерной для них атомизацией социальных отношений.

Гражданское общество в идеальном западноевропейском варианте – это сфера отношений самоорганизации, которая, во-первых, не зависима от государства, во-вторых, прямо или опосредованно является почвой для подготовки государственной политики; в-третьих, осуществляет неформализованный контроль деятельности государства. В силу специфики истории России в более или менее заметном виде такое общество существует исключительно как совокупность зон общественной жизни, которые государство не может или не хочет поставить под свой контроль. Современное российское государство в какой-то мере использует отношения и настроения в обществе в качестве материала для разработки и оправдания своей политики, однако отбор такого материала идет почти исключительно по инициативе политиков и чиновников. Попытки же контролировать государство снизу пока не дают почти никаких результатов. Исключением являются лишь некоторые общественные кампании протеста, вынуждающие государственные органы обратить внимание на те или иные проблемы. Рассмотрим потенциал развития проявлений гражданского общества на самом низовом поселенческом уровне, который ждёт более полного использования.

Основными элементами гражданского общества, тесно переплетающегося с государством, в российской глубинке являются:

А) *Органы муниципального самоуправления*. Формально ядром гражданского общества в малых населенных пунктах является местное самоуправление, которое закон определяет, как «форму осуществления народом своей власти, <...> самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» (ФЗ № 131 от 6.10.2003). Статья 34 того же закона оговаривает, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

В реальности же органы местного самоуправления, с одной стороны, жестко встроены в вертикаль государственной власти, находятся под руководством и контролем региональных государственных органов. С другой стороны, пассивность, отчужденность населения от власти на местном уровне столь велика, что альтернатива бюрократической иерархии в форме самоуправления плохо просматривается.

Б) *Местные партийные организации.* Формально они являются политическими организациями, что вызывает вопрос о правомерности их включения в гражданское общество. В нулевые годы сформировалась партия «Единая Россия», территориальные ячейки которой возникли почти во всех населенных пунктах районного масштаба, а нередко и ниже. Ядро их повседневной работы – решение социальных и культурных вопросов. При этом существенная часть содержания этой работы порождена местной инициативой.

Местные органы «Единой России» по образцу КПСС тесно переплетены с местной властью, являясь ее «приводными ремнями» в отношениях с населением. В отличие от КПСС руководящей роли «Единой России» по отношению к органам власти не получается. Все наоборот.

Организации оппозиционных партий в глубинке почти полностью исключены из системы власти, если не считать их представительство в муниципальных советах в количестве, не дающем никаких шансов на реальное влияние. Сфера сугубо политической деятельности у них предельно сужена, поэтому единственный путь завоевания популярности – это участие в решении местных социальных проблем. Все это позволяет отнести их к элементам локального гражданского общества, хотя усилиями местной власти они обычно заметно маргинализированы.

В) *Частный бизнес* – это в настоящее время наиболее эффективная и масштабная часть российского гражданского общества. В рамках гражданского общества, видимо, надо рассматривать преимущественно социальный аспект деятельности частных фирм. Во многих случаях его успешность сильно зависит от

расположения местных органов государственной власти. Это формирует политически лояльный бизнес, не способный играть роль активного и самостоятельного субъекта гражданского общества в тех вопросах, которые вызывают противоречие либо с государственными органами, либо с чиновниками как носителями частного интереса.

Однако на уровне малых населенных пунктов иерархия выстраивается по-разному. Малый бизнес целиком контролируется местной администрацией. Средний и крупный находится под контролем вышестоящих – региональных или федеральных – органов, поэтому может во многих вопросах просто игнорировать районную и городскую/поселковую власть или навязывать ей свои решения.

Г) *Религиозные организации.* Во всех районах в той или иной мере представлены различные религиозные организации. В первую очередь это те, которые представляют т.н. «традиционные религии», т.е. православие и ислам. Формально они независимы от государства, однако массой видимых и невидимых нитей связаны с ним. С одной стороны, государство стремится использовать традиционные религии, надеясь заполнить образовавшийся духовный вакуум, который все более угрожает целостности общества. С другой стороны, религиозные организации, прежде всего Русская православная церковь, будучи одержимы амбициозными проектами «духовного возрождения», ядро которых составляет строительство и восстановление культовых сооружений, физически не в состоянии обойтись без поддержки государственных органов.

Схожая ситуация с исламом в регионах, где он считается «традиционной религией» титульной нации. В то же время этих районах возникают формы самоуправления, основанные на религиозном праве (например, шариатские суды).

В ином положении находятся религиозные организации, объединяющие приверженцев «нетрадиционных» религий. Они превратились в реально независимые от государства структуры, хотя и они нередко зависят от решений местных администраций в основном в

вопросах отвода участков земли под строительство, получения разрешений на подключение к инженерным сетям и т.д. Их независимость реальная, но очень зыбкая, поэтому они в отличие от РПЦ, старательно избегают всяких высказываний по вопросам политики и не допускают критики власти на всех ее уровнях.

Д) *Общественные организации.* В советское время на местном уровне действовала четко организованная система общественных организаций, унифицированных и централизованных в масштабах всей страны. Все они действовали под прямым или косвенным партийным руководством и лишь с большими оговорками могли рассматриваться как элементы гражданского общества.

В постсоветское время почти вся прежде разветвленная и массовая система общественных организаций рухнула. Остались только профсоюзы, которые постепенно стали утрачивать даже прежнее ограниченное влияние и масштаб. Во многих районах в 1990-е гг. полностью исчезли все общественные организации. Таким образом, на этом уровне гражданского общества возникла реальная пустыня.

В нулевые годы государственная власть предприняла усилия по возрождению молодежных организаций фактически советского типа. При районных администрациях были созданы отделы по работе с молодежью, а под их крылом – общественные организации типа «Молодой гвардии», «Наши» (обычно филиалы общегосударственных). Формально эти организации независимы от государства, но фактически во главе них в той или иной мере стоят молодые чиновники из отделов по работе с молодежью.

Негосударственные (некоммерческие) организации государство терпит до тех пор, пока последние не предпринимают попыток влиять на государственные органы и контролировать их. Организации, представляющие гражданское общество, являются, с одной стороны, негосударственными (НГО), а с другой – некоммерческими. В западном дискурсе доминирует термин NGO (Krut) – негосударственные организации, в российском официальном дискурсе – НКО, т.е. некоммерческие организации. За этими лингвистическими различиями

стоят серьезные расхождения в представлениях о сути этих организаций. Для российской власти главное – их некоммерческий характер, что влечет следствия в области налогообложения, а независимость от государства не рассматривается как важная характеристика.

Они, как и местное самоуправление, лишены возможности создать свой финансовый фундамент, опираясь на внутренние источники. Отсюда простая альтернатива: получать поддержку либо зарубежных организаций, либо собственного государства. Оба варианта делают их неполноценными субъектами гражданского общества.

В российской глубинке местная власть с большой опаской относится к попыткам создания реально независимых от нее организаций. Особенно болезненно они воспринимаются, когда их социальная активность неизбежно выходит на критику районной или поселковой власти. В этих случаях такие организации рассматриваются как деструктивная сила, вставляющая палки в колесо, как объединения критиканов, которые ничего конструктивного сделать не в состоянии. В силу этого реально независимые от власти НКО – большая редкость.

Е) *Независимые от государства СМИ* создают информационное пространство, играющее важную роль в формировании, говоря в терминах Б. Андерсона (Anderson, 1983), воображаемого сообщества – как села или городка, так и нации. Их усилиями формируется социальная ткань, соединяющая индивидов, не находящихся в непосредственном регулярном взаимодействии. «Мы» – это те, кто потребляет более или менее схожую информацию, обладает близкими информационными потребностями.

В постсоветское время местные газеты стали независимыми от государства. Обычно их учредителями становились их трудовые коллективы. Однако сразу же встал вопрос финансирования. Лодка демократической журналистской романтики разбилась о волны рынка. В отличие от больших городов, районные газеты обычно не представляли интереса для бизнеса, поэтому переход их в руки капитала представлял собой периферийный вариант

развития. Лишь газеты, сумевшие оседлать местный рекламный рынок, смогли удержаться на плаву в качестве не зависимых от государства, но обычно на основе негласного условия не вмешиваться в политическую жизнь. В 2000-е годы независимые общественно-политические газеты районного уровня представляли собой уже большую экзотику. Единственным финансовым выходом оставался переход под крыло районных властей в форме либо их учредительства, либо поддержки в виде разного рода субсидий, заказов и льгот. Разумеется, оба варианта предполагают высокий уровень лояльности районной администрации.

Таким образом, в системе традиционно понимаемого гражданского общества российской глубинки четко прослеживается тенденция к нарастанию государственного контроля и руководства. Это делает данную часть гражданского общества периферией государства, его «приводным ремнем» к массам (если говорить на языке Ленина).

В жизни граждан возникает много частных проблем, решением которых органы власти не могут или не хотят заниматься. Однако проблемы требуют своего решения. Выход только в самоорганизации граждан и в координации ими своих действий в этом направлении. Возникает неформальное гражданское общество, элементы которого не оформлены в виде зарегистрированных организаций, имеющих свои уставы и права юридических лиц. Однако социальная организация не предполагает в качестве своего атрибута бюрократического оформления. Это сугубо факультативное свойство.

Отношение властей к такой гражданской самоорганизации неоднозначное по разным причинам. С одной стороны, самоорганизация граждан в деле удовлетворения своих потребностей позволяет органам власти сбросить с себя часть проблем, приписав при необходимости результаты себе (например, газификация отдельных улиц, расширение инфраструктуры водопровода, подвод электричества, освещение улиц, ремонт тротуаров, а порою и дорог, прилегающих к домам). Однако власть

болезненно относится ко всяким попыткам граждан, что-то делать и решать в обход нее.

С другой стороны, самоорганизация граждан для решения собственных проблем происходит в пространстве здравого смысла, переплетающемся с пространством традиций, а иногда и религии (например, внедрение норм шариата в повседневную жизнь Северного Кавказа), использовать незаконные методы влияния (например, взятки). Иначе говоря, практическая логика регулярно толкает к нарушению закона, что ставит власть в двусмысленное положение: либо пресекать эти действия, но тогда проблема не будет решаться, либо не замечать то, что делают жители населенного пункта.

Проявления неформального гражданского общества:

а) Теневая и полутеневая экономика. Это формы гражданской самоорганизации в сфере экономики, независимые от государства, а чаще всего противостоящие ему. Нередко эта активность приобретает формы прямого паразитирования на государственных ресурсах, распределяемых вопреки интересам государства. Другая типичная форма отношений этой части гражданского общества с государством – уход от налогов.

б) Явочная приватизация элементов государства. Государство – это машина, управляемая людьми, преследующими свои частные интересы. Если частные интересы в ней жестко не контролируются, то происходит приватизация элементов этой машины – отдельных рабочих мест или целых органов. Этот феномен обычно называют словом «коррупция».

в) Клань. Клан – это один из элементов гражданского общества, объединяющий более или менее заметную группу людей, часто связанных родственными и свойственными связями, дружбой. Они представляют собой формы самоорганизации, нередко оказывающие влияние на работу государственных органов. Клановая солидарность превышает гражданскую, поэтому если члены клана оказываются на руководящих постах в государственных органах, то клань подчиняют их себе. На приоритете клановой солидарности строится

система патрон-клиентских отношений. Особенно заметен этот срез гражданского общества на Северном Кавказе.

г) Криминальные сообщества. Как это ни парадоксально звучит, но эти группировки – составная часть гражданского общества, уходящая корнями в давнюю историю. Это одна из немногих частей гражданского общества, переживших периоды даже самого жесткого огосударствления (например, эпоху сталинского авторитаризма). Появлявшиеся время от времени нелегальные политические группы быстро ликвидировались органами государственной безопасности, видимо, просто в силу, во-первых, их малочисленности, во-вторых, опасности, которая им приписывалась. Все это позволяло концентрировать на них силы органов государственной безопасности и быстро добиваться успеха. Совсем иная ситуация всегда была с уголовными формами самоорганизации. В силу их массовости государство было в состоянии в лучшем случае лишь контролировать их численность, сводя ее допустимому минимуму.

д) Мафиозные формы. Мафия – это широко распространенный метод самоорганизации (Stölting, 1983). Он представляет собой одну из форм гражданского общества, в которой частный интерес самореализуется в форме преступного союза чиновников и бандитов, синтеза приватизированных элементов государства и криминальных сообществ.

Отношения государства и преступных сообществ имеют три основные формы.

Во-первых, это ситуация, при которой криминальная группа подчиняет себе тем или иным образом местные органы государственной власти. В крайнем случае, это их полное подчинение через интеграцию в криминальную группу ключевых государственных руководителей района или города / села. В мягком варианте – это проникновение криминальных групп в органы государственной власти в точечном режиме.

Во-вторых, подчинение государственными органами криминальных групп с целью использования их в своих корыстных целях и под своим контролем.

В-третьих, формирование частных корпораций внутри системы государственного и муниципального управления. Один из типичных примеров этой модели – Балашиха в Нижегородской области, где ряд руководителей местных органов власти и управления создали частные предприятия, эксплуатировавшие местное население через искусственное завышение тарифов на ЖКХ.

Это идеальные типы, которые в реальности проявляются в форме организаций, где наблюдается весь спектр возможного баланса сил.

Религиозные группы, не зависящие от государства. Крайний их вариант – исламский фундаментализм, стремящийся создавать параллельные структуры власти.

е) Антигосударственные и реально независимые религиозные объединения. Наиболее яркий их пример – организации ваххабитов. Изначально были предприняты попытки организации в отдаленных районах Дагестана местного самоуправления на основе принципов фундаменталистски интерпретированного ислама. После начала борьбы государства с ваххабизмом, который был поставлен вне закона, эти формы гражданской самоорганизации ушли в подполье, превратившись в органы вооруженного сопротивления, опирающиеся на идеологию «священной войны».

В более компромиссном положении находятся легальные и нелегальные секты, действующие, во-первых, в рамках христианского дискурса, во-вторых, принадлежащие к т.н. «новым религиям». Местные органы власти часто просто не знают, что с ними делать. Такие сектантские общины (если говорить в терминах православия как доминирующей церкви) представляют собой элементы гражданского общества, выполняющие не только религиозные, но и социальные функции (материальная взаимопомощь, совместный труд над общими проектами, организация досуга членов общины, образование и воспитание детей и т.д.).

Резюме. Традиционный для России курс на огосударствление всех форм гражданского общества в условиях низкой эффективности

государственного управления порождает компенсаторные формы этого общества, в которых ярко проявляется противоположная крайность: социальный эгоизм. Такие формы гражданского общества, с одной стороны, компенсируют сбои в государственном управлении, игнорирующем множество частных интересов и часто жертвующем социальными целями во имя бюрократических форм (например, коррупция, патрон-клиентские отношения позволяют решать проблемы, упирающиеся в тупики бюрократических правил). С другой стороны, эти формы, вытесняемые в нелегальную сферу, приобретают явно антиобщественный и антигосударственный характер. Таким образом, стремление государства всем управлять и все контролировать дает прямо противоположный результат: общество становится все менее управляемым, что компенсируется формами гражданской самоорганизации, опирающимися на ярко выраженный социальный эгоизм.

4. Организация мониторинга работы властно-управленческой вертикали как предпосылка разработки проекта модернизации отечественной системы управления.

4.1. Практическая актуальность мониторинга и его научное обоснование.

Подлинные проблемы конструирования приемлемого для России механизма социальной регуляции отношений власти и управления проясняются с трудом. Стили управления, кроме критикуемого авторитарного, бывают разные: либеральные, например, как попустительские, демократические и смешанные. Они могут быть более или менее адекватными реальным проблемам выживания и развития, отвечать интересам всех, большинства или только отдельных слоев общества. Но кто может с уверенностью сказать, какой стиль или способ управления адекватен внешним и внутренним вызовам и угрозам в конкретной стране в конкретных исторических условиях её жизни, а какой нет? Кто скажет, как на самом деле складываются эти стили: объективно и непреложно, сами собой или произвольно конструируются органами власти и управления в своих интересах? Может ли быть гарантией адекватности стиля управления полная

поддержка его населением? Или есть какой-то процент поддержки, который будет достаточным, чтобы управление было и легитимным, и эффективным? Во всём этом нет ясности. Несомненно, только одно, что без научных исследований ответить на эти и подобные вопросы не представляется возможным. Но дело не только в этом. Дело в организации такого мониторинга для практики управления, которая не может самосовершенствоваться без обратной связи. Эту роль способен выполнить предлагаемый мониторинг.

Похоже, что и у нас, и за рубежом только сейчас наметился серьезный поворот политиков к решению проблем управления социально-политическими, экономическими, экологическими и др. процессами не только как обычно на предприятиях, но и на территориях, поскольку за последние годы эти процессы не раз показывали свою неукротимую стихийно-разрушительную силу, несмотря на то, что начинались из самых благих побуждений. Не случайно, в последнем (докладе Национального разведывательного совета США (Глобальные тенденции 2030..., 2013) говорится, что сегодня, в основу прогнозных оценок, специалисты кладут как традиционные показатели (ВВП, численность населения, уровень технологических инноваций и военных расходов), так и новые – такие как развитость систем управления в отдельных регионах и странах. Дело в том, что «развитость систем управления» действительно становится стратегическим ресурсом, который учитывается экспертами при формировании прямых и альтернативных сценариев на глобальном, региональном и местном уровнях. Но на вопрос, учитывают ли такую «развитость» субъекты принятия решений наших властно-управленческих структур, трудно ответить определенно. Будем считать, что они не вполне учитывают или даже не вполне знают, что это такое, поскольку заказов на разработку индикаторов «развитости», как и вообще стандартов эффективной деятельности системы управления разных уровней мы в Российской академии наук не получали. Во всяком случае, в планах фундаментальных исследований государственных

академий на 2013-2020 гг., где справедливо говорится о необходимости решения методологических проблем анализа трансформации российского общества и разработки социальных технологий управления, специального финансирования таких разработок не предусматривается.

Мы предлагаем адресату национального Доклада обратить внимание на некоторые, пусть еще и не окончательные, результаты измерений степени «развитости отечественной системы управления», на основе методологии мониторинга отношения населения к работе всех звеньев системы властно-управленческой вертикали (ВУВ) в 2010-2015 гг. в рамках Метапроекта «Гражданская экспертиза сферы управления», который инициирован Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН и продолжается при поддержке гранта РФФИ № 15-18-30077 (Тихонов, Ленков, 2017; Тихонов, Богданов, Гусейнова, 2017; ИНАБ №1., 2016; Россия: реформирование..., 2017). Уже предварительные результаты показывают, что аппарат этого исследования может стать основанием для получения необходимых данных относительно состояния и тенденций трансформации отечественной системы управления. Без таких данных нет смысла затевать какую-либо реформу ВУВ.

Целью нашего исследования является диагностика состояния властно-управленческой вертикали на основе экспликации структуры и содержания этих диспозиций. Диагностика здесь понимается в буквальном смысле слова как процедура оценки степени поддержки населением способности властно-управленческой вертикали осуществлять свои функции. Отсюда её название – «гражданская» или, что одно и то же, социальная. Этот подход позволяет лучше понять, и, главное, эмпирически исследовать реальные перспективы и возможные последствия управленческих реформ.

Властно-управленческая вертикаль – это совокупность формальных и неформальных механизмов регуляции социальных отношений, среди которых отношения управления взаимодействуют с отношениями власти и

собственности. По способности поддержать социальный порядок в экстремальных условиях и обеспечить при этом участие всех групп и категорий населения в принятии социальных, институциональных и менеджерских решений, определяется, на наш взгляд, и степень «развитости» систем управления. Разведывательные органы глобальных центров силы не из уважения к научным истинам, а из прямого интереса к стратегии и тактике ведения организационных и информационных войн (типа «цветных революций», «арабской весны», украинского кризиса) ввели в показатель развитости системы управления критерий «дефицита демократии».

Как пишет чл. корр. РАН Н.И. Лапин, власть для одних представляет желаемую ценность, для других – антиценность, а третьи проявляют к ней безразличие. По его данным (исследование «Наши ценности и интересы сегодня – 1990-1998 гг.» (Лапин, 2003)), в России ценность власти признают около 20% населения, безразлично относятся – 14%, а негативное отношение испытывают – 66%. Не удивительно, что народ нередко пассивно относится и к выборам органов власти. Однако это совсем не значит, что респонденты с негативным отношением к власти как к ценности не выражают ей поддержку в определённых ситуациях. В нашей ментальности власть и управление синонимы. Проблема наша, в связи с этим, не столько в «дефиците демократии», сколько в «дефиците управления» в органах власти и в низкой социокультурной компетентности кадров, благодаря чему даже самым демократическим способом избранный руководитель завтра может превратиться в заурядного взяточника и держиморду. Как и в случае с данными исследования академика РАН М.К. Горшкова и др. (отношение россиян к реформам) важно знать, что стоит за отношением к власти таких категорий как её противников, сторонников и умеренных «срединников», и как это соотношение связано с выполнением органом власти функций управления.

4.2. Описательные и прогностические возможности методики гражданской экспертизы работы органов власти и управления.

Что показывает анализ материалов гражданской экспертиз системы управления в 2012 г. по разработанной нами методике? Оказалось, что на федеральном уровне самая слабая позиция у законодательных органов. Здесь не только сильная отрицательная динамика, но и превышение в два раза числа противников над числом сторонников. Наиболее показательными являются и крайние проявления своей позиции: среди противников – 25,6% у Государственной Думы, и 23,6% у Совета Федерации – категорически против. У исполнительной власти наихудшее положение в руководстве отраслями народного хозяйства. Здесь наибольший процент «неответивших» (20,4%). Основная масса населения, скорее всего, плохо знает, чем занимаются отрасли. Здесь тоже довольно высокий процент противников (43,5%) – в два раза больше, чем сторонников. В целом у этой структуры тоже обнаруживается ярко выраженная отрицательная динамика. Президентская и Правительственная власть отличается характер соотношения противников, сторонников и умеренных «серединников».

У первой довольно устойчивое распределение противников, сторонников и «серединников» (почти поровну), а у Правительства «коленчатое плато» – заметная отрицательная динамика. Эту динамику повторяет уровень управления регионами и уровень администрации городов и сел, где также видна отрицательная динамика. Последнее всегда означает, что срединная часть воздерживается от социальной поддержки управленцев определённого уровня.

Отдельного комментария требует оценка респондентами работы самого широкого по охвату, близкого и понятного любому гражданину уровня – уровня управления конкретной организацией.

Это то место, где действует непосредственная связь личного и общественного, индивидуального и институционального. Мы об-

наружили, что именно здесь властно-управленческая вертикаль в нашей стране имеет положительную динамику, т.е. большое (больше половины) и растущее число её сторонников. Качественный анализ состава триплекс-структур, приведенный ниже, свидетельствует о наибольшей концентрации на этом уровне инновационного социального потенциала страны. Это обнадёживающее обстоятельство говорит о том, что у России, наряду с высоким уровнем доверия к внешнеполитической деятельности института президентства есть естественная и мощная социальная база поддержки «снизу», со стороны такого звена как первичные производственные организации.

Наш анализ так же показывает, что в целом властно-управленческая вертикаль находится в неустойчивом состоянии. Она имеет интенцию к глубоким изменениям, как на уровне представительной власти, так и на уровне Правительства и отраслевых министерств. Управление в городах, поселках и селах в общем процессе трансформации вертикали (ВУВ) пока существенной роли не играет.

Система управления в стране, по нашим данным, поддерживается в работающем состоянии с двух сторон: сверху – стабильной (равновесной) позицией отношения к Президенту РФ, и снизу – где положительная динамика в управлении организациями поддерживает общий оптимистический настрой в стране. Кроме того, что не вполне очевидно, но особую стабилизирующую роль выполняет категория умеренных или «серединников» (треть опрошенных), которая в численном соотношении достаточно велика, чтобы поддержать, в случае изменения социально-политической конъюнктуры, либо сторонников конструктивной программы реформирования властно-управленческой вертикали одновременно и снизу, и сверху, либо поддержать противников нынешнего политического курса, если дело дойдёт до радикальных перемен «снизу». Эти выводы сделаны нами в «первом приближении», поскольку требуется более детальное рассмотрение состава и ориентаций, выделенных нами социоментальных групп по

другим параметрам и продолжение исследований в регионах на основе мониторинга.

Гражданская экспертиза показала, что на первом месте по вкладу в структуру отношения населения к органам власти и управления выходит отрицательный опыт обращения респондентов в местные органы. Этот факт оказался на составе противников и сторонников, и Президента, и Государственной Думы. На втором месте оказался фактор электоральной активности. Практически все самые низкие оценки Президента и Государственной Думы идут от респондентов, которые не участвовали в федеральных, региональных и муниципальных выборах. На третьем месте по влиянию находится такой необычный фактор как опыт управленческой деятельности у респондентов. Он вводится впервые. Все, имеющие такой опыт, дают более низкие оценки деятельности органов власти и управления, чем не имеющие такого опыта. Далее идут факторы образования и пола. Респонденты с высшим образованием, не говоря уже о тех, кто имеет научную степень, дают наиболее низкие оценки всем уровням вертикали, кроме последнего (организации) и больше всех поддерживают противников органов власти и управления, чем сторонников. Это же относится и к отраслевому аспекту деятельности респондентов: наиболее критичны те, кто занят научной деятельностью и работает в сфере образования. Такие демографические признаки как пол и возраст играют важную роль только в некоторых случаях, которых следует говорить в контексте ситуации.

Разумеется, эти данные – ещё далеко не полная картина отношения респондентов к иерархии структуры власти и управления. Это иллюстрация возможностей получить новое знание с помощью анализа триплекс-групп в процессе исследования специфических проблем трансформации властно-управленческих структур российского общества. Более обстоятельный ответ на поставленные вопросы может быть получен на основе представительных мониторинговых исследований по регионам.

К сожалению, мы опускаем из описания интересные, но уводящие несколько в сто-

рону, данные о степени соответствия деятельности властей различных уровней внешним и внутренним угрозам факторов, влияющих на них. Скажем только, что число обеспокоенных неудовлетворительным положением дел по отдельным направлениям внутренней политики среди отрицательно оценивающих работу органов власти и управления доходит до 60-80%.

В этом проявляется общее понимание критической ситуации в стране и в мире сторонниками и противниками существующих властно-управленческих структур. Различными являются способы решения, вплоть до категорического неприятия планов и программ противоборствующих сторон. Выработке компромиссных позиций может содействовать материал нашего исследования, если на него появится спрос.

Спрашивается, есть ли гарантия того, что нынешние противники власти, которые возможно завтра станут новой властвующей элитой, найдут способы радикального, в смысле институционального, решения проблемы реформирования существующей вертикали власти и управления? Сомнительно. Из наших данных следует, что ресурс радикальных реформаторов, которые могли бы прислушаться к проблемам, обсуждаемым в этом Докладе, крайне мал. Подавляющее большинство опрошенных считает, что при всех её недостатках наша властно-управленческая вертикаль в целом поддаётся эволюционному реформированию.

Эти выводы были проверены на основе анализа оценок населением работы ВУВ в кризисной ситуации 2014 г. по сравнению с докризисным 2012 годом – проверка чувствительности методики гражданской экспертизы путём сравнения оценок работы системы власти и управления в докризисный 2012 г. и в кризисный 2014 г.

4.3. Проверка сензитивности методики гражданской экспертизы путём сравнения оценок работы системы власти и управления в докризисном 2012 году с 2014 годом.

Для экспликации влияния фактора «кризис» на изменения отношения граждан России к работе отдельных звеньев властно-управленческой вертикали (ВУВ) к системе органов

власти и управления в целом, были подготовлены аналитические таблицы, которые соединили в себе различные оценки работы этой системы, а также внешних и внутренних условий ее функционирования. В результате удалось выявить ряд существенных изменений в свойствах ВУВ в результате влияния кризиса.

К ним относятся:

- изменение в оценке работы всех звеньев властно-управленческой вертикали (от президента до предприятия и местного самоуправления) по важнейшему для управления критерию достижения конечных результатов (табл. 3);

Таблица 3

Оценка работы властно-управленческой вертикали по конечным результатам

Table 3

Evaluation of the power-management vertical's work on the end results

Уровни ВУВ	Оценка		Высокая оценка		Средняя оценка		Низкая оценка		Затр. отв.	
	Ранг		2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
1. Президент	2	1	35,9	65,7	34,1	19,3	22,3	5,5	7,7	9,4
2. Правительство	4	2	32,7	55,5	37,3	28,5	23,4	7,0	6,6	8,0
3. Госдума	7	7	23,4	40,5	36,0	33,1	33,3	17,8	7,2	8,7
4. Совет Федераций	8	3	22,7	45,1	37,6	31,6	26,7	10,8	13,0	12,5
5. Отраслевое Министерство	6	5	24,7	42,2	35,6	31,8	27,2	13,5	12,6	12,6
6. Губернатор	3	4	34,3	44,7	35,2	33,1	23,3	14,9	7,2	7,3
7. Администрация поселения	5	6	30,9	40,1	36,2	34	27,5	19,7	5,5	6,1
8. Работа администрации предприятия (орг.)	1	3	36,2	45,1	31	30,1	22,6	12,7	10,3	12,1

- изменение в оценке работы всех звеньев ВУВ в области внешней политики (по критерию обеспокоенности внешними угрозами до кризиса и в посткризисное время) (см. табл. 4);

- изменение в оценке работы всех звеньев ВУВ в области внутренней политики (по критерию обеспокоенности положением дел в той или иной сфере общественной жизни) (см. табл. 5);

- изменение в оценках респондентов, представших в роли экспертов традиционных для России недостатков в системе управления, рассмотренных с позиций выполнения полного набора функций управленческого цикла, называемых нами собственно отношениями управления, и других типов социальных отношений (власти, собственности), сопутствующих их выполнению (см. табл. 6);

- наконец, изменение представлений граждан о необходимости коренных преобразований системы властно-управленческих отношений к чему, как оказалось, их подталкивают указанные выше кризисные обстоятельства (см. табл. 7).

Начнём анализ с оценки респондентами конечных результатов работы ВУВ.

Мы отмечаем, прежде всего, тот факт, что кризис 2013-2014 гг. повлиял на общее повышение удельного веса хороших и отличных оценок работы во всех звеньях системы властно-управленческой вертикали (ВУВ) (см. табл. 3) В основном это произошло за счёт уменьшения доли низких оценок (плохих и очень плохих). То, что это важное обстоятельство связано с изменившейся внешнеполитической ситуацией и с ростом доверия к институту президентства, не вызывает сомнений. Во-первых, у Президента в 2014 г. появилось в 1,8 раза больше высоких оценок, чем в 2012 г. и почти в 4 раза меньше низких оценок, а во-вторых, что очень существенно, доля затрудняющихся ответить, которая символизирует у нас число респондентов, так или иначе, по разным причинам, отчуждённых от общественно-политических проблем, в целом не изменилась. Характерно, что средняя оценка наиболее сильно качнулась так же в сторону поддержки Президента (она уменьшилась в

его пользу с 34,1% в 2012 г. до 19,3% в 2014 г.). Плюс ко всему это говорит и о том, что разработанный нами инструментарий заметно реагирует на ситуативные изменения факторов. Особый интерес представляют изменения в характере связанности звеньев ВУВ. Если до кризиса ведущую роль в «социальном теле» системы органов власти и управления страны играла связка президент – администрация предприятия или организации, где непосредственно работает респондент и региональная власть (губернатор), то в результате кризиса, определившего внешнюю угрозу как главную, превалирующую над внутренними проблемами, ядром системы ВУВ стала связка таких звеньев как президент – правительство и Совет Федерации, которые принимали в период присоединения Крыма наиболее масштабные и ответственные решения. При этом, что характерно, свои ведущие позиции сохраняет и уровень предприятия-организации (4-е на ранговой шкале). На периферии системы ВУВ оказались такие звенья как Дума и руководство города, посёлка, где респондент непосредственно проживает. К полупериферии отошли министерства и региональные органы власти и управления с теми проблемами, за которые они отвечают.

Для проверки общих выводов, обратимся к изменениям в оценке респондентами их представлений о структуре внешних и внутренних вызовов и угроз (см. табл. 3 и 4).

До кризиса из 8-ми направлений внешней политики наибольшую обеспокоенность вызывала наша способность обеспечить свою безопасность и суверенитет в связи с экспансионистской политикой США, ярким свидетельством которой стало неуклонное расширение НАТО на Восток. Это опасение нашло своё отражение на ранговой шкале обеспокоенности (1, 2 и 3 позиция в таблица 1.2). На 4-й позиции оказалась события «арабской весны» на севере Африки и на арабском Востоке. В полной мере их значение проявится только во второй половине 2015 г., когда произойдут события в Сирии и в Египте. Российское общественное мнение рассматривало их в одном ряду с уже произошедшим государственным переворотом на Украине.

Отношения со странами ЕС в 2012 и 2014 гг. остались на среднем уровне обеспокоенности, а со странами БРИКС и Балтии на низком. Отдельно следует отметить повышение уровня обеспокоенности со странами СНГ и прежде всего с Украиной, в отношении которой в 2014 г. уровень обеспокоенности стал зашкаливать, собственно данные таблицы 4 и показывают отражение общественно-политического кризиса в сознании респондентов. Здесь выстроилась такая цепочка взаимосвязанных явлений: майданная революция на Украине, политика США, ЕС и НАТО в отношении России, которая и определила новую роль и ответственность всех звеньев работы ВУВ.

Таблица 4

Обеспокоенность проблемами внешней политики

Table 4

Concern of foreign policy issues

Направления	Степень оценок %		Ранг		Большое беспокойство		Среднее беспокойство		Не вызывает особого беспокойства		Затр. отв.	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
1. Со странами СНГ	6	4	30,0	42,8	25,7	26,9	37,8	21,5	6,5	8,8		
2. Со странами Балтии	7	7	28,3	28,6	21,7	30,2	41,9	29,5	8,1	11,6		
3. Со странами ЕС	5	5	30,5	41,4	25,7	26,8	33,0	25,0	9,7	11,4		
4. С организацией НАТО	3	3	42,8	50,4	23,4	20,3	29,9	18,0	8,8	10,5		

Направления	Степень оценок %		Ранг		Большое беспокойство		Среднее беспокойство		Не вызывает особого беспокойства		Затр. отв.	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
5. США	2	2	47,4	57,2	21,5	14,4	22,8	20,3	8,4	8,0		
6. БРИКС	8	6	22,0	32,3	23,8	24,9	43,6	30,1	10,7	11,7		
7. Сев. Африка, арабские страны	4	7	32,0	28,5	-	27,5	34,6	28,4	11,4	15,6		
8. Политика России (обеспечение безопасности)	1	4	51,0	50,3	19,0	16,1	21,8	12,3	8,2	12,2		
9. Украина	-	1	-	66,4	-	10,7	-	10,6	-	12,3		

Рассмотрим теперь, как кризисная ситуация отражается на реализации внутренней политики в стране (табл. 4). Респондентами оценивалась внутренняя политика в стране по 14 направлениям в 2014 и в 2012 году. Степень обеспокоенности каждой из них позволяет построить ранговые шкалы для оценки сдвигов в работе органов власти и управления в кризисной ситуации. В докризисном году наиболее важными и в этом смысле приоритетными выступали первые пять направлений: 1) политика в области цен, зарплат и пенсионного обеспечения, 2) жилищно-коммунальная реформа, проблема тарифов, доступного жилья, 3) политика социальной справедливости (уменьшения разрыва между уровнями жизни бедных и богатых) 4) состояние работы по борьбе с коррупцией и 5) продовольственная политика (обеспечение качественными продуктами питания). Средние места по актуальности в глазах населения занимают четыре следующих направления: 6-е место по рангу – обеспечение безопасности граждан, борьба с терроризмом и экстремизмом, 7) развитие науки, образования и воспитания, 8) здравоохранение и демографическая политика 9) региональная политика, выравнивание уровня жизни в регионах, На последних пяти направлениях оказались следующие: 10-е ранговое место – демократизация общественной жизни, честность и прозрачность выборов, 11) укрепление обороноспособности страны 12 – городская политика, 13) реформа местного самоуправления и 14) политика модернизации.

Теперь обратимся к 2014 году. Гипотеза о том, что в отличие от направлений внешней политики (Табл. 4) предпочтения граждан в актуализации тех или иных направлений внутренней политики (табл. 5) не должен заметно измениться за последние два года, в целом подтвердилась. Другой генезис и другая инерция изменений у этих предпочтений.

Анализ распределений рангов обеспокоенности респондентов относительно проведения того или иного направления внутренней политики в 2014 г. показывает, что структурно эти предпочтения мало чем отличаются от 2012 г. Так в первую пятёрку наиболее актуальных направлений работы в 2014 г. попали (по рангам): 1) политика в области цен, зарплат и пенсионного обеспечения, 2) всё та же реформа ЖКХ, 3) наука, образование и воспитание (ранее было в средней группе), 4) борьба с коррупцией и 5) демографическая политика, здравоохранение. В новую среднюю группу попали четыре направления: 6 ранг – сокращение разрыва между богатыми и бедными, 7) обеспечение безопасности граждан, 8) продовольственная политика и 9) – как и в 2012 г. – региональная политика. Теперь сравним последние пять направлений с докризисным годом. На 10-м месте – демократизация общественной жизни, на 11) городская политика, на 12) реформирование системы местного самоуправления, на 13) укрепление обороноспособности и на 14) как и в 2012 политика модернизации. Как видим, несмотря на некоторые различия, структурно предпочтения ре-

спондентов в докризисный и в кризисный периоды остаются схожими, что говорит о внешнеполитических и внутренне политических направлениях деятельности звеньев ВУВ как о

различных и нелинейно связанных сферах государственной и общественной жизни, что представляет значительный научный интерес.

Обеспокоенность внутренней политикой в РФ в 2012 и в 2014 годах

Таблица 5

Table 5

Concern of domestic politics in Russia in 2012 and 2014

Направление	Степень обеспокоенности		Вызывает большое беспокойство		Вызывает среднее беспокойство		Не вызывает беспокойства		Затр. отв.	
	Ранг		2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
1. Разрыв по уровню (бедные-богатые)	3	6	72,2	61,5	14,8	21,2	10,8	12,3	2,3	5,0
2. Региональная политика	9	9	59,0	53,9	21,5	25,9	15,8	13,3	3,7	7,0
3. Демографическая политика и здравоохранение	8	5	61,4	62,0	19,2	22,5	14,1	10,5	3,3	5,0
4. ЖКХ	2	2	74,4	68,8	13,1	17,0	6,6	9,8	2,1	4,4
5. Зарплата	1	1	77,7	73,0	13,5	16,1	6,9	7,1	2,4	4
6. Наука, образование	7	3	64,2	63,3	20,5	21,5	12,3	9,8	3,1	5,4
7. Продовольственная политика	5	8	67,2	56,7	19,0	25,3	11,1	13,5	2,7	4,7
8. Безопасность граждан	6	7	65,1	61,2	18,9	20,1	12,7	9,7	3,2	5,1
9. Коррупция	4	4	70,3	62,2	14,9	19,2	11,8	13,0	3,0	5,7
10. Политика модернизации	14	14	45,9	56,7	27,4	25,3	20,2	13,5	6,6	9,0
11. Укрепление обороны	11	13	48,5	48,4	25,7	27,8	27,7	13,6	4,7	7,4
12. Демократия	10	10	56,7	51,9	22,0	29,8	16,6	14,8	4,6	7,9
13. Реформа МСУ	13	12	46,2	42,6	25,0	29,8	21,8	17,6	7,0	9,9
14. Городская политика	12	11	46,6	49,8	23,9	27,3	22,2	14,8	7,3	8,1

Теперь обратимся к материалам нашего исследования относительно структурно-функциональных особенностей отечественной системы управления. Её недостатки общеизвестны и выражены у нас в 14 показателях экспертной оценки (см. табл. 5).

У нас есть возможность дать как общую характеристику этих особенностей, так и ответить на вопрос: какова степень ригидности этой системы, перестраивается ли она сама (автоматически) в зависимости от изменения внешних и внутренних вызовов или остаётся устойчиво неэффективной, несмотря ни на какие катаклизмы? Вопрос, может показаться чисто риторическим, но имея данные массового репрезентативного опроса населения,

нельзя не попробовать ответить на него конкретно.

Предварительно было выделено четыре критерия, определяющих состояние и уровень развития системы управления, а также отдельные признаки, позволяющие оценить степень соответствия реальной ситуации управления этим критериям. К ним относятся:

- организационно-управленческие критерии (лишние звенья, излишняя бюрократизация, уровень контроля исполнения, использование должностных инструкций, обеспеченность ресурсами);

- квалификация руководящих кадров (профессиональная подготовка, мотивирование исполнителей, чувство нового);

- стиль управления (командный, силовой, собственнический, либеральный, демократический);
- деформация отношений управления другими социальными отношениями (использо-

вание ресурсов организации в личных целях (воровство, коррупция), признаки клики – прева-лирования узко-групповых интересов над общими, ориентация на власть, а не на конечный результат.

Оценка недостатков работы в системе управления

Таблица 6

Table 6

Assessing the drawbacks of working in the management system

Ст. обеспокоенности Недостатки в системе управ.	Ранг		Вызывает большое беспокойство		Вызывает среднее беспокойство		Не вызывает беспокойства		Затр. отв.	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
1. Лишние звенья	11	7	52,3	45,2	22,2	26,0	18,5	15,7	7,0	13,1
2. Избыток процедур	5	5	58,5	47,5	21,9	26,4	13,2	12,7	6,4	13,4
3. Игнорирование мнений исполнителей	6	4	58,1	48,5	22,4	27,0	13,4	12,2	6,2	12,4
4. Не учитывают новое	9	7	54,9	45,2	25,5	30,6	12,4	12,9	7,1	11,2
5. Нехватка ресурсов	8	6	55,6	46,6	25,0	29,2	13,5	12,2	5,9	12,0
6. Слабый контроль	4	4	59,4	48,2	24,0	27,5	11,6	13,2	5,1	11,2
7. Прева-лирование частных интересов	2	1	67,6	56,4	21,6	20,4	10,9	11,6	7,9	10,6
8. Использование ресурсов в личных целях	1	2	68,0	52,6	15,8	22,9	10,1	12,0	6,1	12,6
9. Низкий проф. уровень	7	3	57,4	48,9	24,0	26,5	12,5	13,7	6,1	10,8
10. Незаинтересованность исполнителей	10	3	54,5	49,0	24,9	25,9	10,6	12,7	7,0	12,7
11. Совмещение ф-ий собств. и менедж.	14	9	35,8	34,5	28,0	30,6	24,8	21,1	11,4	17,8
12. Характер должностн. инструкции	12	8	44,7	38,7	26,9	28,9	19,9	17,3	8,5	14,8
13. Силовой стиль управления	13	8	41,0	38,8	27,2	28,9	21,9	16,2	8,9	16,2

В таблице 6 в первой колонке представлены общие результаты по вопросу о недостатках в работе системы управления в 2012 г. и во второй - в 2014 г. по тому же вопросу. Уже

по первой колонке можно судить о состоянии отечественной модели управления. Повторяем использованную выше процедуру анализа. Высокая, средняя и низкая обеспокоенность

респондентов отдельными признаками, знакомым им из практики управления, позволяют ранжировать все 14 признаков по критерию «сильная обеспокоенность». Это ранжирование по массиву 2012 г. даёт возможность провести его по высокой степени проявления (группу А), со средним проявлением (группу Б) и со слабым, т.е. менее всего вызывающим беспокойство (группу В). Не будем приводить проценты (они есть в таблице), зафиксируем их проявление как социально-статистические факты:

- в группе А, с рангами 1, 2, 3, 4, 5, оказались все признаки критерия деформации отношений управления другими социальными отношениями (использование ресурса организации в личных целях, превалирование групповых интересов над общими, ориентация на сохранение власти, а не на конечный результат). К ним добавились два признака от организационно-управленческого критерия (слабый контроль за реализацией принятых решений и бюрократический избыток процедур согласования).

- в группу Б, с рангами 6,7, 8,9, попали признаки по стилю управления (игнорирование мнений исполнителей) и по уровню профессиональной подготовки (слабое чувство нового, ссылки на нехватку ресурсов, неумение мотивировать исполнителей, недостаток квалификации)

- в группу В, с рангами 10, 11,12, 13 и 14 попали недостатки по всем 4-м критериям с той лишь оговоркой, что они не относятся к числу нетерпимых. Таковыми респонденты считают силовой стиль управления, совмещение функций собственника и менеджера, нефункциональный характер должностных инструкций, лишние управленческие звенья.

Не будет большим преувеличением, если мы, в аналитических целях, признаем перечень признаков группы А – эмпирическим выражением того комплекса проблем, с которым сжилась и пытается решать исторически значимые задачи модернизации страны, наша властно-управленческая вертикаль. Мы берём эти данные в качестве ориентира в дальнейшей работе над проблемой реформирования

системы управления в стране. Остаётся ответить на вопрос: в какой степени наступивший кризис, связанный прежде всего с западными санкциями, а на самом деле начавшийся ещё задолго до них, оказывает влияние на основные параметры системы управления?

Для этого рассмотрим второй столбик данных (табл. 6) о недостатках системы управления, полученный в результате массового опроса в 2014 году. Анализ этого столбца подтверждает, что ядро признаков, зафиксированных нами в материалах исследования 2012 г. остаётся в «лидерах» основных недостатков отечественной системы управления и по материалам исследования 2014 года. Между ними есть и некоторые различия, которые требуют более детального анализа, но принципиально это не меняет общего вывода. По всей видимости, наша ВУВ не может сама спонтанно перестроиться под влиянием новых обстоятельств, ей нужно в этом серьёзно помогать.

В заключение этого раздела отчёта рассмотрим установки участников двух массовых опросов населения на необходимость коренных изменений в работе ВУВ (табл. 7). К этому моменту мы уже располагаем данными о вызовах и угрозах нашей государственности со стороны внешних сил и о значительном недовольстве населения работой органов власти и управления в части решения внутренних проблем. В воздухе витает ощущение, что мы опаздываем с крупной назревшей реформой государственного управления, но всё побаиваемся, что пойдёт «по-Черномырдину»: хотелось, как лучше, а получилось, как всегда. У социологов пока нет проекта такой реформы, но мы по крайней мере знаем, что без учёта того, что думают по этому вопросу и простые люди и специалисты в разных городах и весях страны, замахиваться на быстрые и решительные перемены в этой сфере не следует. Хотя нельзя и не признать, что задержка с проведением назревших изменений тоже чревата. Поэтому нужно поддерживать любую серьёзную работу со схожей с нами тематикой, чтобы находиться на высоком уровне готовности к внезапным переменам.

Таблица 7

Необходимость коренных изменений в работе властно управленческой вертикали

Table 7

The need for radical change in the work of the power management vertical

Уровни ВУВ	Оценка		Ранг		Высокая		Средняя		Низкая		Затр. отв.	
	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014	2012	2014
1. Президент	3	6	34,8	12,5	23,2	22,8	34,6	51,7	7,3	13		
2. Правительство	3	5	34,7	15,4	26,2	29,3	31,7	43,2	7,4	12,2		
3. Госдума	1	1	39,3	26,2	24,7	34,5	28,2	39,3	7,8	12,9		
4. Совет Федераций	2	4	35,9	17,3	28,0	30,9	27,0	35,9	11,2	16,0		
5. Отраслевое мин-во	3	3	35,0	19,1	26,0	29,9	26,6	34,4	11,5	16,6		
6. Губернатор	4	3	30,4	20,2	29,5	33,3	32,9	34,7	7,2	11,7		
7. Адм. поселения	3	2	34,9	25,0	30,7	32,7	28,4	31,5	6,0	10,9		
8. Адм. и предприниматель	4	3	30,0	19,7	25,4	28,1	34,3	36,4	10,3	15,8		

Для прояснения сложившейся ситуации обратимся к таблице 5. Здесь высвечиваются три немаловажных обстоятельства. Первое: участники социологического опроса 2014 г. более скептически относятся к каким бы то ни было реформам системы управления, чем в 2012 г. Это хорошо заметно, если сравнить два последних столбца таблицы справа (затруднившиеся ответить). Второе: если в 2012 г массив опрошенных примерно одинаково по численности представлял группы сторонников, противников и «серединников» радикального реформирования системы управления, то в 2014 г произошёл явный сдвиг в сторону противников поспешного радикализма. Достаточно обратить внимание на рост поддержки Президента с 34,6% в 2012 г до 51,7% в 2014 г. в вопросах реформирования ВУВ. Третье: есть основание считать, что существует разнообразие в подходах к реформированию системы управления в стране как по вертикали (по отдельным звеньям), так и по горизонтали (по регионам). Уже по таблице 7 заметно, что первыми кандидатами для реформирования могут стать Госдума, организация работы органов власти и управления в различных поселениях (городах, посёлках и деревнях) и в отраслевых ведомствах. Таким образом, можно предположить, что центр тяжести реформирования системы управления страны смещается из Москвы в регионы. Тем самым повышается роль руководства регионов в организации этой работы. Её содержание рассматривалось

выше при анализе социальных деформаций управленческой деятельности (Табл. 6). Свою задачу мы видим в выявлении реальных и потенциальных социальных субъектов процесса выборочного реформирования властно-управленческой вертикали в стране путём Всероссийского мониторинга оценок населением работы отдельных звеньев по регионам и отраслям вплоть до местного самоуправления и разработки, вместе с этими субъектами, локальных программ модернизации ВУВ при законодательной поддержке представительных органов власти различных уровней.

То, что эти Программы могут и должны быть наполнены богатым содержанием местных условий с учётом общероссийских трендов, наглядно можно себе представить из полного отчётного материала наших исследований за 2015-2017 гг.

Заключение (Conclusions). В этой части Проекта национального Доклада ИС РАН, если такой состоится, речь идёт о довольно острой и неоднозначной проблеме реформирования работы органов власти и управления в стране и в регионах. Он начинается со свидетельства, которое никто не будет отрицать, о существовании в обществе парадоксальной неустойчивой ситуации, значительно усугублённой мировым кризисом и западными санкциями: «ножницами» «в настроениях широких масс населения между высокой критичностью по отношению к внутренней, в основном, со-

циально-экономической политике и беспрецедентно высокой, просто зашкаливающей поддержке действий руководства страны по отношению к внешней политике. Как известно, парадоксы больше дружат с наукой, чем со здравым смыслом. А наука, при наличии в обществе столь крупной и чреватой большими неприятностями проблеме, считает, что нам представлен тот самый редкий случай, когда нужно вначале хорошо подумать, чем предпринять какие-либо практические шаги, а не наоборот. Отсюда и цель проекта Доклада – привлечь внимание законодателей и, как говорится, широкой общественности к подлинно актуальной проблеме модернизации системы управления в стране, но не путём поспешных и конъюнктурных реформ, к которым политический класс прибегал уже не раз, а путём постановки нестыкующихся процессов взаимодействия власти и населения под контроль продуманного и хорошо организованного мониторингового исследования в регионах с наиболее высоким уровнем социокультурной модернизации и с участием местного самоуправления. Можно даже сказать, что частично оно уже идёт в рамках гранта РФФИ 2015-2017 гг., но пока ещё носит сугубо академический характер. Своим Докладом мы хотим подчеркнуть, что при предании особого статуса этому исследованию, у нашей страны появляется уникальный в истории шанс сначала подумать, а потом принять может быть и неординарные, но более точные и взвешенные решения на ближайшую и более далёкую перспективу. Важно учесть и то обстоятельство, что вполне репрезентативный и впечатляющий научно-исследовательский материал от одного из авторитетных академических институтов, мы получаем в самый критический период нашей и мировой истории – в годы, когда у нас и в США происходят весьма ответственные выборы органов исполнительной власти. В ходе мониторинга отношения населения к нашим президентским выборам мы получим надёжные данные о реальной расстановке общественно-политических сил в стране и, одновременно, через мониторинг, уникальные данные о реальных интенциях в сознании различ-

ных групп и категорий населения относительно собственного будущего и будущего страны с учётом классовых, этнонациональных, конфессиональных и региональных различий. Знание такого рода может предопределить совместимость власти и общества на долгую историческую перспективу путём перезаключения изжившего себя общественного договора «начала 90-х годов, без всегда пугающих нас новых потрясений. До этого момента вопрос о том, действительно ли Россия исчерпала свой лимит на революции будет оставаться открытым. В нашем Докладе отстаивается позиция, согласно которой только совместными усилиями легитимно избранных органов власти и нарождающегося в трудностях и в борьбе за человеческое достоинство гражданского общества, можно не только выстоять, сохранить свою национальную идентичность, но и построить систему управления, способную вывести нас на достойную колею цивилизационного развития во многополярном мире.

Список литературы

1. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры // Данные аналитического доклада МГИМО-Университет. 2013. Вып. 3. URL: http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (дата обращения: 24.11.2017).
2. Доклад о мировом развитии 2006. Справедливость и развитие Пер. с англ. публикации Всемирного банка World Development Report 2006: Equity and Development. М.: Издательство «Весь Мир». 2006. 312 с.
3. ИНАБ № 1 – 2016. Проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов / [А. В. Тихонов и др.]; Отв. редактор А. В. Тихонов. Электрон. текст. дан. (объем 6,14 Мб). М.: Институт социологии РАН, 2016. 348 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD ROM).
4. Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России. Результаты мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990-2002 гг.) // Мир России. Социология. Этнология. 2003. №4. С. 120-159.
5. Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII-XIII Дридзевских чтений

(21-22 ноября 2013 г.) / Редколлегия: А. В. Тихонов (отв. ред.), Е. М. Акимкин, В. С. Богданов, А. В. Жаворонков, А. А. Мерзляков, Н. Н. Никс, Е. И. Рабинович, В. А. Шилова (ученый секр.), В. В. Щербина. М.: Институт социологии РАН, 2014. 548 с.

6. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Оценка деятельности институтов публичной политики в России // Политические исследования. 2013. №5. С. 77-86.

7. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Проблемы и приоритеты развития публичной политики в современной России // Власть. 2013. № 9. С. 4-9.

8. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Повышение культуры публичной политики – вызов для демократического развития России // Власть. 2014. № 9. С. 5-10.

9. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры. Граждане и власть: проблемы и подходы. М., 1998. 174 с.

10. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / Отв. редактор А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 546 с.

11. Тихонов А. В. Социология управления. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.

12. Тихонов А. В., Ленков Р. В. Роль института высшего образования в решении проблем социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 5. С. 158-168.

13. Тихонов А. В., Богданов В. С., Гусейнова К. Э. Гражданская онлайн-экспертиза деятельности региональных систем управления в контексте процессов социокультурной модернизации регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 101-123.

14. Шевяков А. Ю. Мифы и реалии социальной политики. М.: М-Студио, 2011. 76 с.

15. Anderson B. Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983. 129 p.

16. David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75, № 2.

17. He Chuanqi. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2012. 648 p.

18. Krut R. Globalization and Civil Society: NGO Influence in International Decision-Making World // United Nations Research Institute for Social Development. URL:

<https://www.files.ethz.ch/isn/28982/dp83.pdf> (дата обращения: 24.11.2017).

19. Lasswell H. D. Psychopathology and Politics, University of Chicago Press, Chicago. 1930. 339 p.

20. Stölting E. Mafia als Methode. Erlangen: Palm & Enke, 1983. 33 p.

References

1. *Global trends 2030: alternative worlds* (2013), The analytical report of the MGIMO-University, 3, [Online], available at:

http://www.iceg.net/2007/books/1/1_369.pdf (Accessed: 24 November 2017). (In Russian).

3. Tikhonov, A. V. and others (2016), INAB 1, *Problemy reformirovaniya vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontekste protsessov sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov* [Problems of reforming the power-management vertical in the context of processes of socio-cultural modernization of regions], INAB 1 [Electronic] in Tikhonov, A.V. (ed.), Institute of Sociology RAS. (In Russian).

4. Lapin, N. I. (2003), "How do Russians feel and to what they aspire. The results of the monitoring "Our values and interests today" (1990-2002)", *Mir Rossii*, 4, 120-159. (In Russian).

5. *Modernizatsiya otechestvennoy sistemy upravleniya: analiz tendentsiy i prognoz razvitiya* [The modernisation of the national control system: tendencies and development forecast] (2014), Proc. of the all-Russian scientific and practical conference XII-XIIth of Dridzevsky readings (21-22 November 2013) / in Tikhonov, A. V. (ed.), Institute of Sociology RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

6. Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2013), "Evaluation of the impact of public policy institutions in Russia", *Polis*, 5, 77-86. (In Russian).

7. Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2013), "Problems and priorities of public policy in modern Russia", *Vlast'*, 9, 4-9. (In Russian).

8. Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2014), "Improving the culture of public policy – challenge for democratic development of Russia", *Vlast'*, 9, 5-10. (In Russian).

9. Ritter, M. (1908), *Public sphere as an ideal of political culture. Citizens and politics: problems and approaches*, Moscow, Russia. (In Russian).

10. *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoy vertikali v kontekste problem sotsiokul'turnoy modernizatsii regionov* [Russia: reform of the power-management vertical in the context of sociocultural modernization of regions] (2017), in Tikhonov, A. V. (ed.), FNIS RAS. (In Russian).

11. Tikhonov, A. V. (2007), *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of management], "Kanon+", ROOI "Reabilitacia", Moscow, Russia. (In Russian).

12. Tikhonov, A. V. and Len'kov, R. V. (2017), "The Role of Institute of Higher Education in Solving the Issues of Socio-Cultural Modernization of Regions", *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 5, 158-168. (In Russian).

13. Tikhonov, A. V., Bogdanov, V. S. and Guseynova, K. E. (2017), "Civil Online Examination of the Work of Regional Management Systems in the Context of Socio-Cultural Modernization Processes in the Region", *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 1, 101-123. (In Russian).

14. Shevyakov, A. Yu. (2011), *Mify i realii sotsial'noy politiki* [The myths and realities of social policy], M-Studio, Moscow, Russia. (In Russian).

15. Anderson, B. (1983), *Imagined Communities: Reflection on the Origin and Spread of Nationalism*, London, UK.

16. David Paul A. (1985), "Clio and the Economics of QWERTY", *American Economic Review*, 75 (2).

17. He Chuanqi (2012), *Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement*, Heidelberg: Springer-Verlag, Berlin, Germany.

18. Krut, R. *Globalization and Civil Society: NGO Influence in International Decision-Making World*, United Nations Research Institute for Social Development [Online], available at:

<https://www.files.ethz.ch/isn/28982/dp83.pdf> (Accessed: 24 November 2017).

19. Lasswell, H. D. (1930), *Psychopathology and Politics*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

2. *Doklad o mirovom razvitii 2006. Spravedlivost' i razvitie* [Development Report 2006: Equity and Development] (2006), Translated by the world Bank, Ves' Mir, Moscow, Russia. (In Russian).

20. Stölting, E. (1983), *Mafia als Methode*, Palm & Enke, Erlangen, Sweden.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Тихонов Александр Васильевич, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Aleksandr V. Tikhonov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Center for Management Sociology and Social Technology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

УДК 316.472.45

DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-4-107-113

Dianna V. Davtyan¹ | VALUE OF JUSTICE AS THE BASIS FOR BUILDING
Maksim V. Selyukov² | CONSOLIDATION OF THE POPULATION IN MODERN RUSSIA

¹) Belgorod State University 308015, Russia, Belgorod, Pobedy St., 85. davtyan@bsu.edu.ru

²) Belgorod State University 308015, Russia, Belgorod, Pobedy St., 85. selyukov@bsu.edu.ru

Annotation. The article deals with the problem of social justice in modern Russian society. Consolidation potential of justice is investigated, it is noted that social consolidation is one of indispensable conditions of emergence and existence of any society. Attempts are made to analyze the term ‘social justice’. It is emphasized that the social justice is the basic value of the Russian society. For the last few years it very much was staticized and became aggravated, and in the last two years citizens assess a situation from a new level, from new idea of it. The situation became just catastrophic because idea of social justice is not articulated. Experts do not conduct a discussion about it. The Russian’s perception of social justice is analyzed based on sociological surveys. It is proven that in the socio-economic and socio-cultural conditions of modern Russia there is an apparent discrepancy between statutory significance of justice in public awareness and willingness to uphold justice, it is necessary to distinguish justice as terminal value and as social practice. It is defined that there is an objective need for search of qualitatively new forms of consolidation of the citizens answering to inquiries of society and relevant in modern social and economic conditions. One of such forms are social and network communities which represent a complex of rather stable and long-term interactions of informal character which do not have the expressed organizational structure and performing function of accumulation of volume of a personal and social capital in relation to their participants.

Key words: justice, social justice, consolidation, self-organization, civil activity.

Давтян Д. В.¹ | ЦЕННОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОСНОВА ПОТЕНЦИАЛА
Селюков М. В.² | КОНСОЛИДАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

¹) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. davtyan@bsu.edu.ru

²) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85. selyukov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема социальной справедливости в современном российском обществе. Изучен консолидационный потенциал справедливости, отмечено, что социальная консолидация является одним из обязательных условий появления и существования любого общества. В статье предпринята попытка определения сущности понятия «социальная справедливость». Подчеркнуто, что социальная справедливость является основной ценностью российского общества. Дискуссия о роли социальной справедливости, как базовой ценности общества в последние несколько лет очень актуализировалась и обострилась. Ситуация стала достаточно критической в первую очередь, потому, что не артикулировано представление о социальной справедливости. Эксперты не ведут дискуссии о ней. На основании данных социологических опросов проанализированы

представления россиян о социальной справедливости. Доказано, что в современных российских социо-экономических и социокультурных условиях существует довольно явное расхождение между нормативной значимостью ценности справедливости в сознании населения и готовностью за эту справедливость бороться. Таким образом, необходимо отличать справедливость как терминальную ценность и как социальную практику. Определено, что существует объективная потребность в поиске качественно новых форм консолидации граждан, отвечающих на запросы общества и релевантных современным социально-экономическим условиям. Одной из таких форм выступают социальные сетевые сообщества – представляющие собой комплекс относительно стабильных и долговременных взаимодействий неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к их участникам функцию наращивания объема личного и социального капитала.

Ключевые слова: справедливость, социальная справедливость, консолидация, самоорганизация, гражданская активность.

The purpose of Work: main objective of work is identification of the main features of realization of principle of social justice in modern social conditions.

Introduction. Against the background of the transformational processes happening around the world sharply there is a question of what prospects of Russia in the globalized world. Assessment of these prospects is directly connected not only with the reforms undertaken at the macrolevel, but also with ability and readiness of the population to support the relevant initiatives at the microlevel. Extent of consolidation of the Russian society, level of its unity, the population relation to existence and character of the contradictions existing in it acts as one of key aspects of such readiness.

Extent of consolidation of society depends on different factors – «social well-being and features of a standard and valuable component, identities making national culture, a ratio civil, regional, local, ethnic, etc. and the nature of activity of citizens, existence of the institutionalized channels of protection by citizens of the interests and many other factors» [16].

Social consolidation is one of indispensable conditions of emergence and existence of any society. Strictly speaking, other factors, such as adaptation to the environment, economic practitioners, relationship of the people and the power, safety internal and external, etc. – in the final efficiency are also caused by extent of consolidation of communities, and societies, in general.

Solidarity, or not indifferent attitude towards fellows, tribespeople, and fellow citizens – acts as guarantee of successful social reproduction of society in all its key spheres. Respectively, the problem of formation and maintenance of solidary character of the public relations cannot but be one of key both in public policy, and in initiatives of local communities [8].

The development of socio-political situation in Russia in recent years has mainstreamed the problem of justice. Largely it is a result of the deficit of justice in everyday life. The results of the sociological survey, held in the Belgorod region in 2011 by the scientists of the Belgorod State National Research University (n = 6000) have shown that 39% of respondents constantly face with injustice or, at least, with what they define as injustice [3].

Due to the modern scientific works, justice is interpreted as a synthetic scientific category, which connects cognitive and axiological aspects. It represents the possibility of the ideal as value, caused by the people's behavior and their rationality, i.e. the capacity not only to formulate the ultimate goals but to rationalize the desires, decisions and to evaluate the situation soberly (self-reflection).

As the form of awareness of reality social justice represents reflection of interests of appropriate subjects. Also it is expressed in two moments. First, existence of interest is a prerequisite of emergence of assessment from a position of social justice. Secondly, that actions, acts were estimated as socially fair, they have to «hold» in a

framework of the set interests.

It is necessary to pay attention to two moments: the social justice is not just an indicator of a ratio, «soizmereniye» of the phenomena, it represents a «reasonable», «correct» proportion; the social justice as a «reasonable», «correct» proportion acts as the motivational engine of human acts. And it can serve as estimated criterion not only what already takes or took place, but also the fact that else nastupit⁶. However justice – representation about due is not simple.

The essence of social justice consists in establishing and designing a measure for human acts. This measure – some kind of assessment of an act which is focused on the hierarchy of values existing in concrete society. Justice – the difficult phenomenon which is expressed in various forms.

T.V. Dylnova notes: «social justice includes the subjective, axiological aspect, which is found in the sense of justice, which forms individual and group social assessments, social expectations and social claim. The social interests influence these individual and group phenomena, that is why the idea of justice and injustice may vary depend on social position» [6].

Justice – «the fundamental principle of life of society based on tradition and playing a role of one of the main integrating elements of society. Its essence consists in establishment of harmony between the act and requital which is adequately accepted in society to values and meanings» [1]. The social justice represents the value, i.e. the real fact of public and individual life. As value the social justice includes gnoseological, standard, estimated and ideal components. Acting as the most critical point of intersection of individual and public interests, it expresses historically and culturally acceptable measure of equality and freedom of individuals. Moreover, the social justice as value in modern Russian society has rather high consolidating potential. In the history of Russia it is one of the most significant motivators to actions civil in essence.

To sum up, social justice is a value, i.e. real fact of social and individual life. Values are socio-cultural ideas, the assimilation of which provides not only maintaining of public relations, but their development. As a value, social justice includes gnoseological, regulatory, scorecard and ideal

components. Being the most crucial point of intersection of individual and social interest, it denotes the historically and culturally acceptable measure of equality and freedom of individuals. Moreover, social justice as a value has a very high consolidation potential in modern Russian society [6].

Main part. The president of Russian Federation V.V. Putin has repeatedly mentioned about the importance of justice for the Russian society. In 2011 at the United Russia Congress V.V. Putin claimed: «nowadays the main request of citizens is to provide justice in the broadest sense of the term» [11]. He wrote in his pre-election article that «the society can be successful only when the citizens will be sure in its justice» [12]; that «fair constituents of society and economy are the main condition of our sustainable development these years».

Such statements from the Head of State have the foundation. A sociological survey has shown that «justice» is one of the five most important values for the Russians. For example, in March-April 2012 The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS) in cooperation with the Friedrich Ebert Foundation carried out the sociological research study «The Russian dream: what is it and is it possible?» The sociologists offered a restricted range of alternatives to respondents, and they could choose a number of positions, characterized their dreams. The results are quite interesting. The first three positions in the list of Russian's dreams are (it was possible to choose up to three positions) «to live in sufficiency» (40%); «to be healthy» (33%); «to live in more just and better-organized society» (33%), which includes social justice, equal rights and strong citizen-oriented polity [7]. According to the director of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences M.K. Gorshkov, the main Russian dream can be expressed in one word «and this word is 'justice'» [7]. Furthermore, justice is one of the main motives for civil engagement. It has vital importance, because the modern Russian civil engagement is based on the unusual for the Western culture appeal not to the law, but to the justice. According to the famous Russian political scientist and specialist in the USA N. Zlobin: «The Americans declare the rule of law, we count on justice» [17].

Indeed, despite the reorganization of the last decades, justice takes the role of the important stimulus for the citizen participation. For example, as in the sociological survey «The technology of citizen participation in the practice of local self-government: essence, implementation arrangement, social consequences» held in May-June 2013 in the Belgorod region (N-1130) the participants answered the question, why the civil control is necessary for Russia: the control of local self-government by government authorities (22,44%), corrupt practice (44,68%), abuse of power by local public people (46,42%), imitation of work in local self-government «work for the record» (39,85%). Due to the structure of the responds it is seen that civil control should reestablish the principle of justice discredited by corrupt practices and abuse power.

But it is impossible to consider the problem of justice without understanding of ambiguity of the perception of this term by citizenry. Co-chair of the National Strategy Institute Joseph Diskin notes: «social justice is a basic value of the Russian society. Over the past few years it has become accrual and pressing and during the last two years citizenry appraise the situation from the new point of view. The situation has become critical, because it is not formulated. The experts don't discuss it.»¹

In 2013 Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM) provided data on how the Russians understand social justice.

For the relative majority of citizenry social justice is the equality of citizens before law (36%). Less frequently this term is interpreted as the equality of living standards (20%). For 13% social justice is the possibility for everyone to gain what he can; for 12% it is the situation when the status of every member of society is determined by his labor. 11% of respondents links justice with the guarantee for socially vulnerable. 6% think that social justice doesn't exist.

A strong government, order and national interests contain the idea of social justice of the majority of the Russians (58%). This position is typical for the inhabitation of towns and villages (60-

61%), and elderly (62%). A concept of democracy, collective responsibility and freedom is supported by 27% of respondents (in 2007 – 22%). Mostly they are inhabitation of large cities (40%).

Referring to the researches of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS) (including the research of 2012 «What the Russians are dreaming about: ideal and reality») it is necessary to emphasize that «justice has an important role in the dreams of citizenry about the future of the country. Selecting the slogan which expresses a personal Russian's dream about future, the majority of respondents chose the variant about the fairly organized society – social justice, equal rights for everyone, caring State». This response was supported by nearly half population (45%), other variants fell behind: for example, the slogan about democracy and freedom of expression, resurrecting the «great-power status» of Russia and promotion of social stability were supported by 27% for each slogan, the rest didn't have a fifth of the votes².

At the same time, the concept of «social justice» is strongly connected with the concept of «social injustice». Upon analyses, it must be pointed out that the national perception of social injustice reflects the general tendency of socio-economic polarization of modern Russian society. In this regard, the results of the survey, held by the experts of Swiss financial services holding company «Credite Suisse», make an example of this idea. According to the report of 2015, Russia is the country with the highest wealth inequality. According to the Russian Federal State Statistics Service in September 2016 «the declining income of the population is continuous for 22 months in a row. Last time, similar situation was documented by the State Committee for Statistics in December 2008, when the income declined by 10,70% to the previous year»³.

It is emphasized in report of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: «the social injustice, existing in Russia, seems to be unfair to all segments of the population despite

¹ «We don't know what we want». What the Russians think about social justice. Available at: https://lenta.ru/articles/2016/08/14/social_policy. (accessed: 06.11.2017).

²Inequality pathology. Expert and analytics view. Available at: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/>. (accessed: 30.10.2017).

³ Inequality in distribution of monetary income of population Federal State Statistic Service. Official website. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/pov-erty/# (accessed: 22.10.2017).

the dynamics in their personal well-being. Excessive income differences and private property distribution are perceived especially negatively»⁴.

At the same time sociologists notice that in Russian society the attitude to the inequality, induced by merits, achievements and diligence is balanced and quite positive. The surveys of IS-RAS of the last several years (2011-2016) has shown that people of different incomes accept the existence of inequality, arising from fair (for their opinion) ground, related to the differences in talents and efforts, working efficiency. The population also agrees that inequality of income is fair if people have equal income opportunities⁵.

Results of the study and their discussion. As a result, it can be assumed, that citizenry usually connects *social justice and opportunities to the access of social resources, proportionate with their knowledge and merits.*

Despite the ambiguity of the perception of this term, it can be argued that not only integration of the society and social order legitimacy, but even individual's activity depends on successful realization of social justice principle.

Despite the fact that justice is highly valued by society, the mere proclaiming of it doesn't mean its implementation. In our opinion, it is necessary to distinguish between justice as a terminal value and social practice. The surveys of sociologists show that nowadays the majority of the Russians don't believe completely (or don't believe at all) in the possibility of implementation of the dream about fairly organized society. Disagreement between social classes on this question is extremely strong: lower class (poor people) and higher class (wealthy) position differs by factor of eight (7% and 55%). As for representatives of middle class, which makes up 80% of Russia's population, one third of them are optimists (those who believe in possibility of fair society) – 36% [7].

Most Russians, who criticize injustice don't express willingness to assist injustice elimination. In general, scientists don't evaluate the convening power of social justice demand highly. The reason

is that this request is addressed to the government and that «the pursuit of justice in modern Russia isn't connected with collective responsibility and willingness to prevent injustice» [10]. Other causes are low subsidiary potential, lack of social cohesion and unwillingness to joint protection of group interests [2].

These factors distinguish our country from advanced democracy countries, where social justice is implemented by public organizations, which represent the most important institution of consolidation (expression) of different social groups' interests. There are many such organizations in Russia. As at 28 July 2015, Ministry of Justice registered 227445 non-profit organizations. At first sight, it seems to be a great amount, but their potential is used insufficiently for various reasons: mistrust to public organizations, low civil self-assessment, and disbelief that personal participation in public and political life can change the situation [14].

Such value system leads to the alienation of citizens from non-profitable organizations. Most people prefer to take the role of «viewer» and to delegate their authority (as well as responsibility) to the power structures.

As a result, what emerges is the need in searching new form of self-organization of citizens, which meets the requirement of society demand and actual socio-economical conditions. One of these forms is social media community, which «represents a complex of comparatively stable and durable informal interaction with loosely organized structure, which performs a function of accumulation of personal and social capital...» [13].

Inclusion in social media can compensate the lack of individual social recourses by supporting the participants of social networks – family, relatives, friends and acquaintances, countrymen, religious and ethnical communities [13].

On the one hand, social networks are forced, compensatory mechanism, forming in condition of inefficiency of state and other social institutions. On the other hand, it represents universal social mechanism, existing in comparative social

⁴Social inequality in sociological dimension. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_Social_inequality_1.html?printmode(accessed: 22.11.2017).

⁵The Russian idea of justice. Available at: <http://pan-dia.ru/text/78/420/24323.php>. (accessed: 06.11.2017).

and group collective responsibility and supplementing other social institutions.

So, the social network is the coalition of the interconnected specialized actors with the purposes who are acting without hierarchical control or with its minimum participation having numerous horizontal communications, interdependence and exchange and basing the activity on trust, mutual support, mutual benefit, the general for all participants of network social norms and values. So, the social network is the coalition of the interconnected specialized actors with the purposes who are acting without hierarchical control or with its minimum participation having numerous horizontal communications, interdependence and exchange and basing the activity on trust, mutual support, mutual benefit, the general for all participants of network social norms and values.

Formation of social media is the most promising at a local level, where socio-economical interaction between people and mutual commitment expectations, which base social capital of collective actions, is connected with the area of residence. Along with personal interest of every person it forms the collective interest of local community. The development of social media communities includes solution of such problems as:

- Development and maintenance of values of family, friends and community relations;
- Development of communicational channels, development of communication channels, platform for communication of citizens and authorities;
- Formation of culture of trust (interpersonal and institutional).

Formation of local social network communities demands existence of certain conditions, such as.

1. Values and trust. As it was already noted, social networks integration of values and installations of the people defining how they belong to each other and how effectively interaction between them. The installations and values connected with trust, reciprocity and solidarity, expressing natural tendency to association are especially important. They are crucial for social stability and cooperation. Trust – one of the most important integrating forces in society. Trust, – the American sociologist F. Fukuyama writes, is the expectation arising at associates that other his

members will behave more or less predictably, is honest also with attention to needs of people around, in consent with some general norms. The social trust gains the increasing value in the course of formation of social network interaction.

2. Community of interests. Presence at local network community of the common (municipal) interests connected with need of accommodation in this territory provides a possibility of joint satisfaction of personal and public needs and interests. It is possible to assume that the lack of skills of cooperation and the local organization of collective action and also understanding of community of interests and efficiency of their collective upholding are the significant reasons of low civil activity [4]. In turn process of formation of the general cultural identity, valuable and standard bases, understanding of problems and purposes of social development legitimates the general and motivates collective action.

3. Recognition of local community by the power as subject of management. The network model proceeds from recognition of local communities as the full-fledged subjects of management given the mutual rights and duties. At the heart of the relations of the power and society, according to us, four principles have to lie: solidarity, loyalty, trust and mutual interest. Only at their observance real conditions for effective interaction of all subjects of social networks are created.

The conclusion. To sum up, the idea of justice has always been connected with detailed justification of individual and collective actions. In general, there is a significant difference between prescriptive significance of justice in the mentality of the population and the satisfaction of its implementation. There is a contradiction between the significance of justice and uncertainty in the possibility of its implementation.

The attitude of the authorities towards society initiatives; willingness to engage in dialog and interact with population; development of civil engagement practices (especially local ones) and effective organization of civilian control will give a powerful impetus to the development of institution of democracy and will enter a strong partnership with the government to uphold principles of social justice.

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Диагностика консолидационного потенциала ценности справедливости в реализации гражданского контроля в практике местного самоуправления» №17-33-01031.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

References

- Alexander, J.C. Morality as a Cultural System: On Solidarity Civil and Uncivil // Perspectives: Newsletter of the ASA Theory Section. 2011. N 33 (2). P. 1-11.
- Andreev A.L., Russian dream: sociologist's look. Monitoring of public opinion: economic and social changes 2013, no. 1. pp. 95-108.
- Babinstev V.P., Ushamirskaya G.F. Strategy of formation of solidary society in the region. Discussion Publ., 2013, no. 5-6. pp. 120-127.
- Brondolo E. Racism and Social Capital: The Implications for Social and Physical Well-Being / E. Brondolo, M. Libretti, L. Rivera, K. M. Walsemann // Journal of Social Issues. 2012. – Vol. 68. Issue 2. P. 358-384.
- Dobrynina E. Great Russian dream. Russian newspaper. 2012, no. 5810(137).
- Dylnova T.V. Social justice as basis of consolidation and development of modern Russian society. Doct. Diss. Saratov, 2005. 341p.
- Gorshkov M.K., Krumm R, Tikhonova N.E. About than dream Russians: ideal and reality. Moscow, Whole world Publ., 2013. 400 p.
- Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2002. Vol. 65. P. 19-51.
- Non-profit organizations in Russia [an electronic resource]. Available at: <http://tass.ru/info/671635> (accessed 01.12.2017).
- Petukhov V.V. Valuable palette of modern Russian society: «ideological porridge» or search of new meanings? Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2011, no. 1. pp. 6-23.
- Putin V.V. Justice construction. Social policy for Russia [an electronic resource]. Available at: <http://www.rg.ru/2012/02/13/putin-statya.html> (accessed 01.12.2017).
- Putin V.V. Russia concentrates – calls which we have to answer [an electronic resource] Available at: <http://www.izvestia.ru/news/511884> (accessed 01.12.2017).
- Reutov E.V., Kolpina L.V. Reutova M.N. Boyarinova I.V. Efficiency of social networks in regional community. Sociological researches. 2011, no. 1. pp. 79-88.
- Rudinkin V.N. Problema of justice in modern Russian society. Questions of management. 2014, no.26.
- «Social justice: as we understand it» [an electronic resource]. Available at: <http://old2.wciom.ru/index.php?id=268&uid=114297> (accessed 01.12.2017).
- Tönnies F. Community and Association. London, 1955. P. 21.
- Zlobin N. The equality before the law, than hopes on justice is better [an electronic resource]. Available at: http://www.russia-today.ru/2012/2012_14_12.html (Accessed: 30.11.2017).

Дианна Вазгеновна Давтян, кандидат социологических наук, кафедра социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Максим Викторович Селюков, кандидат экономических наук, кафедра социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета

Dianna V. Davtyan, Candidate of sociological sciences, Departments of social technologies Belgorod State University

Maksim V. Selyukov, Candidate of economic sciences, associate Professor, Departments of social technologies Belgorod State University